АЗБУКА ВЕРЫ

протоиерей Николай Депутатов

Простецкое Богословие

Православный портал «Азбука веры» · azbyka.ru

Простецкое Богословие – материал раздела «Православный портал «Азбука веры»» православного портала «Азбука веры».

Оригинал и другие материалы: azbyka.ru/prosteckoe-bogoslovie

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект, все материалы которого доступны бесплатно. Поддержать портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Простецкое Богословие

протоиерей Николай Депутатов

Предисловие ко второму изданию (первому изданию в России)

Двадцать пять лет тому назад, одновременно с изданием первой книги протоиерея о. Николая Депутатова, издатель Братства преподобного Германа Аляскинского о. Серафим (Роуз) переводил частями на английский язык и составлял предисловие, что предназначалось ко второму, пополненному изданию «Богосознания». Для этого накопилось много статей из ранее печатавшихся в разных журналах. Дело шло медленно, но вскоре оба, как автор (О. Николай родился в 1896 (декабря, 18) и умер в 1982 (25-го мая).), так и издатель, отошли в иной мир, и дело заглохло. Теперь Россия восстает из пепла и руин, как и предсказывал и во что верил о. Николай. В России ныне издается масса редчайшей духовной литературы. Верим, что приспело время для обнародования на Родине книг и о. Николая как клич ко всенародному Всероссийскому Богосознанию.
Вот и пригодилось предисловие о. Серафима. Дай Бог, чтобы новые поколения задались святым делом воспитания в себе Богосознания, дабы образ доброго, вдумчивого Христова пастыря засиял на Руси в своем святоотеческом значении, побуждая соотечественников на молитву, Богосознание и преображение.

Отец Герман (Подмошенский)

***

Христос, наш Спаситель, сказал нам, что в последнее время «по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь» (Мф.24:12) и добавил: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф.24:13). В наше время мы видим с полной ясностью, что человечество, потеряв любовь, потеряло также и сознание об Источнике этой любви, Который есть Бог. И действительно, сегодня почти нет сознания, что Бог существует и что Он проявляет себя во всем, и человечество носится взад и вперед, как будто действительно это факт, что нет Бога, создавшего человека и всю вселенную. Цель всей современной «модной» жизни, одержимой гнилым тщеславием,

состоит в том, чтобы всосать даже избранных в водоворот страстей, суеты и «событий,» которые затмевают сознание, что Божие Провидение действует во всем. Поэтому самое главное в наше время, чтобы быть претерпевшим до конца и спасенным – это выработать в себе подлинное и творческое Богосознание, которое смогло бы послужить якорем в бушующем море современной жизни.

Большинство сегодняшних «православных богословов», честно говоря, не имеет, не передает другим это Богосознание. Современные православные «академии», находясь под сильным влиянием у западных академических нестроений, изучают, в лучшем случае, лишь внешнюю, формальную сторону православного вероучения, которая, даже если она и технически правильна, духовно же бессильна и не только не ведет к большему Богосознанию (что по сути богословие должно делать), но даже способствует повышению интереса, как реакция на свою безжизненность, к обратному – к харизматическому «движению,» чья лихорадочная «жизнь» далеко отстоит от Православия.

Подлинные православные богословы нашего времени, как правило, не находятся ни в православных академиях, ни на пышных «теологических конференциях». Их нужно искать в скромных местах, и обычно они не будут носить название «богословов». Сами они не осмеливаются называть свое учение ничем иным, как верной передачей святоотеческого учения, и именно эта верность и это смирение отличает их как носителей подлинного Православного Предания – свойств, которых не хватает большинству знаменитых «православных богословов» на сегодняшний день.

Русская Церковь знала многих таких подлинных богословов за последние столетия, даже если в наше время духовного обнищания, казалось бы, они и вымирают. Один из таких носителей мудрости Церковной Традиции, кто бы удивился, если его величали бы богословом, был протоиерей Николай Депутатов из Брисбэна, Австралия.

Отцу Николаю 80 лет; после служения в Русской Императорской армии эмигрировал после революции на Дальний Восток и закончил свое богословское образование в 1930-х годах в Харбине, Манчжурии, далеко от центров богословской мудрости Европы и Америки. Его

главный учитель на богословском поприще был архиепископ Димитрий, отец будущего митрополита Филарета Нью-Йоркского. Но его любовь к духовной мудрости была с детства, когда он уже был ревностным читателем православных книг и периодики, а его любовь к истинной философии, находящейся в Церкви Христовой, была вызвана, когда он встретился с явлением смерти, о которой сам пишет в предисловии.

Святые Отцы и духовные писатели, которые чаще всего упоминаются в сочинениях о. Николая, были излюбленными авторами русского народа, а именно: авторы «Добротолюбия», препп. Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов, оптинские старцы, о. Иоанн Кронштадтский, епископ Игнатий (Брянчанинов) и, его самый любимый, святитель Феофан Затворник, которого он считал наравне с древними Отцами Церкви и который был для него большим помощником и заступником в его жизни. О житии и сочинениях святителя Феофана о. Николай написал свое кандидатское сочинение, когда учился на богословском факультете, в 1938 году (изданное отдельной книгой много лет позже).

С годами, под влиянием вдумчивого чтения таких духовных источников, с 1941 года, собственным пастырским опытом мышление о. Николая углубилось и прояснилось, а в сердце воцарился мир, и так с годами его начали приглашать принимать участие печатанием статей в духовных журналах, в результате чего появились серии статей, настоящих «жемчужин,» в которых сверкает мудрость исконного Православия, исходящая из глубины искреннего сердца.

В статьях о. Николая нет никаких «богословских проблем» (в смысле современной богословской самоуверенности); все, о чем он пишет, есть жизненный опыт и желание помочь верующим вести смиренную плодотворную христианскую жизнь во спасение и наследие вечного Царства Небесного. Он обобщает свою собственную философию жизни в нескольких словах: «Мы живем более внутренней жизнью. И дано каждому свыше разливать вокруг себя благоухание Христово. Оно исходит от богомыслия и молитвы. Оно в себе содержит радость, веселие, блаженство. Думающая душа о Божественных предметах живет, как в раю, окруженная Божественным светом и горит огнем любви. Память о Спасителе очищает ум, освящает «внутреннее

человека» Божественною благодатию, силою Святаго Духа. Испытано: где нет Бога, нет любви, там все дела, все наши услуги и труды ничто, там царствует безжизненная мертвенность как результат атеистического мировоззрения, пепел, дым…»

Согласно с этой зрелой христианской философией, писания о. Николая касаются по преимуществу внутренней духовной жизни и путем к ней, как: смирение, самоосуждение, покаяние, очищение, перенесение болезней и испытаний, необходимость духовного чтения, Иисусова молитва и как жить сердцем, а не умом. Одна центральная нить проходит через все его сочинения, что дало название нашему сборнику его статей – это Богосознание. Эта тема, как и все, о чем он пишет, ничего не имеет в себе абстрактного – это просто и определенно живое сознание и знание о Боге, что почти полностью не ведомо для современного «богословия» и что характеризует подлинных православных верующих. И, несмотря на полную простоту и незаинтересованность о. Николая в богословских «проблемах,» что он хочет сказать об этом живом знании о Боге, является как раз ответом для тех, кто запутался в богословских «знаниях», в абстрактных, полных самомнения и не дающих выхода к свободе, что именно и обещал Спаситель: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин.8:32). Ибо о. Николай только передает как живой ученик живых Отцов святоотеческое учение, предназначенное для всех народов и всех времен. Поэтому его контраст между рационализмом и мистическим знанием есть святоотеческое различие, столь необходимое для нашего времени, когда рационализм разнится не в качестве, а в степени от рационализма древних, с которыми Отцы сражались. Однако нужно внимательно читать слова о. Николая в патристическом, а не в современно-модерновом понимании, ибо он, как и святые Отцы, пишет от сердца, а не от узкого логического ума, и где он кажется поверхностно «непоследовательным», то это потому, что пред истиной, которую сердце видит, из-за слов не будешь мешкать. Поэтому, когда он пишет в одной нижеприводимой статье о необходимости «отречься от мышления,» чтобы знать Бога, то тут, конечно, надо понимать это не в модном «антиинтеллектуальном» смысле, но в традиционно православном, не рациональном понимании знания Бога через церковные таинства, дисциплину,

гимнографию и т.д., которые совсем не противоречат мышлению как таковому, но только мнимому мышлению рационализма, который старается «поймать» Бога в свои логические сети.

Большинство статей о. Николая в последние годы печатались в разных периодических изданиях. Эти статьи установили репутацию о. Николая как ведущего церковного писателя, даже намечая его в редакторы одного из лучших монашеских журналов. Это тем более замечательно, что он, будучи женатым священником, имея детей и внуков, является убедительным доказательством, что источники Православия, хотя они и монашеского происхождения и вдохновения, однако имеют общее сокровище всей Церкви, а не только лишь какой-то части ее.

Писания о. Николая не только для русских. Они предназначены для всех сознательных православных христиан, и особенно в последние времена, в которые мы живем, когда те, кто перестают быть сознательными христианами, тогда также перестают быть и православными. Предназначены они и для православных христиан современной России, ныне пробуждающейся после долгой спячки коммунистического ига.

Многие выдающиеся духовные писатели, да и вообще думающие люди, очень высоко ценят нашего автора. Духовная писательница Елена Юрьевна Концевич выразилась так: «Для меня Ваши статьи, как бальзам для души, я бросаюсь читать, если вижу Вашу подпись… Я духом чувствую Вас таким родным». А некто г-н Суро написал так: «Я должен Вам сказать, что статья «Предмет молитвы» написана замечательно и я открыто Вам скажу, что я горькими слезами обливался, читая эту статью… А то, что написано – есть истина, которая теперь мне ясна».

А о себе, о своей любви к книгам о. Николай писал нам так: «Моя любовь к аскетической литературе удивляла монахов Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Они писали мне: «Как Вы, будучи светским и семейным, увлекаетесь монашескими книгами?» Что я мог сказать? Мой дедушка по матери, Павел, любил книги. Не в него ли я уродился? Да и отец мой, Михаил, имел огромные фолианты старопечатных книг. Очевидно, моя любовь к книгам от предков моих. Мой любимый епископ Феофан поддерживал всю мою жизнь

своими творениями (сейчас мне восемьдесят лет). Этот Святитель подобен древним писателям… Я еще небольшим мальчиком уже выписывал пять духовных журналов, всем на удивление. Вся эта литература адресовалась мальчишке: Николаю Михайловичу Депутатову. В Китае выписывал больше всего с Афона и других мест, где издавались и продавались книги».

«Каждый раз, как только находит, как туман, уныние и печаль, открываю одну из бесчисленных записных книжек и нахожу там то, что озаряет, как молния, и успокаивает, как тепло. Живущие сердцем знают, как нуждается оно в целительной и руководственной силе могучего слова. Любая рана заживает от прикосновения к ней простых, легких и чудодейственных слов. Мы жаждем слов, идущих от сердца и потрясающих сердца. Огнем пылают слова наших великих Отцов – к ним поспешим…»

Предлагаемая книга опытов Богосознания полна истинной любви к мудрости духовной, что ныне так не хватает и что помогает осознать смысл жизни человека в кажущемся бессмысленным мире.

Богосознание! – к нему поспешим.

Отец Серафим (Роуз), 1970 г.

Вместо предисловия

Кратким и тихим словом можно пропеть тихую колыбельную песню. Задушевный мотив ее лечит боли сердца, облегчает страдания, прекращает взрывы отчаяния…

Когда Господь говорил, Он желал слушателям, чтобы они успокоились, радовались и утешались. В этом основа учения; цель – пропитать мысль, сердце, волю духом Христовым. Каждый должен идти в жизни не своей дорогой, а тем путем, который проложил Спаситель от яслей до Голгофы. Быв распят и вкусив смерть, Господь победил убийц своих и мир, и теперь уделяет от победной силы Своей и тем, которые страждут за Него, и чрез них побеждает снова тех же убийц и мир…

К солнцу тянется цветок, а душа к своему Спасителю.
Господь – покой и радость. В Нем счастье наше…

В возрасте четырехлетнем, ночью, в постели, стал думать о смерти. Умерла женщина, не старая, на вид цветущая. Сегодня ее хоронили. Мысль бессильно бьется над этим явлением, сердце полно жалости, слезы неудержимо льются из глаз. Чтобы заглушить рыдания и не обнаружить их, когда все спят, я укрываюсь одеялом с головой. Земля представляется пустыней, жизнь прекратилась на ней и жалость ко всем не дает покоя. Явился сон, и все исчезло. Такое первое детское переживание глубоко запало в памяти и сохранилось до глубокой старости. Таково было начало моего философствования в раннюю, детскую пору. Потом, с годами, Господь помог, распутал мои мысли и дал сердцу покой. Слава Богу!

Мы живем более внутренней жизнью. И дано каждому свыше разливать вокруг себя благоухание Христово. Оно исходит от богомыслия и молитвы. Оно в себе содержит радость, веселие, блаженство. Думающая душа о Божественных предметах живет, как в раю, окруженная Божественным светом и горит огнем любви. Память о Спасителе очищает ум, освящает «внутреннее человека» Божественною благодатию, силою Святаго Духа. Испытано: где нет Бога, нет любви, там все дела, все наши услуги и труды ничто, там царствует безжизненная мертвенность как результат атеистического мировоззрения, пепел, дым…

Бесценность Православия

Помимо исторических, догматических и нравственных ценностей, данных нам на протяжении двух тысяч лет существования Православия, есть и самые ближайшие к нам свидетельства о неувядающей жизненности и бесценности нашей святой веры. Православие не доказывается, а показывается. Оглянитесь на ближайшее к нам столетие. Где Вы наблюдали такую силу духовную, какая исходила от Оптиной, из Сарова, Валаама, Глинской пустыни, из Киева, Москвы, Казани, Новгорода, Нового Афона и прочих мест? Где Вы найдете подобных отцу Иоанну Кронштадтскому, отцу Георгию Косову, отцу Алексию Гневушеву, воскресившему мальчика, отцу Александру Боданину из Вологды и другим? Где есть епископы-аскеты, равные Затворнику Феофану, Игнатию (Брянчанинову), Амвросию (Ключареву), Михаилу (Грибановскому) и многим другим, имена которых не привожу здесь? А благодатные старцы, наследники

великого Паисия (Величковского): Леонид, Макарий, Антоний, Амвросий, Иосиф, Анатолий, Нектарий и ряд других? Имели мы и ученых-подвижников, и богословов, являвших глубины Святого Православия своим необъятным знанием и мученическим трудолюбием. Облик свидетельств неопровержимых святой Истины Православия. Позднее, Святейший Патриарх Тихон с его мужественным: «Благословляю верных рабов Господа Иисуса Христа на муки и смерть за Него». И верных рабов, стойких и твердых, как камень, увели на расстрел! А сотни тысяч новомучеников? Кровь их – семя Святого Православия. Мужественные и стойкие, они, как и наши благочестивые предки, отдали жизнь за веру Православную. Променяли всю славу земную и свое благополучие и даже государственное существование на «добрый бисер» Святого Православия. «Если нет веры Православной или если грозит опасность ее чистоте, тогда не нужно и земных благ, тогда пусть и сама Русь погибнет, лишь бы не перестала она быть Православной, лишь бы не потускнел и не погас в ней свет истины, которым дано ей светить. Царство Божие и вечное спасение души дороже всего для человека, ради него он готов пожертвовать именем своим, родной семьей и Отечеством. Все это он отдает, чтобы приобрести первое… Поэтому, если мы знаем, что Христово учение в его неподдельной чистоте хранится в Церкви Православной, если, следовательно, в ней источник истинной жизни и вечного спасения, то мы должны со своей стороны сделать все, чтобы только к этой Церкви принадлежать, и в случае надобности должны всем своим пожертвовать, чтобы только этой принадлежности чем-нибудь не потерять. Наше личное земное счастье, заботы о родных, польза общественная или государственная – все это занимает место после веры и не оправдывает небрежения ею. Все это мы должны продать, чтобы купить поле с сокрытым в нем сокровищем» (Прот. П. Миртов, «Слова и речи», 1914 г.).

А Блаженнейший митр. Антоний, прямая ветвь от Матери-Церкви Российской, плененной безбожием, и по достоинству оцененный еще папой Пием XI, заявившем в беседе с одним из бискупов в Варшаве: «Самый большой человек в Восточном исповедании – архим. Антоний (Храповицкий)». Как на граните начертал он такие слова: «Ради Православия, в потребном случае, должно пожертвовать и своей

народностью, и своим домом, и детьми, и родителями, и женою, бросить все, как ничтожную ветошь, как вытертый грош, лишь бы обрести жемчужину спасения, которая сокрыта в Православии» («Деян. Соб.», 1938 г.). «Вера Православная есть подлинная душа Русского народа, источник его жизненной силы и крепости; если он потеряет это драгоценное сокровище, то потеряет все…» (Из посл. Церк. Соб. 1938 г.) «Россия жила и возвеличилась Православием, им же возродится и спасется… Отступники же от Православия становятся не русскими; они изменники вере, народу и Родине» (Из посл. II соб. к эм.). «Наказывая, Господь одновременно и указывает Русскому народу путь ко спасению, сделав его проповедником Православия по всей Вселенной. Русское рассеяние ознакомило с Православием все концы мира, ибо русская беженская масса, в значительной части, бессознательно является проповедницей Православия» («Соб. Деян. 1938 г.). Больше того: «Господь даровал нам благодать сохранять чистоту Его истинной веры, и мы несем это сокровище всюду ради спасения мира» (Митр. Антоний. «Прав. Русь», 1959 г., № 21).

Наш дивный праведник отец Иоанн Сергиев поет бесконечные гимны Православию. Он влюблен в его чудесность, животворность и Божественность: «Это неоценимое, Богом данное нам сокровище…» Он умоляет дорожить Православием и жить достойно, чтобы возвеличить Бога. Он свидетельствует о превосходстве его перед другими исповеданиями. Сам он с любовью всех принимал, благодетельствовал и римо-католикам, и протестантам, и иудеям, и мусульманам, и язычникам, и над всеми совершал по их просьбам чудеса исцелений, но при этом постоянно учил, что спасающая Истина – только в Православии. «Где есть такие молитвы, славословия, благодарения и прошения, такое чудное Богослужение, как в Православной Церкви? – Нигде!»

Недаром такие восторженные отзывы дают о Православии ученые: англичанин Ниль, американец Аберкромби, проф. Овербек и доктор Стэнли. Первый пишет: «Восточная, то есть Православная Церковь остается и теперь такою же, какою была с самого начала своего – многоразличною в своих учреждениях и простою в своей вере, непонятною для чуждых и удобопонятною для сынов своих, широко

раскинувшею ветви свои, жестоко теснимую врагами, но спокойною, и всегда, как она обычно называет себя, единою, единственною, святою, соборною и апостольскою. Такова она в действительности!» «Чем более мы изучаем историю Православной Церкви, – говорит Аберкромби, – чем ближе мы знакомимся с ее учением и учреждениями, тем громче звучит пред нами голос ее авторитета, и тем живее пробуждается у нас желание вступить в общение с нею… Православная Церковь верна первоначальному учению Церкви Христовой и чужда искусственно построенным догматам реформации; а римская церковь сама была лишь колониею греческих христиан…» «Любезные протестантские братья! – взывает Овербек к своим единоверцам, – посмотрите вы на Церковь, которую Дух Святый основал и которою Он будет управлять до скончания века… Обратите свой взор на Восток – в Востока свет!.. Эта Церковь всегда, как она была, неизменно в Православной вере». Доктор Стэнли: «Православие цельнее, полнее, чем какая-либо другая христианская Церковь, переносит нас в первые века Христианства; а именно от нее и нужно ожидать верных слуг, которыми она, по воле Всемогущего, прославит Господа и осчастливит человечество».

А сколько новейших утверждений и отзывов в иностранной литературе о красоте и бесценности Православия? Оставляем это… Нужна сжатость и краткость. Вывод же сам по себе напрашивается. Все основатели новых учений, все учители, отделившиеся от Православия, хотя бы по личному своему облику и являли себя смиренными, но служение их основано на самоутверждении и гордости. Они сами о себе свидетельствуют, свое дело делают и свое слово проповедают. Православие же не по делам своих иерархов и членов, а по преемству Истины, хранимой от своего начала в чистоте и цельности своей – свято, непорочно и Божественно.

Старцы и наставления их

В нашем русском старчестве, особенно оптинском, дух глубокого благочестия, дух Христов.

Старец ведет Вас, старец держит Вашу душу, чтобы она не упала в греховную бездну и там не погибла. Он подходит к Вам с лаской, с утешением, ободрением, вразумлением, научением и благословением

на подвиг. Старец рисует картины будущего и указывает на сладость в настоящем от пребывания в общении с Богом, Пречистой и всеми святыми. Старец говорит о болезнях как о готовом спасении; о страданиях, которыми выковывается смирение, спасающее и без других добрых дел. Старец живет Вашей радостью и Вашим горем, сливаясь душою с Вами. Старец учит: молитва – дыхание духа. Есть молитва – жива душа; нет молитвы – душа мертва. Во многом старец компетентен, авторитетен и опытен. Голос его слышится твердый, ясный, проникающий в бедное, стыдящееся самого себя сердце грешника.

Возьмем наставления хотя бы некоторых только старцев. Приложим ухо к простым словам их, удивительно спокойным, но твердым и в душу проникающим: «Вы как-то раз говорили мне, что на Вас враг пускает стрелы свои. Не бойтесь! Ни одна Вас не коснется; никакой дряни не опасайтесь, дрянь дрянью и останется. Только возьмите мой совет за правило и послушайтесь: читайте утром и вечером перед Вашей молитвой оба эти псалма: 26 и 90, а перед ними великое архангельское обрадование: «Богородице Дево, радуйся…» Будете так делать, ни огонь Вас не возьмет, ни вода не потопит… Бомбой не разорвет» (Старец о. Иоанн Оптинский. Тр. Сл. № 305).

«Когда сильно нападут люди и одолеет уныние, поклонцев сто положите с молитвою ко Господу, и тогда не только дроби, но и пушки не устрашат Вас» (Письма иг. Антония Оптинского).

«Быть смиренным в духе! Это такое счастье, которого на свете выше нет. Человек смиренный живет на земле как в Царстве Небесном, всегда весел и спокоен, и всем доволен» (Иг. Антоний Оптинский). «Мужественная душа никого и ничего не боится, кроме Единого Бога» (Иг. Антоний). «Советую Вам, вместо всякой мечты, душу свою напитать молитвою ко Господу и упованием на Него… без воли Коего и птицы не умирают, кольми паче человек. Успокойтесь в духе» (Иг. Антоний).

«Один старец богомудрый говорил: «Пришла ко мне болезнь, слава Тебе, Господи! Болезнь моя увеличилась, слава Тебе, Господи! Болезнь моя сделалась неисцельною, слава Тебе, Господи! Ибо мне лучше быть на небе с Тобою, нежели с людьми на земле…» «И если бы случилось человеку в тот день умереть, в который он приобщился

Святых Таин, то душу его приемлют святые Ангелы на руки свои, чести ради приобщения» (Иг. Антоний).

«Будем себя мысленно за все укорять и осуждать, а не других; ибо чем смиреннее, тем прибыльнее: смиренных бо любит Бог, и благодать Свою на них изливает!» Поэтому «какое бы ни постигло тебя огорчение, какая бы ни случилась тебе неприятность, ты скажи: стерплю это я для Иисуса Христа! Только скажи это, и тебе будет легче. Ибо имя Иисуса Христа сильно; при Нем все неприятности утихают, бесы исчезают; утихнет и твоя досада, успокоится и твое малодушие, когда ты будешь повторять сладчайшее имя Его!» (Иг. Антоний).

Старец Гефсиманского скита о. Варнава говорил: «Неразумно вынуть частичку за каждое имя на проскомидии. Одна капля Божественной Крови Иисуса Христа смывает грехи миллионов душ человеческих». «А я рад, – говорит Старец пришедшему к нему, – что ты болен: смиреннее будешь,» и ласково треплет его по плечу. Боль как рукой сняло. «Да избавит тебя Христос от болезни духа – уныния, печали, гордости, зависти, человеконенавидения. Эти болезни бывают по наваждению бесовскому, ужаснее и опаснее болезней тела…» «Говори сердцу: что ты рвешься, ведь гневом других не исправишь, а только себе повредишь. Не рвись, сердце, потерпи; завтра сделаем что нужно, завтра поговорим, с кем нужно. Спокойно сказанным словом скорее убедишь, усовестишь, чем гневливостью. Так убеждай свое сердце. Так поступай, и при помощи Божией победишь демона гневливости» (Троиц. Сл. № 366).

Оптинский старец схиигумен Анатолий наставляет одну особу: «Вот тебе Господь и посылает искушения, чтобы живущая и живучая твоя страсть умерла… Господь зрит во все дела твои, в самую душу твою, как мы зрим в лице любимого человека, то есть ясно и внимательно. Зрит и испытует: каковою ты окажешься в скорбях? Если потерпишь, то будешь Его возлюбленною. А если и не стерпишь, и поропщешь, но покаешься – все-таки будешь Его возлюбленною… Один Господь назначает кому в начале, кому в середине, кому в конце жития скорби…» Делай по силе; и не цени сам своих заслуг, и не считай добродетелей; а зри и считай свои немощи и грехи, и Господь тебя не оставит никогда… Молитва Иисусова веселит сердце. Что живешь

плохо, не унывай, а смиряйся, и Господь призрит на смирение твое паче подвигов великих, но не смиренных… Делай по силе, делай со смирением и самоукорением и обыкнешь, и полюбишь молитву так, что и насильно не оторвут от нее. Потому что она сладка и радостотворна… Будь готов встретить скорби. Ибо всех, кому слюбится Иисусова молитва, враг никогда не оставит без отмщения, но непременно научит или старших, или младших, а уж пакостей непременно натворят» (Письма. «Душеп. Чт.», 1904 г.).

Интересный взгляд дан старцами о писателях. Предполагается участие в этом и старца Макария Оптинского. Повод был дан «Перепиской» Н.В. Гоголя.

«Человеку нужно оживление, вдохновение… Так, чтобы светил фонарь, недостаточно одного чистого вымывания стекол, нужно, чтобы внутри его зажжена была свеча. Сие сделал Господь с учениками Своими. Очистив их истиною, Он оживил их Духом Святым, и они сделались светом для человеков, хотя уже и были чисты.

Сей ход должен совершиться с каждым христианином. Сперва очищение Истиною, а потом просвещение Духом. Истина отвергает врожденное вдохновение как смешанное, умерщвляет его, чтобы Дух, пришедши, воскресил его в обновленном состоянии.

Если же человек будет руководствоваться, прежде очищения его Истиною, своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый потому, что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом более или менее. Всякий взгляни в себя и поверь сердечным опытом слова мои: увидишь, как они точны и справедливы, скопированы с самой натуры…

Желательно, чтобы человек, в котором видно самоотвержение, причалил к пристани Истины, где начало всех духовных благ. По сей причине советую всем друзьям моим по отношению к религии заниматься единственно чтением святых Отцов, стяжавших очищение и просвещение, как и апостолы; и потом уже написавших свои книги, из коих светит чистая истина и которые сообщают читателям вдохновение Святого Духа. Вне сего пути, сначала узкого

и прискорбного для ума и сердца, всюду мрак, всюду стремнина и пропасти!»

Дополним словами старца Силуана:

«И на небе, и на земле Господь познается только Духом Святым, а не наукой…» «Когда благодать в нас, то горит дух и рвется ко Господу день и ночь, ибо благодать связывает душу любить Бога и она возлюбила Его, и не хочет оторваться от Него, ибо не может насытиться сладостию Духа Святого…» «Гордые (же) и самочинные не дают в себе жить благодати, и потому никогда не имеют мира душевного, а в душу послушливого легко входит благодать Святого Духа и дает радость и покой…» «Ныне возможно вернуть себе рай покаянием».

Неисчерпаемый источник – назидания старцев. Мы только одну каплю бережно сохранили и предлагаем читателю как дар нам старчества – дар рассуждения и благодати. Признательны будем к этим прозорливцам, пред духовными очами которых раскрыты все наши сердечные тайны и сокровенные помыслы. Хотя они жили среди нас, но жизнь их носила характер жизни вне времени и пространства. Станем с любовью учиться у них вечному спасению.

Наши пророки

Пророки имеют дар благодатной зоркости. Они очами духа видят грядущее. Были и у нас свои пророки, самого недавнего времени. Они в грозных словах рисовали нам картину грядущих разрушений и падений. Кратки были эти слова, но заключали в себе всю полноту ныне сбывающихся событий.

Вот дивный святитель Никанор (Бровкович). За ним маститый архиепископ Амвросий (Ключарев). Незабвенный учитель и святитель Феофан Затворник. Праведник наш, всероссийский молитвенник отец Иоанн Кронштадтский. К этим столпам Церкви можно присоединить светских людей пера – проникновенного Константина Леонтьева, принявшего перед своею кончиною по благословению оптинских старцев тайный постриг, и знаменитого писателя нашего Достоевского. Пусть чередой пройдут перед нашим умственным взором хотя бы некоторые свидетельства этих провидцев.

Имея перед глазами те или иные явления нашей жизни, когда руками человека разрушалась природа, провидел архиепископ Никанор времена грядущие, когда этот процесс разрушения, развиваясь, коснется самого человека, как внешнего, так и внутреннего. Он писал: «В могильное глухое безмолвие погружается теперь оголяемая тупою корыстью пустынная русская земля. Эта корысть скоро убьет самый вкус к прелестям природы, как убивает самую красоту природы. Опасно, как бы земля не стала скоро походить на всемирный паутинник, который опутывает весь земной шар, в котором плавает отощалый всеядный человек, как голодный паук, не имый кого и что поглотити, так как сам же он пожрал, побил, истерзал все живое на поверхности земли» (Еп. Ник. См. у Леонтьева, т. 7, стр. 478). И далее – логический вывод: «Готовится безъисповедный вселенский космополитизм, в котором, как перед потопом или вавилонским смешением, все люди смешаются в упадке всякой веры, всякого возвышенного идеала, всякого стремления к горнему, небесному, смешаются в работе самым низменным страстям, в захвате и раздоре из-за благ мира сего; а разделятся, как в допотопном человечестве, на два лагеря, на лагерь исполинов коварства и злобы, который захватит лагерь более незлобивых и нелукавых в самое беспощадное рабство. И от этого последнего зла избавит только Сам Бог» (там же).

Гармонически сливаются с этими прорицаниями слова другого светоча, архиепископа Амвросия (Ключарева): «Мир древний, классический не решил высших вопросов философского знания; не решил их и мир современный, потому что современные гениальные умы, без помощи Откровения, страдают тою же слабостию и неспособностию к решению вопросов о первопричине бытия, назначении человека и прекращении зла нравственного и физического и тому под. … Наши «талантливые» писатели, поседевшие в гордыне и заблуждениях, решаются поучать православных: религия – это служение человечеству; Бог – это сам человек». Раз так, то «мы с X века нашей истории (в XX по Р. Хр.) пойдем неизбежно к умственному и нравственному растлению, а затем и к государственному расстройству и падению» (Слова, ст. 335). «А с упразднением Церкви прекратится и существование мира; так как не существовать же ему для скотоподобных людей и

бессловесных животных; ведь мир стоит, доколе стоит Церковь, устроенная Искупителем; нет верующих, нет спасаемых – закроется и Церковь» (там же), и всему конец.

Еп. Феофан Затворник как бы острой иглой прочертил по душе нашей своим анализом жуткий узор будущего: «Погасите самосознание и свободу – Вы погасите дух, и человек стал не человек» («Что есть дух. жизнь», ст. 46). «Когда же ослабеют или изменятся начала: Православие, Самодержавие и Народность, русский народ перестанет быть русским. Он потеряет тогда свое священное трехцветное знамя!.. Православие портится, когда не хотят принимать истину Божию, а свою на место ее изобресть покушаются; Самодержавие портится, когда замышляют свою – новую – изобретать власть, а не Богодарованную принимать; Народность портится, когда народ не Божии – Небесные, а свои – земные начинает исключительно преследовать цели, чуждому при том подчиняясь влиянию. Плодом сего будет разномыслие: всякий о всем судит по своему, самовластие: всякий сам себе царь, и естественно после того, как у всякого стал свой ум царь в голове, разъединение и врозь – устремление сил: всякий о себе, и никто о других. Когда войдет все сие в жизнь и начнет быть преобладающим явлением, тогда начнется разложение, расстройство и уничтожение государственного тела» (Слова, ст. 260, изд. 1883 г.). «Мы на пути к революции» (п. 7 в., 142 с.)… «Если у нас все пойдет таким путем, то что дивного, если и между нами повторится конец осьмнадцатого века со всеми его ужасами? Ибо от подобных причин подобные бывают и следствия!» (там же, 167 с.) «Рай на земле устроить хотят. Осьмая уже тысяча, как миролюбцы истощаются в средствах устроить рай на земле, и не только нет успеха, напротив: все идет к худшему,» (38 ст.)… «гоняясь за призрачными благами мира, как дети за убегающею радугою». «Сам не порться и вокруг себя не позволяй расширяться порче – ни неверию, ни самовластию, ни чувственности» (там же, 261 с.).

С воплем сердечным обращается к России праведник Земли Русской отец Иоанн Сергиев: «Погибнет Россия от беззакония, от безволия!» (Живое сл. Мудр. Дух., 84 с., изд. 1911 г.) «Россия забыла Бога Спасающего; утратила веру в Него; оставила закон Божий, поработила себя всяким страстям, обоготворила слепой разум

человеческий; вместо воли Божией премудрой, святой, праведной – поставила призрак свободы греховной, широко распахнула двери всякому произволу, и от того неизмеримо бедствует, терпит посрамление всего света – достойное возмездие за свою гордость, за свою спячку, бездействие, продажность, холодность к Церкви Божией. Бог карает нас за грехи; Владычица не посылает нам руку помощи» (там же, 80 с.). «Настоящему беззаконному миру… надлежало бы быть истребленным водою и огнем или землетрясением, или войною кровопролитною, или междоусобием» (там же, 96 ст.)… «Истинно, близок день пришествия Страшного Судии для Суда над всеми людьми, потому что уже настало предсказанное отступление от Бога и открылся уже предтеча антихриста, сын погибели» (Грозн. Сл., 3 с., изд. 1911 г.)… «Готовьтесь неотложно к вечности покаянием и добрыми делами. Времени скоро не будет, и время к исправлению и подвигам веры и добродетели отнимется. Господь будет судить вселенную скоро. Приближение окончательного всемирного Страшного Суда Божия ускоряется страшным разлитием зла на земле» (там же, 12 с.).

«Если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и свои беззакония.

Держись же Россия твердо веры своей и Церкви, и Царя Православного, если хочешь быть непоколебленною людьми неверия и безначалия и не хочешь лишиться Царства и Царя Православного. А если отпадешь, то не будешь уже Россией или Русью Святою, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга» (Облич. проп. 7 с., изд. 1914 г.). «И чем бы мы стали, россияне, без Царя? Враги наши скоро постарались бы уничтожить и самое имя России, так как Носитель и Хранитель России, после Бога, есть Государь России, Царь Самодержавный, и без него Россия – не Россия» (там же, 11 с.)… «Господи, доколе это поругание? Доколе это беснование? Господи, сниди сокрушить эту гордыню нечестия. Буди!» (Живой Колос).

Смелый и решительный К. Леонтьев кричит полным голосом: «Россия погибнет скоро (исторически – скоро), слившись так или иначе со всеми другими народами Запада в виде жалкой части какой-нибудь

рабочей, серой, безбожной и бездушной федеральной мерзости! И не стоит тогда и любить ее!» (6 т., 104 ст., изд. М., 1912 г.).

Умный Ф.М. Достоевский предчувствовал: «Дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново, то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет под проклятием человечества, прежде чем будет завершено» (Соч., 9 т., 340 с.)… «Устроить так человека можно только страшным насилием и поставив над ним страшное шпионство и беспрерывный контроль самой деспотической власти» (11 т., 68 ст.). «Мир спасется уже после посещения его злым духом. А злой дух близко – наши дети, может быть, узрят его» (9 т., 381 ст.).

Что можно прибавить к этим, благим ведением так явно насыщенным, словам предвестников бушующей вокруг нас, да и в нас самих, нравственной бури, приведшей к гибели исторический строй России, а ныне свой тлетворный дух обращающей против еще свободного мира? К кому обратим мы взоры? Не к тому ли Единому, Кто всесилен разрушить созидаемую антихристову башню?

Покаяние – вот единственно, чего ждет от нас Вседержитель, чтобы в один миг испепелить покрывшую наш несчастный народ, казалось бы, уже непреодолимую кору греховности… А иначе сметет Он всех с лица земли как недостойных помилования, ибо достигших самоубийственного растления – неисправимого.

Пощади, Господи!

Спаси нас – погибаем!

Счастье веры и безумие неверия

Архиеп. Иларион (Троицкий) еще до революции писал, что «греховное человечество люте страждет и зле беснуется, ввергаясь многажды в огонь и в воду… Для русской души нет счастья и радости во грехе; она страдает от греха, потому что стремится к преображению, а грех мешает – не прогрессу, но преображению. Веселые песни земли, восторженные гимны прогрессу не могут заменить для русской души прекрасных звуков небес; знает и понимает она, что небесная песня не слагается из грохота машин и треска орудий и что ноты этой

песни не в чертежах и схемах инженеров…» (Бог. Вестн., 1914 г., № 10).

Прошло с тех пор около пятидесяти лет, а остается все то же: «прогресс» все более отчаянно враждует с «преображением». Ад вооружился против Истины и тех, кто еще твердо стоит в Истине. Мы свидетели безумному кощунству, насмешкам и издевательству над явной и светоносной Истиной. Открыто и нагло осмеивается благочестие, вера, честность и как сказки отвергаются слова о гневе Божием и муках. Ненавистники закона не только упорно грешат, но величаются грешностью, показывая бесовское презрение ко всякой добродетели. Так нечестивый утвердился в порочном нраве; окончательно предался планам и целям, и нравам греховным, с враждебным к правде расположением. А между тем, нам, верным, словом Божиим воспрещается даже общение с нечестивыми и грешными, если есть хотение блаженства (1 пс.).

Вот когда обращаться мы должны к богодухновенным писаниям, где имеем мы во всей широте открытую нам волю Божию, познание которой ныне особенно необходимо всякому ищущему истинного блаженства.

«На страницах книг этих (по выражению еп. Феофана Затворника) почивает благочестивый своим сочувствием и услаждением, как на сокровищнице благ несравненных.

Праведный ищет себе утех не в пустой суете мира, но в Слове Божием едином, которое и само по себе благо, и верно ведет к нескончаемым благам в вечности. Оно для него сокровище несравнимое, как страстно любимая невеста, которую одну любят, о ней одной заботятся, хранят, украшают, лелеют».

Если мы любим Бога, ничего для нас не должно быть важнее Слова Его. В этом неописуемое, несравненное счастье наше.

Вот как выразил неземное счастье любви к Богу св. Каллист Катфигиот в своих главах «О Божественном единении»: «О Владыко! Весь Ты чудо, мир, упование, любовь, сладость, душевное веселие, упование во всем, воистину свобода от забот и радость, единственная слава, царство, мудрость и сила. Поэтому Ты, несказанный Боже, естественно становишься невыразимо отрешением от всего видимого,

упокоением от всего умозримого, и в Тебе обретается дивный покой для созерцающих Тебя, с причастием Святого Духа… Божественное вызывает наиболее сильное влечение, становясь же желаемым, оно очищает; очищая же оно делает боговидными; очищенные обращаются с божественным и с Богом как со своим, в духе и истине… Видишь ли ты чудо единения?.. Душа с любовию привязывается к Богу, и, истаявая, среди блаженства, какое невыносимое томление испытывает она в созерцании божественного Лица и несравненной красоты Его!» (Аскетические творения, 94 стр. Казань, 1898 г.).

Счастье же и радость нечестивых призрачны, исчезновенны. Приходит час – беда нападает – непредвиденно, неумолимо, всеразрушительно и сдувает их, как прах, с земли живых. К чему иному может вести опьянение ядом зла, ослепление безбожием, безумие от страстей и кровожадность, не уступающая лютому зверю? При таких условиях, вообще невозможно существование человечества, почему и говорит Господь: «И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни». (Мф.24:22).

Но и в те дни гонимые проповедники Христа найдут возможность со славою проявить свое христианское достоинство и обнаружить силу и спасительность Христова учения. Они смело и открыто обнаружат свою преданность учению Господа Иисуса Христа и с глубокою силою вдохновения будут доказывать истинность и спасительность Его учения.

Глубоко действенными, дышущими силою и величием, речи исповедников будут потому, что Сам Господь чрез Духа Святого даст им премудрость и силу разума; получат они этот дар, чтобы успешно бороться с усиливающимся злом. Так было и в первое время существования Церкви Христовой, когда сила гонителей грозила разрушить дело Божие. История мучеников полна описания чудесных проявлений помощи Божией, укреплявшей страдальцев, дававшей необычайную выносливость и безболезненность их плоти и возбуждавшей даже в мучителях сознание истинности и высоты христианской религии…

Верующие последних времен должны быть людьми высокого

духовного подъема. Собственные духовные силы и дары Божии дадут возможность им удерживаться в вере и благочестии среди развращения и безверия большинства людей. Но сила зла не ослабеет от того, что верующие противостанут ей при помощи Божией. Противодействие еще более может распалять злобу и ненависть погибших для добра людей.

Но если бы и так – чем враги могут повредить верующим, если и будут совершать над последними внешние насилия и даже убьют их? Если сохранена душа, то смерть тела ничего не значит. «И не убойтесь убивающих тело, души же не могущих убить,» – сказал Господь (Мф.10:28). Отсюда – утешительное: если душа не погибла, то о временном разрушении тела нечего печалиться: оно по всеобщем воскресении снова восстанет в полной неприкосновенности.

Да даст же нам Бог силу быть мужественными и не боязливыми. Все в Его власти. Он сказал: «но и волос с головы вашей не погибнет». И: «терпением вашим содержите души ваши» (Лк.21:18-19). Дай, Боже, быть нам всем Богоносцами и Христоносцами, храмоносцами и святоносцами (Еф.5:1-2), дивно и неизреченно преображаясь в нового, небесного человека.

На смерть архиепископа Виталия

Отошел от нас в лучший мир архиепископ Виталий (Максименко). Владыка Виталий не имел личной жизни, он все отдавал Церкви; весь ушел в интересы церковной жизни. Церковь была его первой любовью, заботы распростирались до самозабвения. Огромный след оставил в этом мире владыка Виталий. Ушел от нас праведник – мир еще более потемнел и приблизился плотнее к своей катастрофе…

«Тебя ли учить, – говорил митрополит Антоний при хиротонии во епископа архимандрита Виталия, – как защищать себя от грехов, свойственных воспринятому тобою званию, то есть от гордости, тщеславия и роскоши? Ты им чужд, так как твоя душа проникнута всепрощением и кротостью. Ты это доказал, когда был осыпан насмешками и изгнанием от фанатиков и даже побоями от нечестивых еретиков. Воспринял гонение от тех, кто недостоин твоей левой руки».

И сам владыка Виталий писал о своих тяжких переживаниях: «Этот

состав телесный, выработанный организмом из окопных пайков, из скупого хлеба в польском каземате, из продуктов румынского сборного лагеря, – этот состав, вышедший было из подчинения душе, готов был распасться в гниль, но теперь вновь дух взял в нем власть и поведет его к жизни и подвигу» («Мотивы моей жизни»). «Так и русский народ – пришел после тяжкой, смертельной болезни в сознание и ощутил, что он единый, могучий, исполинский организм: какими хлебами он до сих пор ни питался, но и в нем душа и кровь одна – русская. Русскими глазами и умом посмотрел он на действительность и всеми фибрами души своей почувствовал, что в большевизме его смертельная отрава, и решительно, единодушно отвратился от него. О, какое отвращение, ненависть родились в русской душе к этому обольстившему ее яду».

Теперь нам необходимо оглянуться назад. 1908 год. Почаев. Вспоминается высокий, смуглый, аскетической наружности монах в архимандритской мантии – это отец Виталий. Его характерное лицо, с редкой маленькой бородкой, задумчиво и сосредоточено; тонкий, строгий профиль и смиренно склоненная голова напоминает одухотворенные фигуры святых.

Его труды колоссальны. Он основал типографию братства, был миссионером, проповедником, нес и другие монастырские обязанности.

Говорил он просто, хладнокровно, но понятно, убедительно и логично, говорил медленно, немного растягивая слова, с легким выговором на «о». Его красноречие не блистало ораторскими эффектами, не возбуждало нервов, не обольщало воображения, но глубоко проникало в сердце и покоряло ум здравым смыслом, ясными, продуманными доводами и искренностью убеждения. Таковы все его речи, проповеди и сочинения…

Да, духовная сила русских – в патриотизме и крепкой преданности Православной вере. Часто одно только старинное сказание, родная песня, разрушенная церковь, могила славного предка являются достаточным основанием для пробуждения души народа, сотню лет жившего в плену. На Волыни много таких полуразрушенных памятников прежней казацкой силы и свободы. 260 лет оставалось заброшенным и позабытым место геройской смерти казаков за

Родину и веру; то место – под Берестечком, и там погибло тридцать тысяч казаков, которые сражались против трехсот тысяч польских и других войск. Это была последняя казацкая жертва за Отечество, – доведенные до отчаяния малороссы присоединились к России. Все эти 260 лет побелевшие казацкие кости валялись на том месте непогребенными, их пахали плугами и сеяли на них пшеницу и просо. Проходя с крестным ходом в 1908 году, их случайно заметил архимандрит Виталий. Местные крестьяне, указывая на эти кости, говорили: «Злодеи и те имеют могилы, а эти деды наши, сложившие свою жизнь за нашу веру и счастье, до сих пор не похоронены». Когда отцу Виталию рассказали об этом, он с обычной своей энергией взялся за это дело, разбивая нашу русскую косность; выкупил землю у еврея, выстроил там скит и нижнюю пещерную церковь, где за стеклом были сложены груды казацких костей. Сюда стали стекаться тысячи богомольцев, и весь день и ночь служили панихиды. Перенесли сюда же старинную деревянную церковь, в которой причащались пред битвой погибшие здесь казаки, и поставили ее на тех костях, «да в детях к Родине любовь зажгут отцов могилы».

Еще одна характерная черта почившего архиепископа Виталия. В Почаеве, когда намеревались вручить какую-либо денежную помощь в его руки, он всегда отказывался и всех отсылал к братскому казначею со словами: «У меня деньги в руках не держатся, я умею тратить, а не собирать». Монахи в Почаеве поведали нам, какой он подвижник и молитвенник… А благодаря частым поездкам, он не имел даже постоянной собственной кельи. Помещался возле канцелярии, в маленькой комнатке, где вся обстановка состояла из короткой деревянной скамьи, стула, столика и полки с книгами.

На всю жизнь для него оставались памятными слова проф. Олесницкого из Киевской Духовной академии, в чем Владыка с теплым чувством и признавался: «Идите впереди паствы, руководите ею, а не будьте наемниками, не знающими стада и едва за ним поспевающими. Будьте истинными евангельскими пастырями, а не гадаринскими свинопасами».

Не знаю почему, но душа моя влеклась к нему. Не видя его, – полюбил владыку Виталия через пространства и постоянно имел его в своей молитвенной памяти. И вот, узнав, что он скончался, прошу

Господа, дабы Он, Милостивый, молитвами святого Владыки нашего, представшего ныне пред Ним, помиловал нас. Аминь.

О чуде

В статье моей «Бесценность Православия» («Пр. Русь», № 10) я упомянул о. Алексия Гневушева, воскресившего мальчика. Мало кто знает о нем и о сотворенном по его молитве чуде. Об этом чудесном событии говорит бывший товарищ обер-прокурора Св. Синода кн. Жевахов в своих «Воспоминаниях». Сам он узнал об этом из Оптиной, где оно и было записано со слов оптинского иеромонаха о. Памвы. В свое время повременная печать не отозвалась на это событие; да и не такого оно порядка, чтобы ему делали рекламу. Поволжье знало; знали, как очевиднейший факт, все жители села Бартсурман; знали об этом и окрестные селения. А что касается о. Алексия Гневушева, то его слава получила уже характер всероссийский.

О. Алексий Гневушев был священником села Бартсурман Симбирской губернии Карамышского уезда. Умер он в 1848 году. Над могилой его совершалось столько чудес, что прихожане этого села возбуждали перед Св. Синодом ходатайство о его прославлении и о причислении к лику святых, что и было бы сделано, если бы не революция, опрокинувшая нашу нормальную жизнь. Очевидно, это ходатайство пред Св. Синодом о прославлении о. А. Гневушева и вызвало кн. Жевахова на обстоятельное исследование об о. Алексии и натолкнуло на самый факт воскрешения мальчика. Еще при жизни саровский чудотворец Серафим говорил об о. Алексии: «Вот труженик, который, не имея обетов монашеских, стоит выше многих подвижников. Он, как звезда, горит на христианском небосклоне…» А великий святитель Феофан учит: «Где все Божественное и все – Бог, тут-то и есть наше место, наш чин, наш рай… Бог Сам снисходит к нам… а где Бог, там блаженство», там жизнь, там победа над смертью.

«Умер в приходе о. Алексия мальчик 12-летний. Был этот мальчик при жизни особенный, и благодать Божия почивала на нем. Он точно родился ангелом, так все его и считали за ангела. Куда бы он ни приходил, везде приносил с собою мир. Прибежал он в какую избу, где идет сильная драка или ссора, и стоит молча на пороге, и слова никому не скажет… Только из лучистых глаз его точно свет небесный

так и искрится во все стороны. И как увидят его, так мигом все и стихнут. А как стихнет все, он и улыбнется, вспорхнет и побежит к другим куда-нибудь. И заметили люди, что не спроста он бегает и не наугад, а является туда, где шли споры да драки; заметили и то, что стоило мальчику показаться, как водворялся мир. Вот и прозвали его ангелом. Он и точно был похож на ангела. Золотые кудри свисали ему на плечи, глаза были большие, синие, как улыбнется, так и засияет. Родители его, простые крестьяне, души в нем не чаяли, да и все в селе страшно любили его, даже больше своих детей: все заботились о нем, и каждый считал его как бы своим сыном.

Но вот случилось в селе какое-то большое торжество. По сему случаю перепились мужики, и пошел разгул по всему селу, и продолжался он чуть ли не целую неделю, и кончился он, как это часто бывает, всеобщим побоищем.

А мальчик в это время тяжело заболел и через несколько дней умер. Когда эта весть разнеслась по селу, тут только протрезвились мужики, и поднялся такой вопль, что хмеля как бы не было. Все винили себя в смерти мальчика и считали ее наказанием за свое окаянное непотребство. Бабы выли и причитали, и все село, окружив избу родителей мальчика, каялись перед Богом за свое прегрешение…

А мальчик, точно живой, лежал в гробу, и на устах его светилась улыбка, и была как бы немым укором мужикам. Как посмотрят на него, так и выходят из избы, кто с рыданием, а кто с тяжким вздохом, повесив голову.

И целую неделю не хоронили его, пока не показались уже признаки разложения на руках и не появились зеленые пятна…

Тогда принесли гробик в церковь и началось отпевание, которое совершал о. Алексий Гневушев. От слез и рыданий едва мог священник служить, а певчие петь. Только к пяти часам можно было подходить к последнему целованию.

Что творилось в церкви, передать невозможно. Каждый обвинял себя в смерти мальчика, а на тех, кто пьянствовал да дрался жалко было смотреть. Всем известно, что когда русский человек совершит какой-либо грех, да одумается, то и кается он так же глубоко и искренне,

как тяжко было прегрешение.

О. Алексий стоял в алтаре пред престолом Божиим с высоко поднятыми руками к небу и с величайшим дерзновением взывал к Богу громко на весь храм: «Боже мой, Боже мой, Ты видишь, что нет у меня сил дать отроку сему последнего целования. Не попусти же меня старца, раба Твоего, иерея уйти из храма сего посрамленным, да не посмеется надо мною, служителем Твоим, враг рода человеческого, что я, по немощи своей, прервал требу сию… Но не по силам она мне… Внемли стенанию и плачу раскаявшегося народа Твоего, внемли страданиям родительского сердца, внемли моему старческому иерейскому прошению… Не отнимай от нас Своего, Тобою нам данного во исправление, для вразумления, для прославления имени Твоего Святого. Не Ты ли, Господи, сказал, что дашь нам все, о чем мы с верою будем просить Тебя. Не Ты ли, Милосердный, сказал нам: «Просите, и дастся вам…» О, Боже Праведный, в храме сем нет никого, кто бы смог подойти к отроку сему с целованием последним. Нет этих сил и у меня, старца… Боже наш, помилуй нас, услыши нас, Господь наш и Бог наш…» И вдруг в алтаре все стихло…

Несколько мгновений спустя священник упал на колени пред престолом с громким воплем: «Так, Господи, так, но воскреси же отрока сего, ибо Ты все можешь, Ты наш Господь и Вседержитель… по смирению своему, а не по гордости дерзаю…»

И, как в страшную грозу, за слепительной молнией раздается удар грома, так в ответ на вопль поверженного пред престолом Божиим старца раздался пронзительный крик из церкви… Оглянувшись, священник увидел, что мальчик сидел в гробу, оглядываясь по сторонам… Как увидел священник, что мальчик сидит в гробу, так он опять упал на колени пред престолом и, тихо плача, стал благодарить Бога за чудо, а потом, опираясь на руку диакона, молча подошел ко гробу; а возле что творилось, и передать невозможно – целое столпотворение…

Насилу протолкался священник ко гробу, взял мальчика на руки, отнес в алтарь и, опустившись на колени, посадил его на стул, да так, стоя на коленях, и причастил его Св. Таин, ибо от потрясения не мог уже стоять на ногах; а затем передал воскресшего отрока родителям,

которые и увезли его домой.

А священник не только не ушел из храма, а потребовал на середину церкви стул и сидя отслужил молебен Спасителю и прочитал акафист Божией Матери… От крайнего потрясения и волнения о. Алексий не мог уже ни стоять, ни выйти из храма. Так на этом же стуле его и принесли домой и уложили в постель, где он с неделю пролежал…

После этого чуда батюшка прожил еще три года. А мальчик, после своего чудесного восстания, прожил еще шесть лет и умер на 18-м году».

Такова сила молитвы. Таково истинное дерзновение пред Богом православного пастыря.

Мир шумит, кричит о своих научных достижениях и крепко закрывает уши, безнадежно глух, когда ему напоминают о силе молитвы, о величайшем ее значении пред Богом. Бог – наш Отец и любящему сыну от Него нет отказа, о чем бы сын Его ни попросил…

Отец Георгий Косов

За религию умирают. За нее умерло гораздо больше, чем за науку. Зеленое дерево веры, такое старое и все-таки зеленое, куда могущественнее, ветвистее, многообъемлюще, нежели веточки и разветвления науки. Религия – как океан: они приемлет в себя мудреца и простеца… Она – вся чудо и всемогущество.

И чудо ее наглядно выражено с особенной ясностью в лице о. Георгия.

История его пастырства началась в селе Спас-Чекряк Болоховского уезда Орловской губернии при жизни еще старца Амвросия Оптинского. В 1919 году о. Георгий был еще жив… Он был высокого роста, сильно сутулый, с несколько резкими движениями и глубокими глазами. Как человек редкой душевной красоты, он читал в сердцах и всегда находил на тайную скорбь слово привета, утешения, совета. Каждый получал то, чего ждала его измученная душа… О даре прозорливости о. Георгия создались целые легенды со слов очевидцев, на себе испытавших силу этого дара. Он стал известен не в одной только Орловской губернии…

Велика была потребность высказаться, найти своей душе такого

руководителя, который бы от Бога был призван врачевать раны бедствующих душ человеческих.

Простая речь, исполненная теплоты и ласковой задушевности, лилась из уст о. Георгия: «Ну, как Вам понравилась наша церковка? – Дивная, батюшка! Не одно столетие, должно быть, пережила она? Такие церкви теперь только на картинках, разве, рисуют. – Правда Ваша, древний храм! Я застал в нем антиминс, освященный еще во времена Царевны Софии Алексеевны. Совсем завалилась церковь-то, когда я поступил сюда на служение. – Как это Вам Бог помог устроить все, что мне довелось здесь у вас видеть? – Сила Божия в немощи нашей свершается. Пока человек рассчитывает на свои силы, до тех пор нет проявления споспешествующей силы Божией. А вот, оставили тебя твои силы, ближние твои отступили от тебя, нет спасающего, тут-то и возопи с верой и смирением! А Бог-то, Он тут как тут. Скор и внезапен Он, Милосердный, на помощь всем, призывающим Его во Истине. Кажется, вот-вот затоптали человека люди и обстоятельства, а он возопил к Богу из глубины душевной, и вот – где топтавшие?! Моя жизнь прошла чрез какие-то искусы. Когда петля, казалось, захлестывала меня, помог Господь, да как помог-то! Через старца Амвросия – блаженная ему память, угоднику Божию! – Как же это, батюшка, случилось? – Извольте, расскажу. Я из этого тайны не делаю, да и нельзя делать тайны из проявления Божественной силы и благодати. К тому же и касается вся эта история больше старца Амвросия, чем меня, многогрешного… Немощь нашу Вы уже изволили видеть. Со дня моего поступления в здешний приход я уже успел, по милости Божией, кое-что восстановить, кое-что исправить. Но когда я сюда приехал, меня оторопь взяла: что мне тут делать? Жить не в чем, служить не в чем. Дом – старый-престарый; церковь, пойдешь служить, того и гляди, самого задавит. Доходов почти никаких… Прихожане удалены и от храма, и от причта. Народ бедный; самому впору еле прокормиться… Что мне было тут делать?! Священник я в то время был молодой, неопытный, к тому и здоровьем был очень слаб, кровью кашлял. Матушка моя была сирота бедная, без всякого приданого. Поддержки, стало быть, ни оттуда, ни отсюда не было, а на руках у меня еще были младшие братья. Оставалось бежать. Так я и замыслил.

На ту пору велика была слава отца Амвросия. Пустынь Оптинская от нас верстах в шестидесяти. Как-то по лету – ночь бессонная – взгомонился я от думушек… Ни свет, ни заря – котомку за плечи, да и пошел к нему отмахивать за благословением уходить мне из прихода. Часа в четыре дня я уже был в Оптиной. Батюшка меня не знал ни по виду, ни по слуху. Прихожу в его келью, а уж народу там – тьмы: дожидают выхода батюшки. Стал и я в сторонке дожидаться. Смотрю – он выходит да прямо меня через всех и манит к себе: «Ты, иерей, что там такое задумал? Приход бросать? А? Ты знаешь, Кто иереев-то ставит? А ты бросать? Храм, вишь, у него стар, заваливаться стал? А ты строй новый, да большой, каменный, да теплый, да полы в нем чтобы были деревянные: больных привозить будут, так им чтобы тепло было. Ступай, иерей, домой, ступай, да дурь-то из головы выкинь!.. Помни: храм-то, храм-то строй, как я тебе сказываю. Ступай, иерей, Бог тебя благословит!»

А на мне никакого и знака-то иерейского не было. Я слова не мог вымолвить. Пошел я домой тут же. Иду да думаю: что же это такое? Мне строить каменный храм? С голоду дома чуть не умираешь, а тут храм строить! Ловко утешает, нечего сказать!

Пришел домой, кое-как отделался от вопросов жены… Ну, что ей было говорить? Сказал только, что не благословил Старец просить перевода. Что у меня тогда в душе происходило, кажется и не передашь!.. Напала на меня тоска неотвязная. Молиться хочу, молитва на ум не идет. С людьми, с женой даже на разговариваю. Задумываться стал.

И стал я слышать и ночью, и днем – больше ночью – какие-то страшные голоса: уходи, говорят, скорей! Ты один, а нас много! Где тебе с нами бороться! Мы тебя совсем со свету сживем!.. Галлюцинации, должно быть. – Батюшка, я верую! – Ну да! Что бы там ни было!.. Только дошло до того, что не только во мне молитвы не стало, – мысли богохульные стали лезть в голову; а придет ночь – сна нет, и какая-то сила прямо с постели стала сбрасывать меня на пол, да не во сне, а прямо въяве: так-таки поднимет и швырнет с постели на пол. А голоса-то все страшнее, все грознее, все настойчивей: ступай, ступай вон от нас! Я в ужасе, едва не мешаясь рассудком от перенесенных страхов, опять кинулся к отцу Амвросию. Отец

Амвросий, как увидел меня, да прямо, ничего у меня не расспрашивая, и говорит мне: Ну, чего испугался, иерей? Он один, а вас двое! – Как же это так, – говорю, – батюшка? – Христос Бог, да ты – вот и выходит двое! А враг-то – он один… Ступай, – говорит, – домой, ничего вперед не бойся; да храм-то, храм-то большой каменный, да чтобы теплый, не забудь строить! Бог тебя благословит! – С тем я и ушел. Прихожу домой; с сердца точно гора свалилась. И отпали от меня все страхования. Стал я тут и Богу молиться. Поставишь себе в церкви налойчик за левым клиросом перед иконой Царицы Небесной, затеплишь лампадочку, зажжешь свечку, да и начнешь в одиночку в пустом храме канон Ей читать, что теперь читаю. Кое-что из других молитв стал добавлять.

Смотрю, так через недельку-другую, один пришел в церковь, стал себе в уголочку, да со мной Богу вместе молится; там другой, третий, а тут уже и вся церковь полна стала набираться. А как помер батюшка о. Амвросий, народ его весь начал к Чекряку прибиваться: советов от меня, да утешения ищут, без о. Амвросия жутко стало жить на своей вольной волюшке. Трудно человеку в наше время – без руководителя! Ну, да я – какой руководитель! Вот был руководитель и утешитель – это о. Амвросий! Тот и впрямь был всяких недугов душевных и телесных врачеватель!.. Впрочем, по вере ищущего, Господь по обетованию Своему не отказывает человеку в его прошении во благо и через недостойных пастырей…»

Вот эти блага потоком и лились через о. Георгия. Мы же, почти современники его, во многом отступили. Трудимся до изнеможения, как рабы плоти, не для приобретения необходимого только в жизни, но для умножения удобств, которым нет конца, для роскоши и наслаждений. Мы слишком утомлены этою работою, чтобы принять на себя еще и духовный труд. У нас нет времени ни для размышлений, ни для молитвы. Где же тут возможность пробудиться духу? Когда ему собраться с силами? Когда и где познакомиться с духовными опытами?

В наших руках весы, по которым с точностью мы можем определить наше нравственное состояние. Вечная Истина: нельзя работать двум господам (Мф.6:24). Господь не только слово Свое дал нам, но и все благодатные средства для жизни духовной. Церковь – родина нашего

духа – стоит перед нами во всей своей вечной силе и красоте. Не знает Господь тех, кто мертв духом – мертвые члены отлучаются от нее. И если молитва – кровь Церкви, то кровь для мертвого члена бесполезна. «Все умирающие вне Церкви, – по словам еп. Феофана, – подобны самоубийцам». А участник в созидании Церкви на земле, в ее ограждении и укреплении становится сознательным гражданином Неба, свободным сыном Церкви и другом Христа (Ин.15:15).

Вечное

«Зашумел Фаррар; начинает шуметь Друммонд; но, право же, наши «родные» батюшки, во-первых, естественно нам кровнее, понятнее, да и в высоте христианского созерцания едва ли нуждаются в помощи Друммонда и Фаррара». С такой откровенностью и прямотой некогда писал В.В. Розанов. Молодой философ Вл. Эрн считал Розанова, вопреки исполненным часто глубокого соблазна его высказываниям, в глубине души сопредельным Православию. Сам Эрн был убежден, что «единый Жених русской души – Христос, и свидетели этого – святые, тайные кормчие русской истории…» Правда, теперь мы сбились с пути, идем между рифов и скал по пучине, но настанет, после исторической ночи, светлый день, и наши кормчие обнаружат свое присутствие среди нас и еще раз направят наш «корабль» по доброму и гладкому пути…

Наши кормчие отважны и смелы. Они громко исповедуют трепетной душой: «Люблю Евангелие Твое, Владыка, потому что питает меня, когда я голоден. Жажду слова Твоего, потому что служит для меня источником в жажде. Буду говорить и не перестану. Желаю сам быть осужденным, только бы послужить мне к славе Твоей. Желаю умереть, чтобы Ты славился…» А наши батюшки, к которым такое тяготение проявил проницательный Розанов, – и не напрасно! – они, как рачительные помощники кормчих, болеют той же заботой. Возьмем хотя бы только одного, о. прот. Родиона Путятина. Он, следом за Кормчим, ведет к той же «тихой пристани». «У Царя Небесного есть очень близкие к Нему некоторые люди, которые живут в Его небесных обителях, пользуются особенно любовью Его. Кто они? Святые Божии человеки, особенно Божия Матерь. А они, наши родные, любят нас…» И взаимная любовь к ним – жизнь наша. Путь самоотречения, путь погружения – в вере; чрез веру

естественный переход к любви. Вера же спасает не тем одним, что созерцает Бога, а тем, что она этим созерцанием будит в нас волю. В этой нравственной силе веры и заключается ее великое значение при возрождении нашем. Сущность возрождения – в твердой решимости служить Богу. Это решение утверждается благодатью, в которой и есть тот спасительный союз благодати и свободы.

«Доверился ты Самому Богу более, нежели самому себе, и понудил себя уповать на Бога более, нежели на душу свою: тогда вселится в тебя оная неведомая сила – та сила, которую, ощутив в себе, многие идут в огонь, и не боятся, и, ходя по водам, не колеблются в помыслах своих опасением потонуть; потому что вера укрепляет душевные чувства, и человек ощущает в себе, что как будто нечто невидимое убеждает его не внимать видению вещей страшных и не взирать на видение, невыносимое для чувств» (преп. Исаак Сирин)…

Вернемся к о. Родиону, к его вере и упованию. Он в мистическом восторге вопиет: «У нас есть Бог, Господь Вседержитель, Который все держит и всех поддерживает. У нас есть Христос Спаситель, Который без меры нас любит и без конца нам прощает. У нас есть Дух Святый, Утешитель, Который скорее всякого света прогоняет мрак всякой печали, и быстрее ночной молнии осиявает душу веселием. Нет, я не буду унывать. У меня есть Отец – Бог: при Нем я не буду в скудости. У меня есть Спаситель – Христос: Ему я помолюсь из глубины души, и Он из глубины всякого зла меня избавит. У меня есть Утешитель – Дух Святый: к Нему я с мольбою обращусь, когда слишком тяжело мне будет, и Он утешит меня, безутешного. Богом будем себя успокаивать при собственных наших печалях. Богом же будем себя успокаивать и при несчастиях ближних наших, если сами помочь им ничем не можем. Как скоро вспомнишь о Боге, тотчас успокаиваешься, перестаешь страдать, бояться. С Богом будем жить; упование наше – Отец, прибежище – Сын, покров – Дух Святый. Нет мрака, который бы не исчезал при свете солнца; нет печали, которая бы не проходила при мысли о Боге. Во свете Твоем, Господи, всегда и везде мы свет узрим…»

Почти со студенческой скамьи принимают Православие Зедергольм и Шперк. Кем было положено начало перехода этих двух, юриста и филолога, из лютеранства в Православие? Нашими батюшками…

Недаром Н.Н. Страхов в разговоре с одним собеседником прибавил: «Но вот, чего Вы не знаете: о. Иоанн Кронштадтский вовсе не единственное у нас лицо: есть несколько таких же; то есть, они делают совершенно то же, что он, только не пользуются этою славой, не имеют такой известности…» Конечно, не «такими же» были другие, мало известные подвижники-батюшки, как о. Иоанн Кронштадтский – современникам свойственно быть близорукими. Такого, как о. Иоанн Кронштадтский мы во всей истории человечества едва ли найдем. Но, спору нет, поистине много было на Руси батюшек, добрых служителей Христа, и они засвидетельствовали своею кровью верность Ему. И теперь они есть, но распознает их лишь тот, кто ищет вечного. Всякий батюшка знает и проповедует, что Православие – вечная религия, вечная, ибо она ни в чем не оставляет не удовлетворенною душу человеческую, а превышает все меры ее искания, все степени ее самых глубинных устремлений. Православие – религия совершенной простоты и совершенной мудрости. Наши батюшки знают это и поучают об этом в своем слове. Но мало этого, они реально в себе это переживают, имея непосредственное общение с вечным. И явят они себя, следуя за своими кормчими, когда настанет для того срок.

Нечто от завещаний

Когда нет личного духовного опыта, скучно читать не только наставления старцев, но и святоотеческие творения. Они как будто мертвы. А разберешься – сухость и мертвенность не у них, а в нас самих. Душа наша мертва, вот и не воспринимаем драгоценных слов, мыслей и афоризмов, от которых можно прийти и в бурный восторг, и в тихую радость. Хорошую оценку такому чтению дал еп. Игнатий (Брянчанинов) в своем «Отечнике»: «Тонко-испытные беседы о Боге и чтение тонких исследований о Боге иссушают слезы и прогоняют от человека умиление. (Малою горстью ума своего не исчерпать бездонного моря таин Божиих. – Пр. Н.Д.) Читающий же жития и изречения Отцов просвещает свою душу…» «Что самосветящиеся бриллианты между множеством простых камней, то святоотеческие книги – между произведениями светской литературы…» Подвижники проводили и ночь, и день в тщательном рассматривании своих дел и помышлений: они изучали себя, находятся ли под водительством

Бога? Под водительством Св. Духа? Или нет? (Пр. Исаия Отш.) Во всем смирялись они, смирение же и по пословице: «Богу угождение, уму просвещение, душе спасение, дому благословение, а людям утешение…»

Утешительно и смиренно было настроение о. Александра Боданина (Вологда, † 1913), когда он приходившим к нему за советом говорил: «Идите к своим пастырям: что я могу сказать? Ведь я куча навоза, а вы идете зачем-то ко мне, дураку. Когда надо вам спросить о чем-нибудь важном, подойдите после обедни к своему батюшке, когда выходит из алтаря, после приобщения он бывает прозорлив, спросите у него, и он скажет именно то, что нужно делать…» Другу своему, который пытался его снять фотоаппаратом, сказал: «Если ты снимешь меня без моего ведома, то и дружба врозь. А если хочешь снимать, то сними свинью и напиши: Александр Боданин». И с горьким вздохом заключил: «Да, какой же я грешник, ведь таких нет на свете, как я пресвитер. Только надеюсь, что Господь многомилостив и благоутробен и щедр, не хочет смерти грешнику, надеюсь, и меня помилует. Солнце, проходя места мрачные и скверные, освещает и согревает их, так и Бог, проходя наши нечистые навозные сердца, освещает и даже согревает их теплотою Духа Святого, хотя бы мы были при последней минуте жизни земной…» (Тр. Сл. 1916 г.)

Спасо-Елеозаровской пустыни старец схиархимандрит Гавриил (Казань, † 1915) преискренне завещал своим духовным детям: «Скоро, может быть, я умру… Оставляю вам в наследство великое богатство, для всех неоскудеваемое. Его всем хватит, только пусть пользуются и не сомневаются – будут жить безбедно, кто сумеет его себе присвоить. 1) Когда кто почувствует себя грешником и не находит выхода себе, пусть затворится в келье один, читает Сладчайшему Иисусу Христу канон с акафистом, и плачем утешится уврачеванный… 2) Когда кто находится в напастях, каких бы то ни было, пусть читает молебный канон Божией Матери («Многими содержим напастьми…») и пройдут для него все напасти бесследно, к стыду нападающих на него. 3) Когда нуждается кто во внутреннем душеосвящении, пусть читает со вниманием 17 кафизму, и откроются ему внутренние очи, возникнет потребность чаще очищать свою

совесть исповедью и причащаться Св. Таин Тела и Крови Христовых… явится добродетель милосердия к другим, чтобы не зазирать их, а страдать о них и молиться. – Тогда явится страх Божий, и в нем отпечатлеются страдания Спасителя, до смерти любящего нас… Явится и наша любовь к Нему благодатная с силою Св. Духа, Который возбуждает нас на все подвиги, научает совершать их и терпеть… В терпении нашем мы увидим и восчувствуем в себе пришествие Царства Божия в силе Его, и воцаримся с Господом и обожимся… Тогда для нас покажется этот мир совсем не тем, каким он нам теперь рисуется. Впрочем, мы его не станем судить, так как судить его будет Иисус Христос, но мы увидим мирскую ложь и грех в нем. Мы увидим и правду, но – только в Спасителе, и будем ее почерпать только в Нем одном.

Ложь… Мы ее видим и не видим… Ложь – это сей век со всеми его прелестями – скоропреходящими, ибо все минует и не воротится… Правда же Христова пребудет во век века. Аминь».

В предсмертных думах о. Алексия Колоколова (Санкт-Петербург, † 1902) есть и такие: «Дни мои сочтены, не сегодня, завтра меня не будет с вами, степень этого чувства не доступна никакому ученому постороннему наблюдателю и до измерения его никогда не дойдут, оно доступно только живущему, испытывающему его в себе. Но я не ощущал в жизни более радостного, спокойного и миротворного состояния духа, чем теперь в ощущении своего преддверия смерти. Я теперь как бы не ощущаю при себе тела. Ничего мне не хочется для него… Что боли для жизни? Иногда они, несмотря на всю их силу, – ничто, или забываются. Женщина в каких болях рождает дитя, а забывает скорбь за радость. Так и смерть, перерождая человека в новую жизнь самим этим мукам разлуки с миром доставляет неописуемую радость… Одно отчаяние должно быть в смерти, если нет упования на новую жизнь и знания о ней… Тяжела смерть для язычников и атеистов… Ад вечного раздражения, недовольства от неудовлетворенности влечений сердца, съедающая скорбь по земной жизни и отчаянная злоба от сознания бессилия облечься в плоть и вернуться в мир плоти… переселится человек в духовный мир, не живши на земле духовною жизнью и не испытавши ее сладости, он там и будет жить, как пловец, выброшенный на необитаемый остров,

все будет ему чуждо, неизвестно и странно. Вот этого и надо страшиться в смерти… Мне не жаль разлуки с земною жизнью: одна суета в ней да рабство, а нет в ней счастья полного… В дальней и длинной дороге без посоха, сил и запаса пищи трудно, а молитвы живых для загробного скитальца, что как не это?.. Настанет и для вас час смертный, и вы увидите суетность и пустоту житейских благ, борьбы из-за мелочей и привычек жизни, и взгрустнете о том, что из-за рабства телесного не возрастили лучшие и возвышенные порывы души своей… И если бы была в вас жажда благодати Божией и если бы вы ценили этот дар, то вы искали бы ее от священника, усиленно просили бы ее, а вы считали для себя унижением принимать благословение и особенно возмущало вас лобзание руки иерейской. Случалось ли вам в пути, в знойный день, задыхаться от жажды? В таком состоянии, когда человек видит возможность освежить себя водой, готов за глоток ее не только поцеловать руку дающему, а отдать за него все? Такое отношение было бы в людях и к благодати, если бы ценили ее и ощущали ее необходимость для жизни. А благодать для души то же, что пища для тела, силы для жизни, без нее человек слаб и мертв».

«Шумит ветер в полночь и несет листы… Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания и вздохи» …об утраченном, пережитом и о грядущем. Пред концом ее человек полон искренности и правды. Он раскрывает всю свою душу, дает совет, как исправиться к лучшему, молит и просит не забыть и его. Сам, напоенный евангельским духом, он к этому духу зовет и нас с лаской и любовью. Он просит, чтобы заглянули в душу, в сердце и там заключили союз с Предвечным Словом, от Которого и да сподобимся благоговейно принять опытно жемчуг вечных слов…

О великом затворнике

Профессор Московского университета Гершензон трудился над каждой рифмованной строчкой А.С. Пушкина, делая комментарии, производя анализ и делая дальнейшие выводы, тем делая нам все более близким гениального поэта. Тем более нам, вставшим на путь духовного обновления, необходимо нужно внимание обратить на каждую страницу не менее великого в своей области, столпа Церкви и духовного поэта, епископа Феофана Затворника. По печатным

своим трудам он не имел себе равного в России. Заслуженную характеристику его творчества дал в своем дневнике один служитель Слова, укрывшийся под псевдонимом «Б., священник»: «В семинарии нас держали на другом учебнике, когда имеется такой гигант по истолкованию Писания, как еп. Феофан Затворник. Нам не позаботились даже сообщить о нем. Я всего неделю как натолкнулся не него случайно у соседа священника. И теперь все мои надежды на успех борьбы с сектантами покоятся на истолковательных трудах еп. Феофана. С ним нет основания пугаться всех трудностей полемики… Будь свят. Феофан не епископом, а литератором, он был бы великим писателем Земли Русской, а у нас он скрыт под кучами былия сухого…» Подлинно, он велик как писатель и в епископском сане. Если беспристрастно и внимательно изучать его многочисленные и спасительные труды, то реально убеждаешься в подлинности данного определения. На опыте подтверждается и его духовная сила и действительность, живущая во всех произведениях. Есть классический совет: «Если сердце холодно и молитва не идет, обратись к Евангелию. Если и это не поможет, раскрой творение любимого Отца. Такой «друг» должен быть у каждого…» И у нас он есть, такой друг – свой.

Скромность, величие духа, смиренномудрие – обычное состояние великого Затворника. В «Прав. жизни» (№ 7 за 1959 г.) мы уже писали о его смирении. В дополнение можно сообщить один поразительный факт, когда еп. Феофан обратился за советом о молитве к мирянину. Сам – непрестанный молитвенник и знаток святоотеческих писаний на эту тему, которые он и перевел с греческого, он, однако, спрашивает у С.А. Первухина:

«Скажите мне, пожалуйста, как молиться? Совсем весь толк в этом потерял… То будто нешто, то совсем никуда не гоже. Может быть, книжное дело мешает… но ведь надо же что-нибудь делать?» – «Вы не все сказали. Мне хотелось еще слышать Вашу мысль о молитве. Я понимаю молитву чувства, которая и внимание сковывает единым, и благоговейную теплоту дает; но не умею в толк взять, что есть духовная молитва?.. Вообще же я очень скуден опытом духовным. И молитва моя обычно идет дурно. Все уходит ум в пустомыслие. Никак не сладить. Как его не тяни, никак не присадишь на место. Вы как

думаете?..» «Что Вы намерены около меня поселиться, не могу одобрить. Самый худой делаете Вы выбор. Соблазнов от моей дурной и нерадивой жизни не оберетесь. Речи иногда-таки бывают сносные, а уже дело – Боже упаси! Я затем и в пустыню ушел, чтобы не разорять душ христианских своею дурнотою и чтобы неведущих меня хоть словом пользовать, в чаянии, не сжалится ли ради того надо мною Господь и не даст ли хоть под конец жизни дух покаяния в очищение грехов моих – и великих, и бесчисленных». («Письмо к одному лицу», «Т. сл.», 1916).

Всю жизнь свою посвятивший смиренным подвигам молитвы и богомыслия, он не возгнушался советом и подвигом г-на Первухина.

Наш внутренний мир неустойчив. Меняется настроение, как погода. И только сознание своей духовной нищеты дает силы к дальнейшему следованию по пути спасения к горним высотам. Остановка на своих совершенствах и любование собой – это уже движение назад, к падению и гибели. Прав великий святитель Феофан; верны пути его во всех внутренних движениях его светлой мысли и благодатного духа. Хоть в какой-то степени, но устремимся к подражанию ему и к восприятию всех ценностей духовных, им так просто и любовно нам раскрытых.

Утешительные строки

В статье «Предостережение – тревожные сигналы» еп. Саввы есть такие строки: «Пишет мне одна набожная девушка из США, закончившая Хай Скул: «Мама мне сказала, что Вы написали о мировых событиях и что скоро мы все погибнем. Я Вас очень прошу, напишите, что нужно делать, чтобы не погибнуть…» В истории христианства на подобные вопросы ответы уже были даны, и сейчас они есть как готовые ответы на смущающие душу вопросы.

Один из замечательных ответов был дан святейшим Фотием, архиеп. Константинопольским, когда он говорил жителям города по случаю нашествия россов в конце IX столетия. Епископ Порфирий (Успенский) отыскал этот редчайший памятник красноречия и пришел в такой восторг, что существо его взыграло от радости. Ему, искавшему на Востоке многоценные перлы, попались эти строки как бриллиант, не имеющий цены и оставшийся никем до него не

замеченным. А между тем, это «как гром, как молния, а не слово человеческое».

Вот он в сокращении и выдержках: «Не за грехи ли наши все это ниспослано на нас? Не доказывает ли настоящая кара, что будет Суд Страшный и неумолимый? Не должно ли всем нам ожидать, что никто не избежит будущей огненной муки, когда теперь никто не оставляется в живых?.. Сильна ли случайная слеза умилостивить воспламененный грехами нашими гнев Божий?.. И я плачу с вами, если только время теперь плакать и если постигшее нас горе не так горько, что еще можно выронить слезу; ибо бывают, бывают многие несчастья бесслезные, во время которых у страдальца, сидящего неподвижно, сжимается и цепенеет вся внутренность, и потому не течет и та влага, которая в другой раз потоком льется из очей… Не теперь бы надлежало плакать нам, возлюбленные, а пораньше следовало бы ненавидеть грехи. Не теперь бы горевать, а пораньше бы убегать от тех наслаждений, кои породили настоящее горе… Не теперь бы надлежало оплакивать самих себя, а всегда бы жить поумнее… Не теперь бы править всенощные и ходить на литии, бить перси и стонать тяжко, поднимая руки, и утруждать колена, плакать заунывно и смотреть угрюмо, не теперь бы, когда против нас устремлены отточенные жала смерти… Народ, ничем не заявивший себя, … так грозно, так мгновенно, как морская волна нахлынул на пределы наши и как дикий вепрь истребил живущих здесь, словно траву или тростник, или посев, – и какое наказание свыше! – не щадя ни человека, ни скота, не жалея женского бессилия, не милуя нежного младенца, не уважая седины старца, не смягчаясь воплями, кои укрощают и зверей, но буйно сражая мечем всякий возраст и пол раздельно… И кто, видя все это, не сознался бы, что на нас из чаши вылились самые подонки, приготовленные гневом Божиим…

Когда же мы переменились, когда совесть свою поставили неподкупным судией грехов своих и, ослабленную, признали ее победительною, совершив отступление внутрь себя самих, когда умоляли Бога литиями и песнопениями, когда с сокрушением сердца приносили покаяние, когда во всю ночь, подняв руки к Богу, просили у Него помилования, возложив на Него все надежды свои; тогда избавились от несчастия, тогда сподобились отмены постигших нас

зол, тогда узрели рассеяние грозы и уклонение от нас гнева Господня… Ибо народу возлюбленному и богоизбранному не должно надеяться на крепость рук своих, величиться силою мышц своих, опираться на запасные оружия, а надобно овладевать супостатами и господствовать над ними с помощью Всевышнего, помощь же Его уметь снискивать наилучшими делами и множеством доблестей…

Будьте мужественны. С дерзновением говорю я, споручник вашего спасения, полагаясь на ваше частное слово, а не на дела мои, на ваши обещания, а не на слова мои, говорю: поручимся друг другу, я за ваше спасение, а вы за то, что нет опасения касательно договоров наших, я за отвращение бедствий, а вы за обращение к Богу, я за удаление врагов, а вы за отдаление от страстей. Но не только за это ручаюсь я, но и за себя, и за вас. А если вы без всяких извинений исполните сии договоры наши, то вам самих представляю споручниками, вас самих объявляю ходатаями. Господь же человеколюбивый и перестающий думать о злости человек скажет вам: «Вот я изглаждаю, как облако, беззакония твои, и, как мглу, грехи твои. Обратись ко Мне, и избавлю тебя» (Ис.44:22)».

И настал день спасения. Фотий, пламенный богомолец и предстатель пред Богом за паству свою, вынес из церкви ризу Богоматери и вместе с христоименитым народом совершил крестный ход по городу у стен его, держа эту ризу на руках своих. Все молились усердно. Когда же этот боголюбезнейший святитель с ризою Пречистой взошел на ту стену, что против неприятельского вала и стана, и начал совершать тут крестный ход; тогда осаждавшие неприятели, непостижимо как, обращали тыл свой, а вал их осыпался, как по данному знаку. Как только Девственная риза эта обнесена была по этой стене, варвары сняли осаду города, и жители его избавились от ожидаемого плена, и сподобились нечаянного спасения. Тогда Господь воззрел не на грехи их, а на покаяние, не вспоминая беззаконий их, но посмотрел на сокрушение сердец их и склонил слух Свой к мольбам устен их… Не знаешь, чему более удивляться, могуществу ли молитвы и чуду от ризы Богоматери или чудесному обращению этих нападавших варваров в христианство… что и случилось вскоре. Это были наши предки, ныне вновь впавшие в самое омерзительнейшее духовное варварство. В чем причина сего

глубокого падения? – В увлечении призраками житейского благополучия и сытости, которые и являются основой грубого и пошлого материализма. Чем больше человек увлечен здешним, тем далее он отстоит от духовного и вечного. Когда разрушается мирской порядок, тогда приближается Божие Царство.

Все, что отдаляет от Царства Божия, подлежит разрушительному действию огня… Нужно обновления мира. Нужно обновиться всем нам духовно, дабы вскоре не погибнуть… В VI столетии в Антиохии после землетрясения на воротах каждого дома были надписи: «Бодрствуйте, христиане: Христос с нами». Эти же утешительные строки напишем и мы в своих сердцах. И эта радость общения с Господом даст нам силы все пережить и не смутиться.

Из переписки

Иногда один штрих, одна брошенная фраза в письмах вскрывает большое чувство, яркую мысль, истинную любовь.

Все богатство мысли легко воспринимается, когда она передана непосредственно другу и в простых словах обычного письма.

Многому можно научиться из переписки наших больших людей – не только больших по уму и положению, но и по душе. Считаем своим долгом передать драгоценные строки, привлекшие наше внимание. Если они произвели свое действие на нас, думаем, что и всякий душе христианской будут они не бесполезны.

Профессор Московской Духовной академии Петр Симонович Казанский однажды в письме к составительнице «Житий святых», кратко изложенных, А.Н. Бахметьевой тонко заметил: «И Грановский, и Белинский, и Добролюбов – умы все посредственные, скудные положительными знаниями; на веру нападали только потому, что не смели напасть на правительство и на общественный быт. Это была косвенная война против государственного устройства; нападали на иерархию, на авторитет, одним словом, повторяли то же, что делали во Франции в конце XVIII века. Гегеля мало понимал и Грановский, и Белинский; наши студенты Академии знали его более». И далее, в другом месте, он пишет: «Без предмета веры и авторитета не может быть несознательной веры. Субъективная вера есть только приемлемость; ей нужен авторитет Божественный, который бы

указал, что она должна принять. Как скоро она уклоняется от признания этого авторитета, она наполняется мечтаниями и фантазиями своего разума и в таком случае перестает быть верою, а является идолопоклонством перед авторитетом личного ума…»
«Закваска протестантская возникает из мысли, что учение христианское образовалось постепенно. Но по православному оно дано в Священном Писании и устной проповеди апостолов, и только уяснение того или другого догмата, точнейшее выражение его принадлежит времени, а не создание догмата. Можно знакомить с писателями Церкви, но их писания не исчерпывают всего учения Церкви, а потому ими только определять в данную эпоху учение Церкви было бы несправедливо. Систем вероучений тогда не писали, а касались отдельных вопросов, вызываемых или обстоятельствами, или личным расположением. Теперь, например, много материалистов или атеистов, и против них пишут; что, если в позднейшие времена сделают заключение, что до нынешнего времени не была общей вера в духовное, вера в Бога, и только спорами, которые ныне ведутся, выработалась она. Таковы же заключения от споров о каком-либо догмате к тому, что его прежде не было…»

«Охотно говорится о вере с тем, кто дорожит ею, но признаюсь, для праздного словопрения у меня не пошевелится язык. Сердце говорит само о том, ищет ли спрашивающий Истины или просто от праздности и любви к словопрению делает вопросы. – Жестоко, скажете вы, слово сие. Кто может послушать его? Но наболело сердце. Откройте мне сердце, ищущее Бога, ищущее Истины, – я готов до изнеможения вести беседу, готов разделить и познания, приобретенные путем науки, и опыты, добытые страданиями и искушениями целой жизни. Но чем священнее для меня эти истины, эти опыты, тем менее я соглашусь выставить их на показ толпе зевак, которые с самодовольством, свойственным невежеству, готовы ответить на это, мало того, равнодушием, но пошлым сарказмом…»
«Как скоро разум человеческий соприкасается с Божественным Откровением, всегда будут недоумения и преткновения. Это и необходимо, с одной стороны, по свойству истин Божественных, с другой, для самого блага человека, для его развития, для его упражнения. Если бы Божественную Истину мог вполне понять и уразуметь человеческий ум, то, сделавшись равным Богу, он

остановился бы в своем стремлении к совершенству. Глубина Божества будет неизмерима для человека и тогда, когда он увидит Бога, как говорит Апостол, лицом к Лицу. Вечное стремление к знанию есть залог и блаженства, и совершенства человека. Здесь знание смешивается с заблуждением, но там будет у него одна ограниченность без заблуждений, постоянно расширяемая…»

Эти мысли Петра Симоновича не лишены интереса и в наши дни. Многим не хватает здравого смысла по вопросам, затронутым профессором Казанским. Ученый профессор-богослов может быть добрым авторитетом для нас по некоторым вопросам, всегда волнующим нас.

Прошло почти сто лет с тех пор, когда писал профессор Казанский, но и этот срок не мог изгладить обаяния его проницательной мысли, лишить глубины ее содержания. Мы только малую часть использовали из его переписки; но и этого достаточно, чтобы убедиться, какие были на Руси светлые умы и глубоко преданные Святой Церкви православные сыны. Радостно от воспоминаний. Покойно на душе. В прошлом – наши корни. Да возрастит Господь от них новые, так же широко просвещенные и духовно окрепшие молодые побеги, грядущие им на смену.

Наши мученики

Нравственные герои – богатыри духа. Пред ними надо преклониться и возвести их на высоту, подобающую их святым порывам. Они образец жизни, пример поведения. Мысль их возвышенна, неотделима от благородной воли, а сердце преисполнено пламенного устремления к своему Спасителю, Искупителю всего рода человеческого. По мысли, по чувствам, по жизни они похожи на Господа своего Христа. Они принесли себя в жертву за грехи русского народа – безропотно и смиренно, как непорочные агнцы. Во всем в них изобразился Христос-Бог. Их мученические подвиги описаны в двухтомном труде протопресвитера о. Михаила Польского «Новомученики Российские»…

В начале нашей смуты, во время гонений на Церковь, один из этих мучеников заранее прозревал грядущие страшные дни и говорил своей пастве так: «Я устал… обессилил я… Помоги, Боже! Плачь,

родная страна! Плачь, рыдай, родная Россия-Мать!.. Тебя твои внутренние и внешние враги разорвали и раздирают на части. Ты унижена, опозорена, оскорблена, ограблена… Святыня твоей государственной жизни, право, закон грубо растоптаны, свобода твоего слова безжалостно раздавлена… истерзаны все, даже последние лепестки твоей юной благоухающей свободы… Тирания мрачною тенью теперь покрыла Русскую Землю… Но спасение нашей Родины в руках всемогущего Бога и нашей святой Церкви – устроительницы и созидательницы Русской Земли, ее величия и мощи… Теперь же Мать-Церковь лишается всех человеческих прав и становится гонимой рабой. Этого не знали и не знают Православные Церкви в деспотической Турции. Христианам было лучше, чем теперь нам, даже при гонителях кровавых – римских императорах-язычниках. Римские императоры считали священными места христианских погребений и не касались их. И христиане там спокойно, тихо молились… Но вы радуйтесь тому, что теперь настало время мученичества за имя Спасителя Христа… Слушайте вы, слуги антихриста… Мы будем править службу Господу Богу в домах и даже подземельях. Вы произволом захватите наши антиминсы. Мы будем без них, с благословения своих епископов, совершать литургии. Вы насилием заберете наши священные сосуды. В домашних сосудах тогда мы совершим страшную жертву Тела и Крови Господних. Без нее мы не можем жить, она – наша жизнь, без нее наша смерть. Св. Евхаристия дает нам радость, неземной восторг и силу жить, бороться и силу мужественно, бестрепетно нести страдания. Гонения и мук от вас мы не боимся. Мы их хотим, мы жаждем их кровавой красоты. Мы не трепещем ваших трибуналов и палачей. Изуродованные наши тела будут пронзать, словно иглами, и вашу совесть (если только есть она в вас) и будут прокладывать путь победе света над беспросветной тьмою, Христианству над новым язычеством… Сила Христианства, сила Христа Спасителя всемогуща. И антихрист будет убит только силою духа Его уст (2Фес.2:8)…»

Так звучали, мужественно и восторженно, слова новомучеников на заре новых жесточайших гонений слуг антихриста в нашей родной, уже падавшей в бездну России. И теперь еще слышны ее стоны, и теперь лютые гонители думают завершить свой гнусный план истребления христиан. Но слепцы безумные не знают, что

христианство неистребимо. Церковь создана Самим Богом. Она имеет Главою своею непобедимого Христа-Бога…

При Диоклетиане в один день было убито около храма 17 000 христиан. Палачи от кровавой своей работы падали в изнеможении, и железо их мечей тупилось. А Христианство устояло. Устоит и теперь Церковь Святая, а имена безбожные ее гонителей перейдут в потомство, заклейменные проклятием.

Около Леонтьева

Константин Леонтьев больше всего нас интересует не как оригинальный и замечательный писатель, с ясным и независимым умом, но как человек духовно одаренный. Бога он искал, молил – и Бог услышал его. «Отец Иероним, великий афонский старец и наставник, – пишет Леонтьев, – как нельзя проще посоветовал мне повторять только каждый день: «Господи, пошли мне веру в загробную жизнь и утверди ее в сердце моем». И послал Бог, и утвердил. А я твердил это чаще сухо, невнимательно, формально (как нынче любят говорить, забывая, что эта форма-то и есть выражение основной идеи – покорности, послушания Церкви и т.п.)». Всем известно, как Леонтьев духовно формировался не только около афонцев, но и около оптинских старцев… Как-то Леонтьев смело высказался: «Открытие самого скромного монастыря полезнее создания двух реальных училищ и одного университета». Афон взывает: «Мы не голодаем, но у нас большая нужда в людях. Мы вымираем, а кому достанется русское достояние, когда не будет у нас заместителей? Нас в скиту св. пророка Илии до I Мировой войны было 180 душ, а теперь осталось только 8 душ 80-тилетних старцев. В скиту св. апостола Андрея – 7 душ. В Свято-Пантелеимоновом монастыре было 1800 душ, а теперь только 40 душ. Постарайтесь прислать нам людей какого бы ни было возраста…» Глас вопиющий… Когда был Царь Православный, монастырей было в России свыше 900, с 86 000 иноков. Сейчас все закрыты – диавол не терпит их. Он свирепствует чрез своих слуг «скотски живущих, полоумных, как бы параличом разбитых», по мысли преп. Никиты Стифата. А по мысли нашего преп. Иосифа Волоцкого: «Если в государстве стоит правитель, не знающий Бога и не признающий Закона Его, то это не правитель, но диавол». «Монашество есть цвет Христианства,» –

взывал Леонтьев. А ныне на Руси отравляют христиан безбожием, чтобы не только цвета, но самого «древа» Христова не было. Твердо и проницательно учил Леонтьев, что «призвание России исключительно религиозное». А между тем, в лице интеллигенции она так «пошло отбилась от религии и от Церкви, что лишилась ее утешения и ресурсов ее могучего мировоззрения…» «Я признаю за лицами высокой духовной жизни особую благодать Святого Духа, которой у меня нет, при всей моей образованности и опытности. Мы часто воображаем, что действуем по разуму, а потом начинаем понимать, что этим разумом руководило ошибочное пристрастие…» «А все-таки отцы Амвросий и Варнава полезнее меня. Я – млеко, они – твердая пища». Надо скорее доходить до того, чтобы Иоанн Лествичник больше нравился, чем Ф.М. Достоевский…»

Нужны молитвенники, руководимые Иоанном Лествичником, чтобы простоял этот мир еще сколько-нибудь… Леонтьев смиренно склонялся пред Церковью: «Не верю в безошибочность моего ума, не верю в безошибочность и других, самых великих умов, не верю еще тем более в непогрешимость собирательного человека; но верить во что-нибудь всякому нужно, чтобы жить. Буду верить в Евангелие, объясненное Церковью, а не иначе. Боже мой, как хорошо, легко! Как все ясно!..» Отрадно слышать от Леонтьева: «Чтобы быть православным, необходимо Евангелие читать сквозь стекла святоотеческого учения; и иначе из самого Св. Писания можно извлечь и скопничество, и лютеранство, и молоканство, и другие лжеучения». А «нравственность самочинная, как у честных атеистов, ни малейшей цены для загробного спасения не имеет…» «Катехизис самый краткий, сухой и плохо составленный для меня, православного, в миллион раз важнее всей учености Вл. Соловьева и всего его таланта».

Таким «ортодоксальным» и был до конца жизни Леонтьев. Хотя ему и предписывают колебания между эстетикой и религиозным вдохновением, но это естественное состояние всякой борющейся души за свое вечное спасение. О. Климент обличал друга своего, К.Н.: «Если мы в праздности нашей увлекаемся ненужным любопытством, например, начинаем читать вовсе до нас не касающиеся книги, то это ведет непременно к унынию». Что бы ни

задумал К.Н., он идет советоваться со старцем и просит его благословения. В этом акте заключен весь секрет быть спокойным и действовать по воле Божией. Летом 1892 года Леонтьев принял тайный постриг с именем Климента – друга своего. Это было за несколько месяцев до его смерти. Монашество было для него очень коротким, но настоящим предсмертным счастьем.

К этому счастью зовут нас «последние могикане» – афонские старцы, постепенно вымирающие. Горько! Удел Божией Матери становится запустелым, лишенный русского монашества. Сам, Господи, позови любимцев Своих из нашей среды на этот ангельский путь! Если сейчас не пойдут, скоро не будет ли поздно? Приближаются дни величайших бед. Слышится шум распада истории. Раскрываются книги. Надвигается неумолимый суд. Однако, все во власти Божией. Спаси нас, Господи!

Не смущайтесь!

Наша сила и призвание – в Православии. При верности ему не погибнет Русь. Не погибнет даже и при тяжкой болезни своей. Ведь она дитя великих слез и молитв. Не погибнет, если вернется к Церкви в своем смиренном послушании. Гордо заявляют мирские исследователи о своем движении вперед, с насмешкой отвергая все остальное. «Да, они не ошиблись, – замечает архиепископ Никанор, – вне их останется действительное; но в этом будущие мыслители увидят возвышеннейшее, животворнейшее сооружение ума, да и не человеческого ума, а Божественного. У себя и около себя, да и в себе самих увидят, с жалостью и отчаянием, мелкоту, упадок и ничтожество – не умственное только, но и всякое ничтожество, втаптывающее в землю все возвышенное и исполненное доблести. Так было в Греции. Так есть и у нас. Это роковой закон прогресса. Бесцельно им повторять призыв Христов… Спасительную животворную Истину Господь утаевает от премудрых и разумных, а открывает ее младенцам. Открывает не гордым умам, а простым, смиренным, незлобивым сердцам…»

А что дает пресловутый социализм в наихудшей его форме, царящей ныне над пол миром? – «Социализм этот, – по словам того же архиепископа Никанора, – не проповедует ли убийство и разрушение

как догмат и заповедь новейшего, последнего по пророчествам пред концом мира, сатанинского завета?!»

«Смотрите, обезьянски перенимая чужеродное худое, отрясая прах от ног от хорошего родного, старорусского, святоотеческого, не умираем ли и мы, русские, для умственной жизни, почти не живши? Не соскакиваем ли в бездну с высокого утеса, который выдвинула за облака сила русского, в продолжении тысячи лет христолюбивого, воспитанного вселенским Христианством, благочестивого духа…» Мрак разрушительного суемудрия так густ и так проницателен, что грозит омрачить и прельстить губительными миражами даже избранных… Но лучше погибнуть, но не смутиться и да не пострадать, как злодей. Если же суждено нам пострадать, то постраждем как христиане за имя Христово с радостью… Господь обличает Своим судом Своих избранных прежде всех, и наказывает Своих близких, Своих верных прежде и больше, чем неверных и нечестивых (Евр.12:6-8)… Своих чад Бог любит больше, чем чуждых Ему; почему и обличает, и наказывает чаще и прежде тех (Ап.3:14-19). Как мы ни холодны, как ни худы, все же не от мира сего. Христос избрал и отдалил нас от мира, и мир, как не свое и не своих, нас не любит, глухо, безотчетно, не всегда сознательно, но не любит. А не любя и злословит. Злословит часто сам не сознавая, за что именно; в конце концов все же за имя Христово, за то, что мы Христовы и духом Христовым водимся… Мир преисполнен духом вражды против Христа. Дух его – дух не жизни, а смерти. Еще в прошлом столетии философ Гартман думал, что человечество всего лучше разрешит свою задачу, когда откроет взрывчатое вещество, которое весь мир превратило бы в кучу развалин. И действительность в наши дни к тому приблизилась. Скорбно, что многие и многие этот дух смерти и истребления не замечают, но сами под влиянием его вечно движутся, волнуются, не озаряемые светом и не оживотворяемые духом Христовым… Мир безостановочно идет к своему концу путем оскудения веры в Бога и оскудения любви к Нему.

Сам Господь предупреждает об этом (Лк.18:8). И может быть близки мы к этому указанному нам Господом концу.

Давно ли вкладывали в наши уши слова избранники Божии:

«Государство, отступившее от Церкви, погибнет, как погибла Византия. Народ, отошедший от чистоты Православия, будет отдан в рабство нечестивым, как это и случилось с тем же Византийским Царством. (Сейчас это же повторилось и с нами. – О. Н.Д.). До Неба вознесенная за свое Православие и верность Церкви, то есть Христу, она до ада низринется. Так погибнет и наша Россия…» (Прот. И. Восторгов).

Без веры, благочестия и покаяния, без жизни в стремлении к Небу, без жизни духа, всякая земная радость в печаль превратится. Не станет у людей благородства, долга, чести. Не будет подвига. Без религии, без благочестия останется одна материалистическая философия бессловесных… Но, к счастью нашему, не вытравить в людях религии. Чем тяжелее жизнь, тем напряженнее тяготение к ней. В этом наше спасение. Не смущайтесь! «К прочному просветленному самосознанию народ наш придет путем мучительных мытарств и изнурительных самообольщений: отрезвление придет медленно и болезненно, но неминуемо и прочно.». Так успокаивает нас историк Ключевский. Дай Бог!

«Золото»

Как в недрах земли много скрыто россыпей золотых, так и в духовной литературе много имеется золотых слов, которые ждут своих золотоискателей. Искать в земле золото, копать, мыть, просеивать – нелегкий труд, но всегда он имел и сейчас имеет своих добровольцев. Так и к исканию слов золотых влечется правдолюбивая душа, стремясь различить и оценить подлинное золото в составе посторонних, порою ничтожных примесей. В забытых и редчайших книгах, как солнечный луч, блеснет иногда мысль золотая, обрадует, обласкает и утешит. Не останется она забытой, а пойдет по свету, неся сама в себе красоту ненаглядную и радость тихую для иных, готовых впасть в уныние и даже в отчаяние, душ… «Не ропщи на жизнь, как бы ни тяжело было тебе жить. Всегда дорожи жизнью, береги ее, храни ее как святыню, данную тебе Богом для освящения и очищения себя и других… Жить для пользы и блага своего и других не скучно. Напротив, очень весело, приятно. Без цели доброй жить – вот это скучная жизнь. Настоящая жизнь – дорогой дар Божий, неоценимый дар… И в недолгое время здесь так много добра можно

сделать всем. Иногда одно слово святое, сказанное вовремя, служит тысячам во спасение…» «Особенно благодать льется из уст служителей Церкви, когда они совершают молитвы церковные. Чья сила исходит от их десницы, когда они благословляют кого во имя Божие? – Благодать и сила Господа нашего Иисуса Христа. Вот от чего святы и доступны к Богу молитвы служителей Церкви. В лице их Сам Сын Божий молится Богу Отцу… Легко можете наследовать Царство Небесное, если действительно любите Божественную службу в Церкви, если она вас радует, утешает. Для грешников служба в Церкви незанимательна, она не радует их, не утешает. Худой признак, если кто не любит быть в Церкви за службой. Ему не быть и в Раю на Небе. Он и там, при таком расположении духа, стал бы скучать. Кого Святая Церковь не радует, тот не найдет ничего себе радостного и на Небе. Святая Церковь делает человека святым. Служение в Церкви делает нас способными к служению на Небе. Оно так свято и Божественно, что его нельзя не полюбить. Любовь к нему да будет сильнее смерти. И над нами да воцарится еще молитва Иисусова. Она веселит сердце. Умом блуждать во вне делается скучно, а с молитвой Иисусовой покойно и сладостно…»

Не унывать, а смиряться – подвиг. И Господь призрит на смирение паче подвигов великих, но не смиренных… Кого мы обязаны и неотложно обязаны искать? – Иисуса, Питателя нашего, Надежду нашу, Жизнь и Свет очей наших! Молитву к Нему делай по силе, делай со смирением и самоукорением, и привьется она, и полюбишь ее так, что и насильно не оторвать от нее. Потому что она сладка и радостотворна. Но будь готов встретить и скорби. Ибо всех, кому слюбится Иисусова молитва, враг никогда не оставит без отмщения, а уж пакостей непременно натворит. Вот тебя на крест повесили (скорби). А может быть это велел сделать Сам Господь Иисус Христос, чтобы ты уподобился Ему. А кто уподобляется Христу в распятии, тот уподобляется и в воскресении, и в вознесении на Небо. Это верно. «А потому не жди, – восклицает оптинский Старец, – чтобы я тебе сказал: «Сниди со креста». Ибо и Господь, когда Ему это говорили, не послушал…»

Страшись роптать, что бы ни случилось. Терпи и благодари Бога всем сердцем, молитвенно соединяясь с Источником Премудрости и

смысла Подателем. Не бойся немощей, сознавай их так, чтобы из глубины сознания возникала укрепляющая, освежающая и ободряющая душу и тело благодать Божия. Изведана истина, что кроме Господа нет другого источника жизни нашей, и кроме истинной глубокой веры в Него – нет другого средства привиться к Нему. Земное не стоит того, чтобы слишком им заниматься. Самое Евангелие заповедует нам любить больше жизни Бога и святую веру в Него, Святое Православие, в котором и спасемся. Только в нем и оправдание нашей жизни в этом мире. На нас лежит и святая обязанность сохранить и распространить повсюду Божественную красоту Православия. Надо против мрака бросать огнь пылающий, слово, хотя и краткое, но отличающееся силой выражения и светом, истребляющим мрак. Та настроенность, к которой нас зовут голоса из забытых книг с золотыми словами, будет свидетельствовать о пленительной Истине; а Истина победоносно покорит сердца еще не совсем растлевшегося человека. Общий долг пред Богом не зарывать талант, данный живущим в ограде Православия. Следует пустить его в оборот чрез своих смиренных сомолитвенников в этот мир, лукавый и прелюбодейный. А Господь все это оценит и должное воздаст по любви Своей самоотверженным и неустанным работникам в винограднике Его. О, благость и совет Божии; о, любовь и милосердие! О, сила и мудрость, и промышление Божии! Осени, Боже, сердечные очи; тьму нашу осени Божественною Своею благодатию; осени нас, немощных и грешных. Ведь вне Церкви только безумие, невежество и слепота… Чахнет душа вне Церкви… И если она еще не сдружилась с Богом чрез Церковь, то находится, по выражению епископа Феофана Затворника, под властью диавола. «Ты, Христос, – несветлая ночь для неверующих – Ты просвещение чрез сладость Твоих словес» (Воскр. Кан. 7 гл.).

Спрашивает один славный проповедник: «Желали ли бы вы, чтобы Сам Бог вас всему учил?» – И отвечает: «Слушайте Церковь!» Золотые слова, с чудным блистанием от незаходимого Солнца – Христа.

Об одном прозрении

Не взирая на свое прославление книг, на любовь мою к ним, на собирание их на протяжении всей жизни, ныне уже склоняющейся к

закату, могу с несомненностью утверждать: сердечное чувство религиозное лучше голого книжного знания. На том свете не спросят, кто что читал и много ли прочитал; а взор обратят на вашу веру, надежду любовь, кротость, воздержание, благость, милосердие, терпение и тому подобное. И, узрев все эти бриллианты из Рая, пустят светящиеся ими души туда, где вечно живут ангелы и все святые… Спору нет, на пути спасения бывают тяжелые минуты, когда всякая добродетель отступает и никакая книга не успокаивает. Душа тогда, как в тюрьме томится, страдает, мучается, плачет, жалуется… Куда-то зовет, куда-то влечет. Это – буря. Нужно освободиться от нее, преодолеть, перенести грозу…

Некто проводил разгульную жизнь и постепенно падал все глубже и глубже, пока, наконец, не потерял веру. И уже никто не мог ему возвратить этот драгоценный дар Неба, с кем бы он после того ни встречался. Беседовали с ним мудрецы – и не могли вдохнуть в него веру. Страдая и мучаясь от безверия, угнетаемый грехами, как дикими зверями, он бегал из города в город, от одного человека к другому. Никто не мог наполнить миром его смятенную душу. Но вот кто-то сказал ему: «Иди в пустыню. Там живет один замечательный пустынник. Если он не ответит на твои сомнения, то в целом мире больше ни к кому не обращайся. Никто тебе на них не ответит». И пошел он искать мира в пустыню. После долгих странствований по бесплодной пустыне, страдалец нашел, наконец, пустынника, к которому его посылали.

-Зачем ты пришел сюда ко мне? – Спросил его Старец. – Успокой меня, разреши мне мучительный вопрос целой почти моей жизни. Я не верою в Бога. – Почему? – Просто спросил его Старец. – Как почему? – Отвечал пришедший. – Если бы Он был, то видел бы, как я страдал, как простирал к Небесам руки, как я молился со слезами Ему иногда целые дни и ночи подряд, как я ублажал Его различными именами, как я терпеливо переносил ради Него все невзгоды жизни, как я блуждал по пустыне, прежде чем встретить тебя… Он ответил бы мне…

-Ты пришел доказывать мне, что нет Бога, а говоришь совсем другое, – отвечал Старец. – Ты вникни, вдумайся в свои слова… Кто поднимал твои руки к высоким Небесам, когда ты молился? Не Бог ли,

живущий в тебе, но лишь как бы погребенный твоими собственными руками под грудами твоих многочисленных грехов? Кто наполнял твои уста нежными словами, обращенными к Богу? Не Он ли, Которого ты искал с такой настойчивостью? Кто неудержимо влек тебя из города в город и, наконец, привел в эту пустыню? Не Он ли, забытый тобою? Кто наполнял твою душу страданиями, томлением, жгучей жаждой веры? Не Он ли, оставленный тобою? – Проще я сказал бы тебе так: Он страдал, Он скорбел, Он томился, Он плакал, Он мучился, Он молился в темнице твоей души. Он неудержимо влек тебя к Себе, Он пробуждал тебя от той опасной пучины жизни, в которую ты погрузился. А ты говоришь мне, что Бог тебя не видит и не слышит…

И прозрел тогда пришедший, и сказал: «Господи, прости меня, я больше не сомневаюсь в Тебе. Отныне в Тебя я верю больше, чем во все то, что меня окружает. Ты ближе ко мне одежды, находящейся на мне, ближе воздуха, окружающего меня, ближе даже моего тела. Ты неотделим от моих мыслей, чувств и желаний. Ты всюду и всегда со мною, куда бы я ни пошел и где бы ни остановился. Ты меня неудержимо влек на путь покаяния. Я постоянно носил Тебя в своей душе, я постоянно ощущал Тебя… Таков опыт жизни. Он зовет нас к преодолению кривизны в строе душевном и часто вырывает из сердца молитвенные вздохи: «Забуди, Господи, безмерная моя беззакония и разреши ослепление сердца моего, и даждь ми слезы умиления во очищение скверны мысли моея; услыши, Господи, вонми, Человеколюбче, очисти, Благоутробне, и от мучительства во мне царствующих страстей окаянную мою душу свободи… Ты царствуй во мне, благий и человеколюбивый Господи; и всего твоим быти, и жити мне, прочее, по Твоей благоволи воле. И подаждь ми неизреченною Твоею благостию сердца очищение, уст хранение, правоту деяний, мудрование смиренное, мир помыслов, тишину душевных моих сил, радость духовную, любовь истинную, долготерпение, благость, кротость, веру нелицемерную, воздержание и всех мя благих плодов исполни дарованием Святого Твоего Духа».

Бог наш! Наполни наши трепетные души Твоим миром, Твоей радостью, Твоим светом. Сердце наше готово встретить Тебя, Господи! Любовь к Тебе делает нас равнодушными к жизни этой и к

смерти. Ты Един, Влекущий нас к Себе, к Твоей красоте премирной и к бессмертию.

Из писем

Иногда несколькими фразами раскрывается весь человек. Все затаенные глубинные думы всплывают в кратких и легких афоризмах. Особенно в переписке людей высокого духовного развития часто слышится биение проникновенного сердца. Возьмем письма Ильминского к Победоносцеву. Сколько мудрости и духовного богатства там. Какие только он ни решал задачи в области просвещения инородцев и особенно духовного просвещения. Его изумляет греческий молитвенный строй с кристальной чистотой и ясностью изложенных молитв о нуждах души. Во всем чине нашего богослужения он видит огнь Божественной благодати, исходящей на жаждущие мира и красоты человеческие души. Правда, есть трудные для понимания молитвы и песнопения вследствие глубины их содержания – таковы по преимуществу песнопения догматического характера, но такие, как, например, молитвы святых Макария Великого, Антиоха, Иоанна Златоустого прекрасны и назидательны по содержанию. В вечерней молитве св. Антиоха: «Просвети ум мой светом разума Святого Евангелия Твоего, душу любовию креста Твоего, сердце чистотою словесе Твоего, тело мое Твоею страстию бесстрастною, мысль мою Твоим смирением сохрани». Ильминский раскрывает нам мысли каждого предложения в таком виде: «Согрей душу любовию креста Твоего, очисти сердце чистотою словесе Твоего, уцеломудри тело мое (или: исцели) Твоею страстию бесстрастною…»

Особенно назидательна для нашего времени, гордого своим образованием, заносчивого своим умом и самодурного своею волею – последнее прошение: «Мысль мою Твоим смирением сохрани…»

Отчего, в самом деле, люди наиболее мыслящие чаще ломают себе шею? Именно от недостатка смирения… «Много с разных стран, с разными орудиями ополчаются на истинную Христову Церковь и готовы живую ее свести в ад, но она должна победить и восторжествовать как истина и сила Божия. И вот каждое Воскресение Христово должно обновлять в нашей мысли эту надежду

и эту силу и подкреплять нас…» «Я принялся довольно пристально всматриваться в наши церковно-богослужебные тексты и книги, сличил их с греческими, сличил новопечатные книги с старопечатными и пришел ненароком к такому выводу, что XVIII век привнес в церковную область много чуждого, мирского, страстного и подобострастного, а исправители Библии Петра и Елисаветы и священный язык окончательно перепортили…»

О древних переводах Библии проф. И. Евсеев так отзывается: «Состав разновременных славянских переводов, как мозаика, блещет переливами всех цветов радуги и является несомненно ценным памятником нашего исторического церковно-библейского самосознания разных веков от XI до XVII а. включительно…» (Речь на год. Акте 1911 г. В С.-Пб. Духовной академии. «Христианское чтение», 1911 г.).

Возвращаемся к Ильминскому и к его строгим суждениям: «Храм Божий и церковные книги в XVIII веке сделали ареной политических симпатий и педагогических воззрений» (см. Службы 5-го сент. и 30-го августа)… «Вредно и разделение, допущенное в практике некоторых законоучителей и экзаменаторов, которые шугают мальчишек разбросанными вопросами: «Как читается 5-й член Символа Веры? Как 10-й? Как 3-ий? И т.д. Гоняют их из угла в угол равно также по заповедям, по блаженствам и по молитве Господней. И обратили живое Слово Божие в гимнастику памяти, самую бездушную и бессмысленную… У греков не было катихизиса. Катихизис – придумка западная и деление молитвы Господней и проч. – дело западной средневековой схоластики. У греков прямо изучали Св. Писание, богослужебные книги, творения свв. Отцов; почерпали воду из источников живых и обильных, а не такую, подобно, аптечную квинтэссенцию, как катехизис».

«Между текстами, завоевавшими себе авторитет долговечный и обширный, высоко выдается один – своею древностию, своим дивным поэтическим полетом. Это текст – греческий… И этот-то текст в древности с изумительной точностью, с вдохновенною смелостью был переложен на язык юный и свежий, но богатый и гибкий – перевод этот наложил на юный язык неизгладимую печать. Язык этот сделался книжным языком великого христианского народа, и в

церковно-славянском тексте, освященном веками, красотой затмевающим все прочие, кроме греческого» (Письма Ильминского. Казань, 1895 г.).

Язык славянский важен и велик для нас как язык молитвы, тысячелетнего богослужения на нем и исповедания нашей святой веры.

Разница между русским и церковно-славянским языками определяется Ильминским так: «Русское чтение имеет характер деловой и рассудительный, а церковно-славянское чтение – сердечный, религиозный и молитвенный. Русское чтение должно быть разумное и иногда художественное, славянское должно воспитывать религиозное чувство». При гармонической звучности, он обладает таким богатством форм изменения в склонениях и спряжениях, такими своеобразными оборотами речи, которые дают возможность выражать самые тонкие переходы и оттенки мысли. В передаче содержания он полон образности, выразительной выпуклости. В нем слышится могучая сила, священная важность и благородное достоинство. Все это сообщает церковно-славянскому языку великую красоту и даже художественность, которая дает ему право на почетное место среди всемирного человеческого слова (см. ученых: Буслаева, Срезневского, Потебню, Шахматова и др.). В строении церковно-славянского языка принимали участие величайшие гении, таланты и высокие духом личности… Может ли духовное творчество нынешнего времени подняться на высоту творчества предков? Как у единичных личностей возрасты не повторяются, так не повторяются они и у целых народов. Сравните древнейшие акафисты и каноны с новейшими – увидите разницу. Нечто поразительное – перевод 1095–1097 гг. Служба Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь под редакцией академика Ягича, изд. Акад. Наук, 1886 г. Этот памятник древнерусского языка лежит на моем письменном столе как источник частых восторгов моих.

Язык Церкви – это могучее и незаменимое орудие воспитания. Надо испытать его духовную красоту и силу, поразиться его духовным богатством и разнообразием. Но когда холодом веет от души человека, тогда не нужен и язык, прославляющий Бога. Признак душевной пустоты видится в современной нелюбви к родному языку

Матери Церкви. На изучение иностранных слов года уходят, а чтобы уделить несколько минут на священный славянский язык – нет желания. Преступная беспечность, рожденная забвением жизни вечной.

Из письма апостола Павла к Филиппийцам

В дополнение к мыслям, высказанным нами в статье «Из писем», касающимся частично и вопроса преподавания Христианского учения, скажем несколько слов, чтобы укрепиться в понимании того, в какой мере оно есть не схоластическая объективность, а подлинный живой опыт, обращенный и живому человеку.

Спаситель по разному учил галилеян и Никодима, самарянку и учеников Своих… а вспомним, как апостол Павел филиппийцам раскрывал тайну самоуничижения Сына Божия! Быть учителем Богословия – не значит только изобретать рассуждения, а значит – душевно настроиться во спасение и вести на путях жизни при одном только свете Евангелия, неизменно ощущая себя в Церкви, под ее благодатью. По слову еп. Феофана Затворника: «Благодать означает силу, поданную свыше на просвещение ума, на руководство и укрепление к Богоугодной жизни, на преискреннейшее общение с Богом. Кто имеет это, тот имеет все, что только может желать себе жаждущий спасения».

Остановимся на мгновение на послании к Филиппийцам. Оно все, от начала и до конца, полно жизни и силы – неземных. Уста Апостола говорили от избытка сердца. На самые простые предметы он смотрел глазами веры – при свете лица Божия. Он говорит: «Желаю разрешиться (от жизни) и со Христом быть» (1, 23); «стремлюсь к почести вышняго звания о Христе Иисусе» (3, 14); «Он преобразит тело смирения нашего, чтобы было оно сообразно с славным телом Его Самого» (3, 21). «Гоню же и стремлюсь,» – говорит Апостол. К чему же? «Чтобы познать Господа и силу воскресения Его, и участия в страданиях Его, сообразуясь смерти Его» (10)…

Если собрать изречения св. Апостола в послании к Филиппийцам, то получим сжатое, но возвышенное и сильное изображение Христианства в вере и жизни. Это не стиль рассуждения, а сердечная речь: «Если есть какое утешение во Христе, если есть какая отрада

любви, если есть какое общение духа, если есть какое милосердие и сострадательность, то исполните мою радость, имейте одне мысли, имейте ту же любовь, будьте единодушны и единомысленны» (2, 1-2)… Ни одно послание св. ап. Павла не подходит так близко к форме обычного письма, как это. Если взять во внимание тон и дух его, то ни в одном послании не выразил Апостол столько сердечности и близости, как в этом. Если остановиться на содержании, то оно при всей своей простоте – Божественно, возвышенно и всеобъемлюще, по выражению еп. Феофана. С первых слов Апостол учит добро свое не себе приписывать, а Богу, без Которого не имеет успеха ничто истинно доброе. Характерно признание самого Апостола, преисполненного любви и искренности. «Всякий раз, – говорит он, – как молюсь, Бога благодарю за вашу память и о всех вас молюсь с радостию. Молитва о вас составляет для меня утешение и отраду… Любовь, объявшая душу любящего и угождающего Богу, погашает всякий пламень и производит чудесную росу, как в пещи Вавилонской». «При всех трудах и занятиях, – говорит Апостол, – я имею вас в сердце, как сообщников благодати…» Чрез свое вещественное подобие Апостолу они стали общниками его духовного, благодатного богатства. Стали они общниками и его проповеди, его учения, которое распространяемо не Павлом, а чрез Павла от Самого Бога всем объявляется таким образом самый верный путь спасения. В этом сила Евангелия! Уста человеческие, а то, что они произносили, Божеское, по той силе, которая действует таким образом. «Действующий во мне, – заявляет Апостол, – есть Сам Господь, Который не даст напрасно затмить славу Свою; а я все, что ни делаю – для Него делаю». Потому, что бы ни вышло из текущих дел, всем возвеличится Господь. В этом цель жизни моей. Я ничем не постыжусь. Буду жив? – Жизнию возвеличится Господь. Умру? – Смертию возвеличится. Он сделал меня сильнее смерти, не допустив меня убояться насильственной смерти. А поэтому, «жить ли мне должно, или умереть, то и другое приму благодушно», – как, вторя ап. Павлу потом взывал св. Златоуст. Я уже безвозвратно отдал жизнь мою в руки Господа. Что Ему угодно, то и сотворит…

В этом и есть истинная крепость всякого православного человека – быть, подобно ап. Павлу, твердым в уповании и неизменным в стремлении, хотя бы и умереть пришлось за Истину. Если же враг

склоняет нас ко греху, вспомним, что всякий грешник есть богоборец, и это остепенит нас. Не забудем, что Господу угодно, чтобы мы жили и действовали по Его всеблагой воле; а когда этого нет, Он Сам различными образами приходит к нам и оказывает Свою помощь. Господь желает, чтобы мы жили праведно и опытом жизни учились творить волю Его.

То же самое должны мы внушать подрастающему поколению, которое, к великому сожалению, сейчас теряет свой родной язык, а вместе с ним теряет и истинную веру…

Надвигается темная ночь нравственного разложения и развращения. Ложь внедряется в человека. Наша задача – светить в этом мраке Христовой Истиной; привлекать души образом и проповедью святости; сеять подлинное знание во Христе Иисусе.

О гностицизме

Гностики были люди религиозные, но с душой, исполненной языческих басней. Их задание было – избавить человечество от бедствий земной жизни и спасти его. Гностик смотрит на этот мир, как на произведение злых демонов, держащих в своей власти и человеческую душу. Отцами гностиков являются вавилонские маги-астрологи. Они появились ранее Христианства. Гностики пытаются исправить и Христианство по своему, то есть взять от него имя и форму и наполнить своим содержанием, подменить ценность подделкою. Это не простое и случайное заблуждение религиозной мысли и чувства, это – болезнь человеческого духа. Это – антихристианство.

Гностицизмом отдает современное сектантство. От гностицизма имеют корни и иные вероисповедания, отошедшие от единой Апостольской и Соборной Церкви. Его можно распознать в современных религиозных и философских течениях.

Гениальный В.В. Болотов хорошо исследовал это течение в своей «Церковной истории». Мне прямо чудом попали литографированные лекции его, читанные им в 1896–97 гг. Они принадлежали известному в Харбине кандидату Богословия П.А. Чистякову, слушавшему В.В. Болотова. Мое обещание, данное П.А. Чистякову, -использовать эти лекции в печати – хочу сейчас хотя бы в малой мере осуществить…

«Кроме внешней борьбы с язычеством, – пишет В.В. Болотов, – Христианство должно было вести борьбу в области чистой мысли, оно должно было бороться с гностицизмом. Как возможно, спрашивается, чтобы такие воззрения, которые проповедовал гностицизм, могли привлекать умы? Эти воззрения почти бессмысленны, рассказы гностиков представляются игрой фантазии. Во главе гностиков стояли люди высокообразованные – с философским складом ума; гносис противопоставлял свои воззрения христианским, говоря от лица науки. Поразительное стремление гностиков облекать свое учение в форму эпопей находит отчасти свое объяснение в том, что они отдавали этим дань своему восточному происхождению. Чем колорит гносиса был восточнее, тем более имел он авторитета в глазах языческого мира. Чтобы сделать воззрения и идеи наиболее восприемлемыми и поставить их в наилучшие условия распространения, и в наше время очень часто прибегают к помощи беллетристики, облекают их в форму вымысла. Посему и гностики были правы, когда облекали свои мысли в повествовательную форму – в форму эпопеи. Гносис противустал Христианству как воззрение по преимуществу научное. Но гносис предлагал решение мировых задач не на основании только научных изысканий, но и на основании Божественного Откровения.

Гносис по отношению кафолической Церкви стоял довольно своеобразно. Гносис не претендовал на то, чтобы заменить собою все существующие религии. Он предполагал, что вопросы жизни так серьезны, что их могут понимать только немногие. Поэтому все религии, и Христианство в особенности, как занимающиеся решением этих вопросов со своей точки зрения, имеют право на существование.

Естественно, что борьба с гносисом содействовала тому, что христиане стали твердо держаться канона священных книг и уяснять их принадлежность к канону. Гносис противостал Христианству как наука. Проповедь Христианства не старалась согласовываться с научными изысканиями, достигнутыми в то время. По своей простоте Христианство не затрагивало тех вопросов науки, которые не могли не нуждаться в разрешении. Христианство, как религия не от мира сего, не задавалось решением вопросов мирского характера.

В исторических обстоятельствах того времени, на которое падает развитие гносиса, лежат уже данные для того, чтобы это философствование получило специфическую окраску: гносис явился, таким образом, как философия религиозная и именно как философия пессимизма. Совокупность многих условий должна была вызвать это явление. Если брать гносис по его основе, как философскую систему, то здесь должно было сказаться прежде всего угасание философской мысли. Все наиболее энергичные представители философского мышления принадлежали уже к прошедшему периоду: на смену Платона и Аристотеля выступили эпигоны – и один другого ничтожнее, и один другого менее оригинален. Экклектизм, подчас довольно беспринципный, из всех систем, современных появлению Христианства, был самою популярною философией. Если всмотреться в общее положение культурное, то и здесь оказывается много явлений, направляющих мысли на эту пессимистическую ноту. Греческий мир задушен был Римом, следовательно, наиболее культурный центр древнего человечества должен был погаснуть. Сам победитель – Рим переменил основу существования, поставил перед собою задачу, по-видимому, самую широкую – задачу всемирного обладания. Для него сделалось девизом: «Ты, Рим, помни, что тебе должно повелевать народами». И эта задача при императорах более или менее полно осуществлена: действительно, Рим повелевал народами. Но если поставить вопрос, доставили ли эти новые политические успехи какое-нибудь счастье, то придется этот вопрос решить отрицательно. Правда, возникновению принципата предшествовала довольно кровавая сумятица в самом Риме. Времена триумвиратов знаменовались часто истребительными войнами среди самих римских граждан, и когда принципат возник при Августе, продолжен при Тиверии, то этот переход в новую форму принес значительные улучшения в общественной жизни. Но были республиканцы, которые достаточно были проницательны, чтобы не мочь не заметить, что, несмотря на удержание республиканских форм, Рим является все же монархией; поэтому послышались сетования различных патриотов доброго времени, хотя если бы взвесить их сетования и вопли, то пришлось бы во многих случаях отказать им во всякой законности. Но несомненно, что принципат затем дал таких представителей, которые были менее всего достойны

престола: деспотизм их принял самые широкие размеры. Неудивительно отсюда, если состояние умов в столице было самое угнетенное и литература начинает особенно развиваться в форме поэзии сатирической.

Тем не менее, эти времена дурных цезарей оказываются явлением скоропреходящим; делаются со всех сторон добросовестные усилия доставить человечеству наиболее обеспеченное существование. По верному замечанию наилучших знатоков римской жизни, если бы Ангел Божий подвел итог тому, как управляются народы, входившие в состав империи Септимия Севера в начале III века по Рождества Христовом и как управляются эти же народы во все последующие времена, то едва ли приговор его не состоялся бы в пользу управления именно под влиянием римских цезарей, потому что, вероятно, никогда – ни прежде, ни после – правительство так добросовестно не заботилось о том, чтобы управлять всеми этими обширными и разновременными территориями по всей империи; никогда и интересы населения не были взвешиваемыми так внимательно, никогда правительство не делало столько для удовлетворения духовных стремлений и чистой нравственности, как в это время. Между философами обнаруживаются порывы к тому, чтобы нравственность обосновать на гуманности. Современники этих философов стараются вести жизнь настолько удовлетворительную в нравственном отношении, что с ними никак нельзя поставить в ряд подчас лучших представителей исхода республики и начала монархии; и, не смотря на эти лучшие усилия, которые должны были бы вселить в людях уверенность, что они прогрессируют и в нравственном, и в политическом смысле, ни в ком, однако, не рождалось уверенности, что впереди его ждет не худшее, а лучшее; какая-то старость чувствовалась во всем культурном мире; слагались легенды даже в том смысле, что люди чувствовали даже физическое вырождение: утверждали, что глаз человеческий не замечал так далеко корабля, как видели его предшественники. Когда приходилось говорить о каком-нибудь идеальном будущем, то всегда это идеальное будущее понимали, как возвращение к прошедшему. Еще Гораций охарактеризовал своих современников так: tristis gens mortalium; и когда Вергилий думал воспевать наступление золотого века с началом принципата, он полагал, что сама справедливость

возвращается в Сатурново царство. Таким образом, всеми лучшими людьми чувствовалось, что лучший период прожит, а впереди нужно ждать все худшего и худшего. Подобное состояние обветшания и истаски обыкновенно способно лишать энергии представителей философии для того, чтобы надеяться на лучшее будущее; и поэтому из всего накопленного опыта брали такие элементы, которые подходили к общему состоянию человечества, дававшему себя чувствовать решительно во всем…»

Велика была опасность для Церкви от гностицизма, угрожавшего самому бытию ее. И смертельная опасность была создана теми, кто стоял во главе ее и руководил жизнью. Вред для Церкви от гонений казался не столь страшным, как от гностицизма. Если в защиту гонимых христиан выступили сравнительно немногие апологеты; то в борьбу с гностицизмом вступили, по-видимому, все, кто только более или менее владел пером… Но гностицизм чрезвычайно живуч. Следы его существования обнаруживаются и в средних веках, и в новом времени, и в XIX веке, и в XX столетии.

Теперь, мы убеждены, мир встал тверже, чем когда-нибудь, на искривленные пути гностицизма. Мир в сделке со злом. Христианство все более отступает от своей незыблемости и твердости. Исторический гранитный его фундамент колеблется от напора суетных учений и греховных влечений. Один Господь может остановить этот процесс, бурно стремящий человечество в темноту и к самоуничтожению. Голос христианских мудрецов, голос великих святителей бессилен остановить всеобщее разложение. Но молчать нельзя. Надо возвысить голос подобно трубе. И на этот клич откликнутся все верные сыны со всех концов мира – и в общем молитвенном гимне сольются все сердца православных христиан, и услышит их Господь и Сам устроит, обновит этот мир… Или огнем очистит его.

В чем наше спасение?

Не хватает мудрости, нет даже обычного такта у людей, шумящих около Церкви. Забыт идеал Православия: устремленность к единству со всеми, к любви, к жертве собой для ближнего…

Во Христе все приводится в Церкви к единству, целостности,

гармонии, все занимает свое место, соответствующее целому. Церковность есть полнота, где все дано для жизни. Верующие созидаются в жилище Божие чрез действие Духа Святаго. Если мы запечатлены Духом, то, следовательно, мы от Духа Божия, мы – Христовы, наследники Божии. Запечатление нас Духом Святым есть акт внутренний, происходящий в сердце верующего (Рим.8:16). Чем же объяснить противление этому внутреннему акту у людей мятежных, неспокойных, но не покидающих Церкви? Очевидно, духом враждебным самой Церкви и ее Главе, Господу Иисусу Христу…

Благовестие Христово должно быть дорого каждому, как путь в жизнь вечную. Умер Господь, грех ради наших, воскрес, вознесся на небо и всех к Себе ведет. И нам открыто блаженство в вечном Царстве Его, если только не попусту мы уверовали, не легкомысленно приняли веру, но стали на твердом основании ее. Чем же утверждается вера в сердцах? – Тем убеждением, что Христос умер за нас, грешных. Никто не может уйти от мысли, что он грешен и что ему, как грешнику, нет спасения… Седалище греха и страстей, опора их и орудие – это тело, поскольку душа вооружается против страстей и изгоняет их из тела. Потому духовный то же, что бесстрастный, а душевный то же, что страстный. Оставаясь душевными, мы удаляемся от Бога, и Он удаляется от нас. *С удалением же Его, Источника всякого блага, уходят от нас и довольство, и безопасность, и счастье…* Нет мира между истиной и ложью, между добром и злом. Кто хочет жить в области истины и добра, не опускай из рук меча для отражения лжи и зла. «Народ исчезает с лица земли, когда забывает «суд писанный», то есть свое историческое призвание. Наше призвание ясно: хранить в чистоте, без уступок, без чуждой примеси истину Богодарованного нам Православия, возрастать в Христианских добродетелях не самочинно, не по произволу и личному пониманию, а под руководством Православной Церкви» (арх. Амвросий (Ключарев))…

Наше счастье, что Господь не слово только Свое дал нам, но и основал Свою Церковь, которой утвердил Свое слово и даровал Святого Духа и с Ним все, что необходимо для духовной жизни. Церковь – родина нашего духа, стоит перед нами во всей своей вечной славе и красоте. Она – наша воспитательница и

руководительница. Ее лишь духом мы крепки. В ее лишь указаниях и наставлениях имеем светлый, чистый, истинный путь к просвещению и спасению. Для исцеления тех, у кого сердце, по слову Спасителя, отолстело, огрубело в плотской жизни, стало глухо и слепо ко всем духовным впечатлениям, – Господь не указал иных средств, кроме возвращения в Церковь…

Поразительно! Наше сердце не бывает пусто. Если оно не наполняется благочестивыми и чистыми чувствами и настроениями, в него врываются, как волны, впечатления мира и житейской суеты. Плывя по бурному житейскому морю, пловец рискует потерять жизнь вечную. А ведь для вечности призван он! Поэтому-то так и необходимо для нас органическое единство с Церковью, чтобы, иначе, не погибнуть.

Отделение от Церкви – печальное явление не только наших дней. Архиеп. Иларион (Троицкий) с твердостью установил в замечательной статье «Христианства нет без Церкви», что «пусть будет отделение лишь на почве церковного мятежа и дисциплинарной непокорности без всякого догматического разномыслия, – отделение от Церкви будет иметь все печальные последствия для отделившегося. От Церкви отделяются не только еретики, но и раскольники. Сущность отделения одна и та же». Св. Киприан о мятежниках говорит, что раз они вне Церкви, они уже не христиане, они не со Христом. Оставляющий Церковь Христову лишает себя наград предопределенных Христом: он для них чужд, непотребен, раз он враг Церкви. Так неизбежно и принудительно вытекает логическое условие спасения. Вне Христа нет спасения грешнику, а Христос – в Церкви. А что значит принадлежность к Церкви? – Единение с ней в нашей земной жизни и смиренное ей повиновение…

Сила святоотеческого слова

Каждый раз, как только находит, как туман, уныние и печаль, открываю одну из бесчисленных записных книжек и нахожу там то, что озаряет, как молния, и успокаивает, как тепло. Живущие сердцем знают, как нуждается оно в целительной и руководственной силе могучего слова. Любая рана заживает от прикосновения к ней простых, легких и чудодейственных слов. Мы жаждем слов, идущих

от сердца и потрясающих сердца. Огнем пылают слова наших великих Отцов – к ним поспешим…

Если вообще говорить о безутешной скорби, то ведь она – дар Божий, залог избранничества. Плод ее – драгоценное сокровище. Нам нужно знать, что где страдания ради Христа, там и благодать, и добродетель, и спасение. Смиренный и скорбный наилучшим образом укрепляется в сердце своем, становится свободнее от суеты мира, ближе к Небу и к своему Спасителю. Совершенство вытекает из глубины смирения. «Гонитесь за смирением. Оно есть след Христов, благоухание Христово, одеяние Христово. Ради него все простит Бог» (еп. Феофан). В этом путь к блаженству. Смиренные страдальцы восхищают его, привлекая милость Божию. «Похворай, батюшка, – советует еп. Игнатий (Брянчанинов) своему другу, тоже Игнатию, – похворай с терпением и самоукорением. Болезнь многому доброму учительница: сверх того, она – послание Божие взамен и в пополнение наших недостаточных подвигов… Блаженны те, которых Бог приготовляет к вечности болезнями и другими скорбями…» (Письма).

Ветры наносят благодатный дождь, так бывает и с душою страдальца… Вот умирает близкий человек, что нам делать? «Плакать или еще что? – спрашивает святитель Феофан Затворник. – Я думаю радоваться за усопшего. Слава Тебе, Господи! Не будет уже более маяться на этой прескучной и прескудной всем земле. Может быть, за себя поплакать надо? Не стоит… Много ли тут осталось? День-другой, и сами туда пойдем. Я всегда был такой мысли, что по умершим не траур надо надевать, а праздничные наряды, и не заунывные петь песни, а служить благодарный молебен. У нас все к верху ногами перевернулось. Что останкам, телу умершего надо отдать некий почет, это совершенно справедливо. Но зачем у нас к этому телу обращаются, как к живому лицу? Удивляться надо. У Господа все живы. И только что умерший жив… Какой он там молодец, какой красавец! Какой чистенький-светленький! Если б взглянуть – засмотрелись бы… А мы, насмотревшись на тело его: синевато, глаза впали и проч., воображаем его таким… Этот самообман и раздирает сердце. Чтоб не раздиралось сердце, надо этот обман разогнать… Потом придет в голову сырая могила… мрачная… Увы! Бедный! А он в светлом месте, в состоянии полной

отрады, свободный от всех связанностей. Прелесть, как ему хорошо…

К довершению горя думаем: умер, не стало… А он и не думал переставать быть… И все также есть, как был вчера накануне смерти, только ему хуже было, а теперь лучше. Что его не видать, это не потеря. Он бывает тут же… Отошедшие быстродвижны, как мысль…

Есть басня. Павлин с перьями своими величался пред другою птицею без перьев таких. А когда пришла нужда лететь, та птица улетела, а павлин остался на месте, только в зад посмотрел. Похоже? Вот и наш покойничек к Небу полетел, а мы тут сидим…

Неожиданная смерть. Потому хоть печальная, неизбежна; но не чуждая утешений христианских. Зрелый плод! Прямо к столу Господню… Мы, христиане, не к безвестному течем. Почему, если не тяготят кого смертные грехи, несомненно веруем, что двери Царствия отверсты ему. Если же к этому присоединить и кое-какое добро и кое-какие жертвы Господа ради, то тем более сомнение не должно оставаться о блаженстве участи отходящих…» (Еп. Феофана. Письма, 3 вып.).

Так прекрасны эти слова великого Святителя. Они помогут утешиться в горе скорбному сердцу. Они дадут истинное понимание «таинства» смерти. Около гроба разыгрывается трагедия, а как просто разъясняет эту трагедию еп. Феофан – мастер слова, просящегося в душу. Замечено наблюдательным оком: когда Господь готовит кому милость Свою, тому Он скорби частые и различные искушения посылает… И в самой безотрадной печали не забудем источник вечной радости. Стоит воззвать к Нему: Наставниче! И Он ответит нам. Прикоснемся краю одежды Его, и Он исцелит все раны изболевшего сердца…

Владыко Иисусе Христе, покрый нас и помоги нам немощным. Сокруши зло и введи в Царство правды Твоея – и мы успокоимся в отраде от силы Божественных словес Твоих, с великой надеждой на милосердие; и с улыбкой счастья на устах «да пием судеб Твоих пелынь на прогнание греховного вреда…»

О миролюбцах и светолюбцах

«Я – свет миру» (Ин.8:12), – возгласил Христос. И верующий в Него по

собственному опыту знает, что своим внутренним просвещением он обязан этому Всемирному Свету, подобному солнцу в мире физическом. Христианство – религия любви и, в такой же мере, – света. Насколько душа ценнее тела, настолько свет внутренний, или духовный, важнее внешнего, физического. И настолько же внутренняя, духовная тьма опаснее, губительнее, ужаснее мрака ночи и слепоты.

Очень ценны признания св. Симеона Нового Богослова о свете: «Я часто видел свет, и иной раз являлся он внутрь меня, когда душа моя имела мир и тишину, и иной раз являлся он вне, вдали…» Это было для св. Симеона радостью и счастьем. Когда же свет скрывался, это причиняло ему неизмеримую скорбь. «Но когда я начинал плакать и проливать слезы и показывать всякую отчужденность от всего и всякое послушание и смирение, тогда Он являлся опять, как солнце, когда оно разгоняет густоту облака, и мало-помалу выказывается радостотворное, блестящее и кругловидное…» «Являет Он себя ясно, узнается весьма хорошо, видится чисто невидимый, говорит и слышит невидимо…»

Не могут световидцы насытиться возвещением Истины… «Я видел молнии, – говорит тот же св. Отец, – меня облиставшие, – и лучи от лица Твоего… Я видел, что Ты, взяв меня, восшел на Небеса, вознесши и меня с Собою… и вот Ты опять оставил меня одного на земле, на которой я стоял прежде… плачущим и дивящимся скорбному обнищанию своему…» Так сыны Света, веруя во Свет, переходят от тьмы в Свет и сами становятся светоносными о Господе (см. у ап. Павла к Ефес.).

И, несомненно, светолюбцы премудрее миролюбцев. Пред такою высокою мудростью ничто самая утонченная изворотливость миролюбцев. Последние увлечены призраком земным, опутаны им всецело. Они не могут развернуться, чтобы уверовать в слово Господа и действовать так, как действуют наследники вечных благ… Когда сыны Света встречаются с сынами века на одном и том же поприще, то всегда бывают в проигрыше. Почему? – По простоте своей не могут они угадать всех хитростей, которые употребляются сынами века сего, и всегда бывают обойденными во всем. Стремясь к высшей, небесной жизни и как бы ногами только касаясь земли, забывают они

о приемах, необходимых при устройстве земного быта, теряют всю мудрость земную. Сыны же века, непрерывно занятые устройством всего нужного, по их духу, для удобств жизни, развивают в себе в этом направлении необыкновенную сноровку, находчивость и предусмотрительность, против которой где уж устоять простоте и доверчивости сынов Света! Сыны века в делах своих исходят от своего «я», от «самости». Они не могут быть покойны, пока не оградят себя отовсюду всеми способами самоохранения, в прочности которых они убеждены. Все течет и изменяется, поэтому они заняты придумыванием новых способов своего обеспечения и отстаивания пред теми, кто с ними одного же духа. От того – постоянные заботы: подводить мины и устраивать контрмины.

Сыны Света, возлагающие все свое упование на Бога, чужды таких хитростей. Они живут друг с другом в простоте, откровенности и полном доверии. Не мудрят и не хитрят между собою. Св. ап. Иаков простоту сынов Света называет истинною мудростию, хитрость же сынов века хоть и называет мудростью, но происхождение ее считает низким и темным. Их мудрость есть мудрость земная, душевная, бесовская. В ней таится злоба, охваченная очередной целью, она пользуется всем, на время забывает даже свое любящее сердце… Истинная мудрость мирна, кротка, смиренна, исполнена милости и плодов добрых, не сомневающаяся и нелицемерная, свыше сходящая, Божественная.

Люди, преданные духу мира, сынов Света считают неумными, устарелыми во взглядах, отсталыми, а на деле, по суду Божию, сами они только кажутся мудрыми, но не суть таковы…

Одна из самых лакомых приманок мира – богатство. При богатстве сам владелец не становится лучше, а только внешность его делается более показною. Считают богатство опорою крепкою, а оно – гнилая опора, разрушающая, текучая – опыт с Россией. Спаситель называет богатство неверным, потому что признает его не истинным, по его непрочности, обманчивости и лживости…

Бедные и нуждающиеся – то наши посредники в приобретении друзей на Небе. Угодить Богу, снискать Его милость и близость можно только чрез помощь страждущим, нищетным, впавшим в крайние лишения. Ведь все временные блага не наши, они только вверяются

нам на время от Бога. Нашим же является предопределенное нам вечное блаженство в Богообщении. «Божественные силы для жизни благочестивой, в познании Призвавшего нас явлением славы Своей и благости, чтобы стали мы чрез них причастниками Божеского естества, избежав от сущего в мире растления всякой похоти» (2Петр.1:3-4, перевод К.П. Победоносцева).

Над всем, что вверяется человеку в этой жизни, можно сделать надпись от имени Господа: «Это – тебе, Мне же дай сердце». Пусть сердце будет объято огнем Боголюбия – тогда отступит ядовитое себялюбие и из него вытекающее сребролюбие. Нельзя одним и тем же сердцем преследовать интересы и временные, и вечные. Кто примет в свое сердце всемогущую силу Боголюбия, тот и душу свою оживит, реально приблизясь к жизни вечной как прямой наследник ее. От сладости любви Божией душа готова забыть все земное.

Иван Васильевич Попов

Можем ли мы забыть своих родных, выдающихся людей? Среди них в памяти стоит светильник знания, мученик за веру и Церковь, И.В. Попов.

О его учености хорошо сказал в Соловках ссыльным профессорам и духовенству архиепископ Иларион – сам немалая величина в науке: «Если бы, отцы и братия, все наши знания сложить вместе, то это будет *ничто* пред знаниями Ивана Васильевича». Иван Васильевич без монашества был истинным монахом, безбрачным и девственником, смиренным тружеником, воздержником в пище и напитках, благоговейным молитвенником к Богу. Имея дар благодати Божией – «слово премудрости» (1Кор.12:8), он трудами удесятерил талант, послужил им Церкви с великой пользой и прославил ее своей мученической кончиной.

Незадолго до революции он со скорбью отмечал настроение интеллигенции того времени: «Глубокое и печальное разобщение существует у нас между Церковью и обществом, между духовной и светской школами. Общество не знает нас и не хочет знать. Оно не выписывает наших журналов, не читает наших диссертаций, бежит толпами вон из Церкви при первом появлении на кафедре проповедника. Причиной этого печального разобщения между

Церковью и представителями нашей интеллигенции служит то, что эти общественные силы перестали понимать друг друга, перестали понимать друг друга даже тогда, когда говорят об одном и том же». А между тем заграницей лучше знали и ценили наших ученых, подобных Ивану Васильевичу, чем свои, русские! Любовно читали и переводили их диссертации на свой язык. Например, проф. Глубоковского оценила вся Европа, а о В.В. Болотове сам Гарнак, корифей-историк, счел возможным сказать: «У нас в Германии не было таких профессоров с необъятным знанием и мученическим трудолюбием, как В.В. Болотов».

Поистине, христианская наука безгранична, как безгранична сама Божественная жизнь, к общению с которой призван дух человеческий. Иван Васильевич был проникновенным лектором по патрологии. Им талантливо написано редкое сочинение на тему: «Идея обожения в древневосточной Церкви», где он всесторонне раскрывает: «Тесное соединение Бога и человека в Лице Искупителя. Бог – само бытие, сама жизнь. Он истребил принцип тления и передал ему Свое собственное бессмертие. Тело Христа, облеченное в бесплотное Божие Слово, не боится уже ни смерти, ни тления, потому что имеет ризою жизнь… Божество как бы намастило это святое тело и неизреченно вложило в него Свою собственную светлость и нетление». (Афанасий Алекс.). Поэтому, если Христос умер, то лишь вследствие того, что «Божественному Логосу угодно было временно отдалиться от Своего Тела, но смерть не могла удержать в своей власти этот храм самой жизни, и человек, воспринятый Самим Богом, воскрес в третий день и победил принципиально последнего врага жизни – смерть. Повинуясь закону развития, человеческая природа Христа постепенно прониклась Божественными свойствами. Вот Он Младенец, и никто не подозревает в Нем Бога. Одиннадцати лет Он уже удивляет Своею мудростью книжников и старцев. Потом апостол Петр узнает в Нем Сына Божия, вслед за Петром видят это и прочие ученики. На Фаворе сквозь покровы плоти льются потоки Божественной славы, ибо Бог есть свет. Даже одежды Свои Христос показал белыми как свет, потому что из всего Тела Спасителя истекала слава Божества Его и во всех членах сиял свет Его» (Ефрем Сирин). «По воскресении не все и не во всяком состоянии могут видеть чувственными очами

одухотворенное тело Спасителя, входящее через затворенные двери. При вознесении на небо человечество Христа становится предметом поклонения для ангелов, и уже само оно, а не в качестве лишь орудия, делается животворящим и получает способность творить чудеса. «Дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли» (Мф.28:18), – говорит возносимое человечество. Оно садится теперь одесную славы Всевышнего и, сохраняя свои очертания, сияет Божественным блеском, как на Фаворе» (Григ. Богосл.). Далее этого церковного учения пошел Григорий Нисский, но об этом когда-нибудь; а здесь место не позволяет – необходимо быть кратким.

«Поэтому, если Христос испытывал голод, страдал, умер, то это было актом Его доброй воли и чудом, которое совершил Искупитель, чтобы разделить участь тех, для спасения которых Он пришел… Во Христе Божество соединилось не с Одним только Иисусом, но со всем родом человеческим, поэтому и искупленные Им достигнут подобной же славы».

«Христос излил на верующих Духа Святого, и Дух Своею сущностью сраствоpяется с их душой и телом… но человеческое я сохраняет свою самостоятельность и не сливается с Духом святым в одну личность и одно самосознание… Когда Дух Святой нисходит на человека и соединяется столь тесно, последний становится Богоносным или духоносным, и его природе передаются Божественные свойства. Силою Духа Святого он творит знамения, его ум, сверхъестественно обновленный, видит видения, получает откровения, в себе самом созерцает свет Божества. Сам Дух творит в нем заповеди Господни. Нравственное настроение человека становится чисто, как кристалл, и это достигается без усилий с его стороны. Радость, отблеск Божественного блаженства, наполняет его сердце. Но окончательного прославления искупленные достигнут только после всеобщего воскресения. Христос одождит Духа Святого на рассыпавшиеся в прах кости, и Дух сообщит этим останкам бессмертие собственной природы. По воскресении жизнь тела окончательно выступит из сферы физического и будет сохраняема непосредственно силою Духа Святого. В настоящее время для поддержания жизни тело нуждается в пище, жилище, одежде, тогда все эти нужды будут удовлетворяться действием Духа Святого,

проникающего тело и сообщающего ему нетление, бессмертие и прославленный, светоносный вид».

Вот в какие глубинные темы и близкие к ним, как то: «Религиозный идеал св. Афанасия Александрийского», «Мистическое оправдание аскетизма в творениях преподобного Макария Египетского», «О блаженном Августине», «Естественный нравственный закон», Иван Васильевич любовно и часто углублялся до самозабвения. Его идеал обожения человека исходит из сердечного убеждения в том, что спасение человека – это восприятие им Бога. «Соприкосновение с Богом есть обожение души, как бы восприятие ею в себя Бога. Это творческий характер человеческого познания. Идеи воспринимаются интеллектом так же, как свет воспринимается глазом. Поэтому в патристической литературе познание всегда сравнивается с питанием души».

«Общая цель христианских писателей идеалистического направления – возвыситься над границами человеческой природы, стать богами чрез теснейшее соединение с Богом. Их путь – концентрация всей внутренней жизни – воли, мысли и чувства – на единой, всеобъемлющей идее Божества, упрощение своей личности во всех этих отношениях».

Если бы можно было собрать в одну точку весь энтузиазм святоотеческого творчества и теплоту чувства, породившего их творения, то, кажется, получился бы очаг, способный воспламенить весь мир. Ибо человек, отобразивший в себе Бога, становится как бы Его живою иконой, носителем Его Божественных сил (Иоанн Дамаскин). Хорошо хранить в сердце память о Иване Васильевиче, но разве не обязаны мы закреплять любовь к нему и в письменной форме? Воспоминание о нем дает утешение, а труды его, исполненные высоких дарований и духовных взлетов, являются поистине хлебом небесным.

Мы сейчас измалодушествовались – утрачиваем последнее достояние, живую связь с нашими гигантами-предками. Надо воскрешать эти светлые образы, недавно еще жившие с нами… В этом наше счастье, радость наша и успокоение. В этом же и путь спасения…

Да умилостивится Господь над нами, обуреваемыми, заступничеством новомученика раба Божия Иоанна.

Единство

«Да все едино будут» (Ин.17:21). Таково желание Господа; такова цель христианской жизни. Твердо блюсти, неизменно сохранять и укреплять единение, данное нам во Христе чрез Духа Святого. Это единство Господь приобрел бесценною Кровию Своею – душу Свою положил за нас. Это единство более единства телесного. Основы единения – внутренние, духовные, неизменные, нерушимые, незыблемые. Златоуст говорит: «Бог призвал всех нас к одному и тому же; никому ничего не предоставил больше против другого: всем даровал бессмертие, всем жизнь вечную, всем неувядаемую славу, всем братство, всем наследие, для всех соделался общею Главою, всех совоскресил и спосадил на Небесах» (Беседа, 179 стр.).

Единство душ утверждается не внешним образом, принудительно, а на основе живой, внутренней силы – силы всеобъединяющей, связующей и примиряющей. Какая это сила, каждому из нас понятно. В нашем сердце неизгладимо должны быть написаны слова Апостола: «Более всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства». (Кол.3:14). «Все для любви, которая собирает» (преп. Сергий). Любовь соединяет нас и между собою, и с Богом. Эти узы дают большую свободу и делают узников веселее свободных. Сильный находится в союзе со слабым, укрепляет его и не допускает до погибели. Ослабляет и разрушает христианский союз вражда и злоба, сребролюбие, властолюбие, честолюбие и многое другое.

«Холодность душевная не способствует к соединению, но теплота душевная, большею частью, каждого привлекает к себе» (Златоуст). Истинное единство, в какой бы то ни было области нашего духа и в какой бы то ни было форме, без христианского единения не мыслимо. Оно – душа, корень, оживотворяющая сила всякого единения. Никто не может отрицать, что вечное должно преобразовывать временное; внутреннее – внешнее. Если Царство Божие и правда его приидут к нам, вселятся в наше сердце, очистят нас от всякия скверны – все вокруг нас будет светло и отрадно.

К прискорбию, мало сознаем мы всю важность и значение

христианского единения. Меньше всего помышляем об укреплении в нас христианского духа. Все, что есть в нашей жизни наиболее светлого, радостного, все, что даст отраду и успокоение сердцу, что окрыляет наш дух святыми упованиями на будущее – все это имеет основы в христианском единении. К прискорбию нашему, мы жаждем обновления, не обновляясь духом ума нашего (Еф.4:23); ищем возрождения, оставаясь сами духовно мертвыми. Мы везде и во всем склонны винить других, а вину нужно искать прежде всего в самих себе. Мы постоянно жалуемся на других, но если бы нас поставили на их место, трудились ли бы мы по совести, от души (Еф.6:6), честно, самоотверженно, бескорыстно? Опыт показывает, что те, которые жалуются, являются в жизни такими же, как и те, на кого жалуются. В возвышении христианского духа и в укреплении единения – наша сила, наша мощь. Исконный враг сеет вражду, разделение и несогласие. Пока камни плотно сложены и нет между ними никакой пустоты, они с трудом разламываются, а когда они разъединены, то распадаются и разрушаются. Тяжкий грех творит тот, кто пытается разрушить основы христианского единения. На вере утверждается наше христианское единение, а любовь его созидает. Без любви мы – медь звенящая, или кимвал звучащий (1Кор.13:1). К любви все сводится в наших взаимоотношениях, и без нее ничто не имеет значения. Где любовь, там умолкает ненасытная жажда честолюбия, властолюбия, корыстолюбия. Где любовь, там мы, зная немощи других, не возлагаем на них бремен тяжких и неудобоносимых (Мф.23:4). Где любовь, там ближние не тесно вмещаются в нашем сердце (2Кор.6:12).

В наше время много горя, много льется слез, много страданий, и согревающая сила любви так необходима, так привлекательна. Под действием лучей солнца исчезают туманы и гнилостные испарения; воздух делается чистым и прозрачным. Так и в мире нравственном, под действием любви все оживает, становится светлым, приходит в порядок и стройность.

Не будем угашать духа христианского, духа православного в нашей русской душе. Пусть же всегда возрастают и укрепляются в нас вера и любовь – основы единства.

Мученики

Христос Спаситель – вечно живой Бог. Он в Своей деснице содержит судьбы мира и человечества. Силен Господь избавить верных последователей Своих от врагов, теснящих их. От Него дар иметь вечную жизнь взамен временной. Он – Богочеловек, Который Своею смертию и воскресением положил начало новой жизни для верующих в Него и показал им пример победы над смертью…

Бросим взгляд на особенность жизни древней Церкви. Там гонение со стороны врагов Христианства обнимает всю совокупность внешних условий существования. Тяжелый гнет преследований еще более увеличивается тем, что нищета, бедность составляла отличительную черту первенствующих христиан. «Посмотрите, – писал апостол Павел Коринфянам, – кто вы – призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; незнатного мира и уничеженное и ничего не значущее избрал Бог, чтобы упразднить значущее» (1Кор.1:26-28). Впоследствии присоединялись к Церкви богатые и знатные семейства и лица. Кроме внешних испытаний, бедные материально, но богатые духом, христиане должны были терпеть не менее тяжелые испытания внутренние – злословие, хулу, насмешки, брань, клевету и подобное. Врагами, которые стараются очернить добрую славу христиан, являются иудеи. Спаситель сказал о них, что они только называют себя иудеями, а на самом деле – не иудеи, но синагога сатаны (Ап.2:9). После того, как они отвергли в лице Иисуса Христа своего Мессию, свободно отказались от обетований Божиих и исторической жизни, они сделались из друзей Божиих убийцами Христа, гонителями апостолов (1Сол. 2:15). Большая часть чудовищных нелепостей, в которых язычники обвиняли христиан, была пущена в обращение иудеями. В рассказе о мученичестве Поликарпа читаем: «Вся толпа язычников и иудеев с неукротимою яростью и громогласно закричала: он (Поликарп) учитель Азии, отец христиан».

Иудеи же подучили доложить проконсулу, чтобы он не выдавал христианам останков священномученика, «дабы они, христиане, не начали поклоняться ему, оставив Распятого». Сотник, «видя враждебную настойчивость иудеев,» должен был сжечь тело Поликарпа.

Виновником всех бедствий, которые Церковь имеет претерпеть в будущем, Иисус Христос называет диавола, который, по учению Св. Писания, непрестанно ведет борьбу с людьми, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа (Ап.12:17). Поэтому языческие власти, чернь и синагога только орудия в руках исконного врага Божия, обольщающего вселенную (Еф.6:11-16). Цель диавола, воздвигающего гонение против Церкви, та же, что и всегда – искусить верующих, поставить их в затруднительное положение, соединенное с опасностью отречься от Христа и отступить от Бога (1Сол.3:5)…

Так было в древней Церкви. Так остается и в наши дни: истинных христиан «злословят как злодеев» (1Петр.2:12). «Обнаруживая скрытые козни и ковы диавола, – замечает проф. Жданов, – и указывая в нем тайную причину гонений, Господь предупреждает возможное со стороны христиан раздражение против гонителей: язычников и иудеев, и предрасполагает относиться к ним с человеколюбием и состраданием, видеть в них несчастных и ослепленных людей, обольщенных диаволом…»

Оле снисхождения Божия! – жалость и милость христиан к врагам христиан… Христиане не должны терять энергию духа и впадать в состояние безнадежности. Господь убеждает христиан к непреклонной твердости. Пребудь верен! А истинная и непоколебимая верность должна простираться даже до смерти – быть готовым каждый момент и жизнь положить за Христа… Есть две смерти – физическая и духовная. Первая имеет место до всеобщего воскресения мертвых и Страшного Суда, вторая – после них. Одна – временная, другая – вечная. Бедным и беззащитным, хулимым, гонимым и убиваемым за имя Христово или ожидающим гонения и смерти, Господь является как Избавитель, как Искупитель, как Начальник жизни. Вечный источник всякой жизни, Он обещает взамен жизни временной – вечную. В награду за смерть временную, телесную предлагает мученикам избавление от смерти духовной и вечной.

Миллионы мучеников дала наша страна в смутные дни царства красного диавола… В мучениках мы найдем верную защиту и надежных ходатаев за нас и здесь, и в будущем веке. Будем же

молиться и о них теперь, пока мы еще в теле, пока в состоянии выразить к ним свое удивление, любовь и восхищение. Разница есть между древними и новыми мучениками. Она нас смущает. Кровь древних мучеников, орошая церкви, воспитывала несметное число подвижников благочестия. Кровь новых мучеников лишь озлобляет грубые души, которые спешат предать ее позорному забвению… Блажен, кто удостоился страдания за Христа… Скоро, скоро придет Помощник наш, придет и не умедлит…

Молитвами святых Твоих мучеников, пощади нас, Господи, и спаси.

Евангелие

Познания о Боге доступны только опыту. Нам нет нужды доказывать, что солнце светит и звезды мерцают в ночи. Так и о Боге – всеми чувствуется. Разве только слепой не видит звезд, не замечает света солнечного. Великая радость, неизреченная радость! – «Отецъ посла Сына Спаситgл# мїpu» (1Ин.4:14).

Евангелие – это пришествие Бога-Слова, Иисуса Христа, для спасения всех. Проповедь свою апостол Павел «назвал Евангелием, потому что она обещает дарование многих благ, благовествует примирение с Богом, низложение диавола, отпущение грехов, прекращение смерти, воскресение из мертвых, вечную жизнь, Царство Небесное» (блаж. Феодорит).

Много было религиозных и философских учений, но ни одно из них не могло быть названо «Евангелием», потому что не возрождало человека, не давало исцеления сокрушенным сердцем, не созидало истинной свободы – свободы от греха. В широком смысле наименование Евангелие может быть присвоено всем новозаветным книгам. Климент Римский называет «Евангелием» первое послание апостола Павла к Коринфянам. «Возьмите, – пишет он, – Коринфянам послание достоблаженного апостола Павла. О чем он прежде всего написал вам в начале евангелия? Истинно, он по вдохновению написал вам как о себе самом, так и о Кифе и Аполлосе, потому что и тогда произошло у нас разделение на различные партии». Ориген же прямо разъясняет, почему все книги Нового Завета могут быть названы евангелиями. Апостол Павел пишет: по евангелию моему. «Между посланиями Павла нет ни одного, которое бы обыкновенно

называлось евангелием; но что Апостол проповедывал, или чему учил, то и записал. Следовательно, что он записал, то и есть евангелие. Если писания Павла суть евангелие, то то же нужно сказать и о писаниях Петра. И скажу одним словом: евангелие есть то, что утверждает и укрепляет веру в явление Христа и Его второе пришествие и вводит Христа в наши души, желающие принять божественное Слово, Которое стоит пред дверьми, толцет и желает войти» (Толк. на Иоанна). В широком смысле Евангелие есть все новозаветное учение. Оно евангелие Христа (Рим.1:16), евангелие Божие (2Кор.11:7; 1Сол.2:2. 8:9); евангелие Царства Божия (Мк.1:14), евангелие спасения (Еф.6:15) или примирения с Богом, евангелие благодати Божией (Деян. 20:24). Кто отвергает подлинность евангелий, тот явно противится очевиднейшей истине, не придает значения церковному историческому преданию, безусловно заверяющему их апостольское происхождение. В отношении к благовестникам Евангелия верующие не являются рабами: «Мы не обладаем верою вашею» (2Кор.1:24). «Вера – дело свободы; хотите – веруйте, хотите – нет» (еп. Феофан). Благовестники Евангелия являются только споспешниками радости верующих (1, 24). Их дело блюсти верность в вере и тем содействовать умножению радости, доставляемой верою (сравн.: 1Ин.1:4). Христово учение для всех просто и ясно. Скрыто же оно только для тех, которые стали духовно мертвыми, ослеплены своим разумом (2Кор.3:4). Подобно благоуханию оно распространяется везде, но одних оживляет, других умерщвляет, – является для них запахом на смерть, так как обнаруживает их внутреннюю погибель, их всецелое религиозное и нравственное извращение (2Кор.2:15-16). «Двери таин Божиих и не отверзаются для неверующих, и свет их не осиявает их. Держит их во тьме бог века сего и не дает воссиять в них свету Божию» (еп. Феофан). «Гнездом неверия и лжи, тьмы и убийства служит Иудея и Иерусалим – этот очаг безверия и индифферентизма первосвященников-саддукеев и лицемерия, ханжества и изуверства книжников-фарисеев. Вера и жизнь, свет и истина, напротив, сосредоточиваются в Галилее (отчасти и в Самарии) среди простых поселян и рыбарей» – замечает проф. М. Муретов.

Евангелие – это только часть широкого апостольского устного предания. Заблуждаются те, которые единственным источником

христианской веры и жизни считают Писание и отвергают Предание. Церковь во благодати Духа Святого преемственно и неизменно хранит учение апостольское и не запечатленное в Писании. Цель Евангелия вовсе не та, чтобы изобразить жизнь и дела Господа с возможною полнотою, в строгой хронологической последовательности, какую цель преследуют исторические произведения. «Сие же написано, да веруете, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, жизнь имеете во имя Его» (Ин.20:31). Цель Евангелий не столько историческая, сколько спасительная – показать, что Христос есть Сын Божий, Спаситель и Искупитель мира. Сообразно этой цели Евангелисты, просвещенные Духом Божиим, передают из жизни Господа только то, что наиболее открывает в Нем Спасителя, Примирителя нас с Богом. Христианство возродило нашу природу, изменило коренным образом наши отношения к Богу, дало нам новую благодатную жизнь, ввело нас в Церковь – в этот рай и небо на земле. Закон не обновлял, не возрождал человека, хотя сам по себе был свят и праведен (Рим.7:12), а возрождает его благодать. Ничего не может быть утешительнее слов: «ты ужу не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа» (Гал.4:7). Богосыновство – высочайшее благо, дарованное Христианством. Мы введены Христом в новую благодатную жизнь, стали во Христе новою возрожденною тварью (2Кор.5:17).

Евангельское слово всех привлекает своею Божественною силою и простотою. Истинное понимание Евангелия – понимание вселенское, общецерковное, и уклонение от него неизбежно сопровождается несообразностями. В Евангелии найдем ответы на все запросы нашего духа. Оно – начало, преобразующее нашу жизнь, преобразующее внутренне, постепенно, без всякого крушения и ломки. Оно дает истинную свободу – свободу духа. Оно доставляет истинное богатство – богатство духовное. Оно возводит нашу мысль и чувство к вечному, небесному, Божественному и научает, что делать, чтобы на землю сошло к нам Царство Божие. Жизнь по Евангелию есть жизнь во Христе, полная радости от Духа Святого. Эта радость – радость, зовущая нас на дело, труд и подвиг. Это – непрестанное служение Богу и ближнему в Церкви. В награду же за все это Евангелие обещает нам неотлучное, бесконечное пребывание со

Христом Богом – Спасителем нашим в Его вечном Царстве.

О Богопознании

Вот о чем больше всего заботились наши благочестивые предки. К этому нас побуждают они из далекого, милого прошлого.

Господь, невидимый по Своей сущности и благодати, видим для тех, которые уподобились Ему. Во Христе дано самое совершенное самооткровение Бога. Самое доступное познание, близкое, родное, понятное сердцу. Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть (Мф.9:27). Христос есть совершенный «образ невидимого» (Кол.1:15) Отца. Христос требует, чтобы Отца любили в Нем. Дух Святый, продолжатель и завершитель искупительного дела Христова, свидетельствует о Христе (Ин.15:26) и прославляет Христа (Ин.16:14). Мы любим Триипостасного Бога во Христе. Наше спасение неразрывно связано с познанием Сына Божия, воспринятого всем сердцем и умом. Для Богопознания дано Откровение. Но Сын открывает Себя не непосредственно, а чрез Духа Истины, Который всему научает и наставляет на всякую истину (Ин.14:26; 16:13). Высшая сфера ведения духовного, Божественного открывается исключительно Духом Святым. Богопознание без соблюдения заповедей – есть ложь (1Ин.2:3-4).

У Исаака Сирианина есть признание о необычной сладости Богопознания, а Максим Исповедник считает началом и концом спасения премудрость, которая в начале проявляется как страх, а в конце – как любовь. Дружно говорят Отцы о необходимости Богопознания и вообще о духовном ведении – живом, светлом, блаженном. Конечно, Бог не может быть предметом мышления. Мышление предполагает разделение. Мышление по своему существу есть взаимодействие мыслящего и мыслимого. Кто же углубится внутрь себя, отказавшись от внешнего, тот непременно возвысится к небесному. Такое самоотвлечение от внешнего и есть уже непосредственное соприкосновение с Божественным. Так в душе нет никакого движения и деятельности, никакого мышления. Душа возвышается над всем мышлением, над всем внешним знанием… Для познания, для созерцания Бога человек должен решительно отрешиться от самого процесса мышления. У св. Исаака верно

сказано, что Царство Небесное не приобретается изучением, оно может быть внушаемо только по благодати (Сл. 49). Духовное знание не приобретается внешним, душевным путем. Этого духовного ведения никто не может иметь, если не обратится и не будет как дитя, то есть не поставит себя в младенческий образ мыслей (там же). В глубокомысленной гносеологии преп. Симеона Нового Богослова «христианин потому и называется верным, что ему вверены от Бога таинства, которых даже Ангелы не ведали прежде нас» (вып. 1-й, стр. 330)… «От Духа Святого научаются христиане всякому разумению и познанию; и всякому слову премудрости и ведения таинственного. Чего не знают неверные, мы, сподобившиеся соделаться верными, можем знать, мудрствовать о том и говорить, будучи научаемы и просвещаемы благодатию Пресвятого Духа. Поистине, ключ разумения есть благодать Святого Духа, подаваемая ради веры. Благодать Святого Духа отверзает заключенный и омраченный ум наш и сообщает ему истинное ведение и познание Божественного просвещения» (вып. 2-й, стр. 59). «Бог столько познается нами, сколько может кто увидеть безбрежного моря, стоя на краю его ночью с малою в руках зажженною свечою. Много ли, думаешь ты, увидит этот из всего того безбрежного моря? Конечно, малость некую, или почти ничего. При всем том он хорошо видит воду ту и знает, что пред ним море, что море то безбрежно и что он не может все его обнять взором своим. Так и в отношении к нашему Богопознанию… Ни бдение, ни уединение, ни пост, ни ничего-не-имение, ни труд телесный, ни другая какая добродетель не могут без Святого Духа доставить нам слова или знания, или рассуждения, потому что все это есть путь, ведущий к свету, а не самый свет. Без Духа никто не может ни сам научиться, ни других научить. Ибо Того, Кто есть выше всякого ума и помышления, как возможно познать уму нашему, созданному Им, если он не будет просвещен от Него и не соединится с ним?» (вып. 2-й, сл. 61 и 87).

Тайны веры нашей неведомы и непонятны для некающихся. Их не видят и не могут видеть неверующие или маловерующие. Поэтому пусть никто «никогда не прельщает вас суетными и обманчивыми словами, говоря, что можно познать Божественные тайны веры нашей без научения и просвещения Святого Духа» (вып. 2-й, стр. 343). Величайший христианский философ Исаак Сирианин на своем

благодатном духовном опыте изобразил таинственное шествие и подъем души, ищущей Бога: «Что бывает с рыбой, вышедшею из воды, то бывает и с умом, который выступил из памятования о Боге и парит в памятовании о мире. Сколько человек удаляется от собеседования с людьми, столько же удостаивается дерзновенного умом своим беседования с Богом, и в какой мере отсекает от себя утешение мира сего, в такой удостаивается радости Божией о Дусе Святе… И как гибнут рыбы от недостатка воды, так умные движения, возникающие от Бога, исчезают в сердце» (Сл. 8) у того, кто укрепляется в суетное и мирское…

«С сладостию богомыслия и славословия ничто не может сравниться» (еп. Феофан).

Сердце, любящее Господа, здесь только и находит сладость и покой. Тут рай сердца, потому что только единого Господа имеет Богом своим. Помоги, Господи! «Сам и ныне раб Твоих прошения к полезному исполни, подая нас в настоящем виде познание (Тебя и) Твоея истины, в будущем жизнь вечную даруя» (3 антифон Лит. Злат.). Согрей, Господи, наши сердца и обрати к Себе, дабы в стремлении к Богопознанию мы всегда черпали неизреченную радость и покой.

Оптинский старец Макарий в письмах

Глубоко запали в сердце слова замученного большевиками архиепископа Илариона (Троицкого): «Сокровищница письменности святоотеческой – богатство неисчерпаемое, и кто выносит оттуда на свет Божий хоть какую-нибудь часть, того можно только приветствовать». И думается, не пора ли вспомнить в кратких словах смиренного старца Макария, о котором в свое время митрополит Филарет Московский сказал: «Макарий свят».

В его письмах встречаются, как драгоценный вклад, мысли, от которых душа радуется и бывает в восторге. Мы не приводим их в систему, а по мере прочитывания собрали, как пчелка, благоухающую пыльцу с душистых цветов. Это – не научное исследование. Это – не пышное и махровым цветом распустившееся творение, а простое изложение мыслей мудрого старца. Его тема в письмах преимущественно о смирении, «из которого вырастают все

добродетели». Скорбит в письмах Старец и о ложном увлечении западным просвещением, предсказывая грустные последствия этого увлечения.

«Сердце обливается кровью при рассуждении о нашем любезном отечестве, России, нашей матушке; куда она мчится, чего ищет, чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое; оно обманывает себя в своей надежде: юное поколение питается не млеком учения Святой нашей Православной Церкви, а каким-то иноземным, мутным, ядовитым заражается духом; и долго ли это продолжится? Конечно, в судьбах промысла Божия написано то, чему должно быть, но от нас сокрыто, по неизреченной Его премудрости. А, кажется, настает то время по предречению отеческому: «"Спасаяй да спасет свою душу!» Дивное чудо! Бог является простоте и смирению, а не разуму, обуянному мирскою мудростию. Нам надобно, оставя европейские обычаи, возлюбить Святую Русь и каяться о вовлечении во оные; быть твердым в Православной вере, молиться Богу, принося покаяние о прошедшем. И те печальные последствия, по мановению воли Божией, могут получить другой оборот. Бог, премудрый правитель кораблем мира, и наши худые последствия приводит к благим целям, по неведомым нам судьбам Его. В настоящую эпоху, сколько людей кровию своею и страданием очистили себя от грехов и вступили в вечность с надеждою на милосердие Божие… Нынче темная сила крепко вооружается противу света Истины, и разум силится взять верх над верою и противляется Церкви. Жаль бедную, любезную нашу матушку Россию, если, по слову Вашему, жатва эта скоро созреет под серп! Если же это неминуемо должно быть, то верующим надобно молиться милосердному Господу…»

«Благодетельная Европа научила нас внешним художествам и наукам, а внутреннюю доброту отнимает и колеблет Православную веру… Мы больны душевно и не видим этого. Не дай, Господи, чтобы весь мир заразился болезнью неверия и вольнодумства, но чтобы сохранилась вера и чистота учения Церкви нашей в чадах до скончания века…» «Проходит образ мира сего» (1Кор.7:29). Но не надо отчаиваться. У Бога много есть средств спасти наше несчастное отечество. Когда-нибудь кончится это страшное наваждение, и бесы по повелению Христа Спасителя войдут в свиное стадо и низринутся

в бездну. Бог наш Помощник и Покровитель, и Он да будет нам во спасение. Воззовем к Нему, и услышит нас. Повергнемся пред величием славы Его в глубины смирения и скажем: да будет воля Твоя над нами. «Смирение не падает, всегда стоя на низком месте, чая от Бога помощи и спасения». Нам нужны различного рода искушения и скорби. Чрез них мы познаем кроющиеся в нас недуги душевные, немощи и различные страсти, и чрез скорби и искушения получим душевное исцеление. «Духовная жизнь не в том состоит, чтобы видеть свои исправления, а в том, чтобы зрети своя согрешения… Как гордость есть предварительница падений и низвергает имущего ее во глубину адову, так напротив, смирение восставляет и возводит из глубины греховныя и возвышает имущего сие… Вот добродетели: любовь и смирение; без них все наши дела суетны и ничтожны, ибо благодатных действий сподобляются от Бога смиренные и достойные, и неищущие, а не высокоумные и самомнительные».

Общий вывод: источники истинного просвещения в Православной Церкви в учении святых Отцов; а не в западной философии, под влиянием которой, как поганки, на русской почве появились безбожные социалисты, губящие все чистое, светлое, доброе. Они в безумной дерзости и беспримерной злобе задались ныне целью истребить и вещественные храмы, и невещественные храмы – души христиан. С дьявольской яростью торопятся разрушить все, что напоминает о Боге. Так, как нам представляется, свирепствует красный «зверь» пред своею гибелью, а она неминуема. Бог поругаем не бывает. Сметет их силою державной десницы Своей. Нет покаяния – не будет и пощады.

Святой мученик Лукиан

Враги Евангелия глумились и издевались над верой христиан в самом начале ее появления. Глумятся и теперь слуги диавола над Христианством. С радостными лицами и с молитвой за своих палачей шли христиане на самые страшные мучения и мужественно встречали смерть за Христа. Как могучее проявление духа, торжество духа над материей, свободы над необходимостью, жизни над смертью, Евангелие потрясло, перевернуло все понятия и взаимоотношения людей. Как на яркий пример жажды подвига, укажем на учеников

Лукиана. Из древней греческой рукописи сообщает нам епископ Порфирий (Успенский): «Все ученики Лукиана хотели умереть мучениками, но не всех их он благословил на это, а лишь весьма немногих, да и тех поименно, прочих же оставил в училище своем для изучения Богословской науки и для преподавания ее потомству, молясь о них и говоря им: *и вы получите награду мучеников, если многим будете вождями ко спасению, и многим преподадите благочестие*«… Кстати, из его школы было много знаменитых учителей и писателей. «Сам же он, добре устроив всех, как ему хотелось, и оставив Святой Церкви в Никомидии претолстую книгу сшитую, называемую Пандект, написанную собственною рукою его в три столбца на каждой странице и содержащую весь Ветхий и Новый Завет, претерпел мученичество с радостью и веселием». Он был пресвитером в Антиохии и основал там христианское училище, из которого образовалась знаменитая «Антиохийская школа» христианских богословов. Трудно было жить христианам в ту эпоху, как и теперь трудно. В 311 году, во время гонений Максимиана, Лукиан был схвачен и отвезен в Никомидию на суд императора. Он представил письменную апологию Христианства, но был в оковах брошен в тюрьму и замучен. В 326 году Царица Елена воздвигла над его мощами великолепный храм. Православные богословы древности говорят о его учении с большим уважением. Он был выдающимся библеистом и продолжал начатую Оригеном работу над исправлением греческого библейского текста. Лукиановская рецензия текстов 70-ти получила общее признание в церквях Малой Азии и в Константинопольском округе. После мученической смерти Лукиана в Никомидии, книга его как-то досталась местным евреям. Они скрыли ее и замазали в стене одной городской башни. Но отсюда вскоре она перенесена была в Константинополь еще в царствование Константина Великого, скончавшегося в 337 году, и с той поры многократно издавалась. Константинопольские экземпляры ее распространены были во Фракии и Малой Азии до пределов самой Антиохии, где она впервые была написана. Любовь Лукиана к Священному Писанию была так сильна, что даже спать почти не хотелось ему, лишь бы не прерывались его занятия этим Писанием. А вкушал он только хлеб и воду, зарабатывая на хлеб скорым переписыванием книг, так что излишки и нищим отдавал. Из числа

этих экземпляров уцелели два известных – Ватопедский (Афон) с миниатюрами, и Пандократский с *экзаплами* (шесть столбцов текста Св. Писания на одном листе) *Оригена* и разными схолиями (комментариями).

У блаженного Иеронима в главе «О мужах знаменитых» сказано: «Лукиан, муж ученейший, пресвитер Антиохийской Церкви, столько потрудился над Писанием, что даже до ныне некоторые экземпляры Писаний называются Лукиановыми». В кратком дополнении о подробностях его ареста говорится: молва о Лукиане дошла до императора, и он приказал схватить его. Лукиан укрылся за городом. Однако, один из пресвитеров Антиохийских, именем Панкратий, зараженный ересью Саввелия, завидуя славе служителя своего, выдал его. Лукиана отвели в город Никомидию, где и замучили. Излагая здесь эти, довольно скудные, но с тем большим благоговением нами воспринимаемые сведения о Лукиане, мы закончим их *экзапостиларием*(песнь-моление о ниспослании света и о просвещении нашего ума для достойного восхваления Господа или мученика, или вообще святого – в стихирах на хвалитех и в Великом Славословии) св. мученику: «Как исполненный духовной благодати и мудрости, Лукиане всехвальне, ты, мучениче, уяснил все богодохновенное Писание, многобожное же заблуждение Еллинов и лжеименное знание обличил, а Христову Церковь возвеселил, страстотерпче, просвещая словами твоими православных множество».

Так и мы да проникнемся духом Святой Церкви. Только она вводит нас в область Божественных явлений и умиления. «Не спасется тот, кто не имел духа умиления» (св. Симеон Новый Богослов). Святым Отцам оно дает познание и созерцательную силу на основе благочестия. Сила же благочестия – молитва и чтение Божественных Писаний. Устремимся и мы к благочестию и исследованию Писаний, как это делал всю свою жизнь святой мученик Лукиан.

Любовь

По мере уразумения и усвоения святоотеческого слова, исследование об условиях любви к Богу и ближнему приводит нас к радости, счастью, блаженству. Любовь, как действие Духа в нас, пленяет нас.

Она не может выйти из воли любимого. К этому призывает первое послание апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Зло – тьма, добро – жизнь. Общение с Богом делает нас сотрудниками Божиими. Когда в сердце свет – нас все радует вокруг. Изгоняя тьму из сердца, мы исполняемся небесным светом Святого Духа. Каждая мысль о Боге есть действие Духа Святого в нас. Хождение во свете необходимо рождает любовь к ближнему (1Ин.2:9). Ненавидящий ближнего находится во тьме. Тьма господствует над всеми его действиями и он всю жизнь спотыкается на пути, цель которого ему неизвестна (2, 11). Не любите мира, лежащего во зле, взывает Апостол, и не любите то, что в мире, то есть обманчивых мирских благ (2, 15). Любовь к Богу несовместима с любовью к миру. Сущность мира, внутреннюю, одушевляющую его жизнь, образует или похоть, или гордость. Похоть и гордость противны Богу. Не нужно любить мира потому, что он не может доставить нам того постоянного, неизменного блага, к которому мы стремимся. Христос явился для того, чтобы освободить нас от греха. Но для кого грех сделался стихией жизни, тот не чадо Божие, а чадо диавола. Чада Божии отличаются от чад диавола. Хотя грех может иногда увлекать их, но никогда он не возобладает над ними, потому что семя Божие пребывает в них (3, 9-10). Все христиане совершают греховные деяния, но не должны иметь греховного характера. Христианская жизнь и постоянная греховность абсолютно противоположны. Как река в своем главном направлении, не смотря на извивы и даже повороты назад, всегда течет к морю, так и центральное течение подлинной христианской жизни всегда направляется к Богу, вопреки силе зла, которая задерживает ее движение и вредит постепенному усовершенствованию ее. Признаком нашего богосыновства служит любовь к ближнему. Не любящий ближнего не от Бога (3, 10). Апостол предостерегает от ненависти как начала, ведущего к смерти (3, 12-15). Каин олицетворяет собою мир, а Авель – чада Божии, ненавидимые миром. Но нет ничего удивительного, что мир нас ненавидит. Ненависть есть признак смерти, а мы своею любовью к ближним доказываем, что перешли от смерти к жизни (3, 13-14). Ненависть есть признак смерти, в противоположность любви, составляющей жизнь. Ненависть стоит наравне с убийством. Отнимающий жизнь у другого сам лишен ее и подвержен

ужаснейшей нравственной смерти (3, 15). Любовь Христа открылась в том, что Он ради нас положил жизнь Свою. Мы ради ближних должны жертвовать своею жизнью (3, 16). Только в истинной любви, которая порождает в нас сознание, что мы от Истины, мы можем находить успокоение своего сердца и радостную уверенность пред Богом в каждый момент своей жизни (3, 21). Истинная любовь производит и то, что молитвы наши услышаны Богом, ибо в любви заключается совершенное исполнение заповедей Божиих и наше угодное Богу поведение (3, 22). Кто любит, тому Бог открылся, и следовательно он знает Бога. Знание Божественного предполагает обладание Божественным. Наоборот, отсутствие любви говорит и об отсутствии познания Бога, ибо Бог любы есть (4, 8). Где нет любви, там совершенно нет и не было познания Бога. Любовь, составляющая сущность Божественной жизни, открылась в нас через послание в мир Единородного Сына Божия. Вот где обнаружилась истинная сущность любви! Любовь, по своему существу, происходит от Бога и, следовательно, наша любовь к ближнему есть пламя от Божественного пламени. Любовь к ближним есть отражение Божественной любви; источник ее в Духе Божием. Если мы пребываем в Боге и Бог пребывает в нас, то любовь Божия достигает среди нас своего полного совершенства (4, 17). Через эту совершенную любовь мы уже в этом мире делаемся подобными Христу, и потому она влечет за собою «дерзновение» в день суда (4, 17). Где любовь, там нет страха, а есть дерзновение. Недостаток любви к ближним говорит непременно и о недостатке любви к Богу. Где существует любовь к Богу, там не может отсутствовать любовь к ближним (4, 21). Любовь к Богу как Отцу, родившему нас, неотделима от любви к рожденным от Бога (5, 1). Самое соблюдение заповедей Божиих не может быть для верующих тяжелым. Трудность к исполнению их лежит во враждебной силе тьмы, а эту трудность верующий, как рожденный от Бога, побеждает верою в Сына Божия. Эта именно вера и победила мир (5, 4-5). Христос, явившись в мир, дал возможность познать истинного Бога, и мы находимся в общении с истинным Богом, будучи в общении с Его Сыном. Христос есть истинный Бог и жизнь вечная (5, 20). Мы чтим любовь. Любовь Отца к Сыну есть норма любви Сына к ученикам, а эта последняя есть мера всякой истинной любви среди братьев. Если Бог в Своем

существе есть любовь, то от Его существа неотделимы самооткровение и самосообщение. Совершенно невозможно, чтобы ниспавший до нелюбви к брату мог оказаться способным к возвышенной любви к невидимому Богу. Если же мы любим друг друга, то невидимый Бог не только близок к нам, но и в нас пребывает, становится душою нашей жизни. Мы имеем внутреннее сокровище, которым во имя Сына Божия уже обладаем. Мы стоим к Богу в детски-доверчивых отношениях, можем обращаться к Нему как к Отцу, открывая Ему все, что лежит на сердце. В этом постоянном жизненном общении с Богом состоит истинное Христианство, как дело жизни, а не теоретических только рассуждений. Наше отношение к Богу – отношение любимого дитяти к любимому Отцу – дитяти, хранящего эту любовь как высшее сокровище, как жемчужину сердца, как небесную музыку души, как величайшую силу и вершину всего. «Ты, Господи, чудо, мир, упование, любовь, сладость, веселие, свобода от забот и радость, единственная слава, царство, мудрость, сила… В Тебе обретается дивный покой для созерцающих Тебя, с причастием Святого Духа… Ты являешься совершенным наслаждением, совершенным желанием, предметом святого стремления, невыразимой любви».

О нечестивцах

Какая безумная слепота тех, кто сделал «науку» своим кумиром. Достижениями человеческого разума хвалятся, пред ними воскуряют фимиам и превозносят их выше небес. А озарениям света Божественного в сердцах святых – их близости к Богу, явным действиям благодати Божией в них – не придают никакого значения. Ценится ничтожное и временное, а умаляется Божественное и вечное. Тьма обуяла этих нигилистов, они боятся света и становятся воистину мракобесами. Как пифия изрекают: «Исторические и биологические законы гласят»… «Каждая новая генерация говорит своим языком»… «Это закон эволюции», и подобные затасканные безбожниками фразы. Повторяется старая ложь… Пусть наш язык присохнет к гортани, если и мы будем замалчивать, подобно этим господам, силу и славу Божию. Эта сила всегда новая, всегда молодая, яркая, как свет солнца; радостная, как сама жизнь; как истина непреложная; как путь единственный к вечной славе. Этим

путем шли наши славные предки и в их числе такой великий праведник, как отец Иоанн Кронштадтский, учивший и говоривший с силой и властью.

«Если бы кто из неверующих Священному Писанию спросил меня: чем ты докажешь мне, что Иисус Христос есть Бог, то мне довольно было бы указать на одного какого-либо живого праведника, который из гордого сделался смиренным, из гневливого – добрым, из завистливого – доброжелательным, из скупого – щедрым, из чревоугодника – постником, из упрямого и своенравного – послушным, из изнеженного, ленивого и нетерпеливого – проводящим жизнь суровую, претрудную, многотерпеливую, из безвера – истинно верующим, из рассеянного – в сосредоточенного в себе и в Боге и т.д. А Иисус Христос именно и делает такие чудеса возрождения в тех, кто искренно верует в Него…»

Он один только может выводить из тьмы на свет Свой. И на свете Его у души той вырастут крылья. Она радостно забьет ими, купаясь на тихой, чистой воде веселия (…"и сердце мое исполняется веселия и радости», икос 6, Ангелу Хранителю). И брызгами полетят они к небесам, и упадут на землю сладостными слезами… Господь – наша вечная радость. Он оживляет духовных мертвецов. Благодать Свою Он называет живой водой, текущей в жизнь вечную – в противоположность мертвой воде, которой отравляются люди виновником смерти и зла – диаволом…

Однажды отец Иоанн с великим дерзновением взывал к Богу: «Зачем Ты допустил торжествовать врагам Царя и России, поднявшим ныне свою бровь? Зачем попустил Ты этим злым коршунам напасть на нашего незлобивого Голубя и растерзать его так страшно? (Убийство Александра II). Но прости, о Боже, Боже наш, что мы дерзаем, таким образом, как бы состязаться с Тобою и требовать как бы отчета в премудрых, благостных и неиспытанных судьбах Твоих. Подавляющая сердца наши скорбь побуждает так вопить и вопрошать…»

Приводя ссылку на кн. Исход, гл. 32, ст. 26–28, отец Иоанн резко осуждает революционеров ветхозаветных, уничтоженных в числе около 3000 человек в один день: «Таково было грозное распоряжение Самодержавного Вождя Моисея, действовавшего по внушению Божию. Вот как святые подавляли в народе революцию и тем спасли

народ свой от нравственного гнилого разложения, и это было угодно Богу. После 40 дней все пришло в обычный порядок. Что это, как не поучительный пример в истории человечества для нашего нечестивого времени и разнузданной «русской» революции. Многие развращенные люди нашего русского общества подражают развращенному еврейскому народу… Конец мира близок. Бог отнимет благочестивого Царя и пошлет бич – жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами…»

И стало Русское Царство не Господне Царство, а широкое и раздольное царство сатаны… Россия опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония…» (Обличит. проп. о. Иоанна Кроншт. Изд. 1914 г.).

Это грозное пророчество отца Иоанна уже сбывается. Господь наказывает русских страшной бездной падения. Бедное отечество! Обратись к вере отцов своих. Восстань силою Божией и держись за Церковь и Главу Ее – Христа Бога. Только в Нем спасение наше и избавление от нечестивых и злых рабов диавола, плениших Русь.

Вернемся к отцам

«Кто лучше постигал не умом, а сердцем благость Божию, как не святые подвижники?» – вопрошает епископ Феофан. Станьте, наконец, внимательны к ним. Перечитывайте их. Есть такие места, что весь день можно их держать в памяти, не зная сытости от сладости и силы их. «Много не надо читать… Прочитавши что-нибудь, жуйте то, пока дойдет до сердца. И довольно. Вот вам признак полезного чтения! Когда какое место так займет, что все мысли и внимание сосредоточатся в нем, это хорошо. Всякое другое чтение есть праздное» (еп. Феофан).

Сухие, бездушные, ограниченные рационалисты видят в прошлом только отжившее, умирающее и призывают к новым началам… Святоотеческие писания священны. Их духовная истина и красота – свет, отображенный из благодатного первоисточника Божественного Откровения. Божественное откровение выражено видимо, как писание, Церковью, в Церкви и для Церкви. Тою же Церковью, возгреваемою Святым Духом, держащей ключи разумения духовного,

дано и истолкование в Священном Предании. Воспринимаем мы его в благодатных дарах, живущих в Церкви: в молитве, в богослужении, в таинствах, в вероучении и в жизневоплощении церковного сознания. Надо всмотреться пристально в этот мир величавой духовной красоты и глубины мысли. Надо жить и мыслить в духе христианской церковности. Надо понять, насколько целостная жизнь, созидаемая в духе христианском по образцам праведников и святых Божиих и по завету церковному, ценнее знания. Самодовлеющею, верховной целью, самоцелью, знание быть не может. Вера Церкви, зиждущаяся на Священном Предании, – не меньшее доказательство, чем временем изъеденные хартии и свитки, чем обломки черепиц и мраморных плит, испещренных полустертыми надписями! Святоотеческие творения нам, православным, – родные по духу веры нашей. Необходим возврат к ним. Горько сознавать, но наши эмигрантские библиотеки обычно переполнены разной печатной рухлядью. Счастье наше, что Троицкий монастырь ныне печатает свв. Отцов – великих наставников. Они должны находиться всегда под рукою, для частого духовно-воспитательного пользования ими. Наши предки считали необходимым дышать святоотеческой атмосферой. Даже в рукописях тысячами расходились творения святых Отцов по необъятной Руси. Как ни дорога по цене была эта духовная литература – любители не жалели денег. Теперь имеются все возможности к приобретению по доступным ценам. Однако, очерствелые души лишают себя этой радости и силы благодатной. Пора понять, насколько огромно просветительное и воспитательное значение Отцов Церкви, святых, подвижников.

Из творений святых Отцов дышит самоотвержение и благоухание Святого Духа, прогоняющие страсти. «Не сочти же для себя, – пишет епископ Игнатий (Брянчанинов), – достаточным чтение одного Евангелия, без учения святых Отцов. Это – мысль гордая, опасная. Лучше пусть приведут тебя к Евангелию святые Отцы, как возлюбленное свое дитя, получившее предварительное воспитание и образование посредством их писаний. Все, отвергшие безумно, кичливо святых Отцов, приступившие непосредственно, со слепою дерзостью, с нечистым умом и сердцем к Евангелию, впали в гибельное заблуждение. Их отвергло Евангелие: оно допускает к себе одних смиренных. Чтение писаний Отеческих – родитель и царь всех

добродетелей. И чтением Отеческих писаний научаемся спасению и совершенству. Усвой себе мысли и дух святых Отцов чтением их писаний. Святые Отцы достигли цели: спасения. И ты достигнешь этой цели по естественному ходу вещей. Как единомысленный и единодушный святым Отцам, ты спасешься… Святые Отцы изложили свои мысли, свое сердце, образ своих действий в своих писаниях. Значит: какое верное руководство к Небу, засвидетельствованное самим Небом, – писания Отцов!.. Чтение их должно быть тщательное, внимательное и постоянное» (том 1-ый).

Невидимый враг наш не терпит и бежит, когда слышит глас, исходящий от святых Отцов… Не удивительно ли? – Кто умом и сердцем живет в Боге, наставляемый святыми Отцами, тот выполняет задачу жизни… «И да не смущается, что не делает явно каких-либо дел, особенно важных. Это одно совмещает все дела» (епископ Феофан). Необходимо упражнение всегда сердцем и устами в святоотеческом чтении. Бог не оставит и вознаградит этот труд. Озарит светом богоразумия душу и дух очистит чрез это чтение. Подаст стремление к возвышеннейшим предметам, оторвав от низменных и временных вещей. Итак, поспешим к святым Отцам. Подлинно, писания их погружают в непостижимое удивление и наполняют душу Божественным веселием. Скорей – к Отцам!

Радость и красота

Мы не можем быть равнодушными к красоте Божия мира; не можем не любоваться красотой души милого нам человека. Радость и красота будут нашим вечным уделом. В искусстве мы в восторге от всего, что выражает Божественное, светлое, духовное, небесное. Во всем нам хочется видеть блистающую ризу Господню, любоваться отражением Его Божественных свойств. Душа тянется к сродному: в ней ведь заложен образ Божий. Она стремится к этому образу чрез красоту и радость, в чем бы они ни проявлялись. Радость – спутница наша. Некогда мы «воскреснем к радости неизглаголанной, для которой одной и рождаются, и умирают люди» (св. Симеон Нов. Богослов, т. I, стр. 15). Человек смертный сознательно носит в себе, как свет, Бога, создавшего всяческая и самого сего человека, который носит Его – носит внутри себя как сокровище невыразимое, неизглаголанное, бескачественное, безвидное, безвещественное,

оформленное лишь красотой неизреченного, предивного и всепростого, как свет – такой, который выше всякого света!» (Там же, т. II, стр. 364). «Мною овладела гнетущая печаль, и сердце мое одержимо несносною тугою. Но таинственно воссиявший мне свет лица Твоего прогнал помыслы, изгладил тугу и низвел радость в смиренную мою душу. Итак, я и хотел бы, Христе, печалиться, но печаль не пристает ко мне. Печалюсь же я скорее о том, чтобы за эту радость не погибнуть и не лишиться мне, несчастному, будущей радости. Но не лиши меня ее, Владыко, никогда ни ныне, ни в будущем веке, Царю мой! Ибо созерцание лица Твоего есть радость: не Ты ли, Боже мой, являешься всяким и единственным благом? Но, доставляя видящим Тебя всякое благо, Ты исполняешь им по причастию и общению, тех, на которых взираешь, не тех, которые говорят об этом – увы! – как только о будущем, но тех, которые и ныне, находясь в теле, являются достойными Тебя, то есть очистившись чрез покаяние. Ты и Сам видишь их и им даешь ясно видеть Тебя, отнюдь не в привидении или воображении ума, и не одной только памятью, как думают некоторые, но самою истиною Божественного и страшного дела, во исполнение поистине Божественного домостроительства. Ибо Ты творишь тогда единение расстоящего, будучи Богом спасения для всех грешников» (Там же, т. III, стр. 36). «Послушайте, ведь потому Он и Спасителем называется, что доставляет спасение всем, с которыми соединился. Спасение же есть избавление от всех зол и вечное обретение в Нем всех благ, дарующее вместо смерти жизнь, вместо тьмы свет, вместо рабства страстям и постыднейшим деяниям совершенную свободу – всем соединившимся со Христом-Спасителем всех, которые приобретают тогда всякую радость неотъемлемую, всякое веселие и всякое радование» (Там же, т. III, стр. 77). Античный мир видел красоту, но исключительно красоту тела и материальных вещей. Христианство принесло переоценку ценностей. Оно указало на нетленную красоту духа и жизни. Слабая, нежная полевая лилия для Христианства ценнее мертвой красоты порфировых и виссонных одежд. Жертва вдовицы, равняющаяся двум лептам, будучи лишена внешнего эффекта, прекрасна по освещению ее движениями великого благородного сердца. Евангелие осветило целый новый мир прекрасного. Вот святая радость молитвенного обращения к Отцу

Небесному, красота нравственного подвига, детской непосредственности, голубиного целомудрия, глубокого сокрушения о грехах, нравственного возрождения и т.п. … Открыв красоту Неба и красоту духа, Евангелие дало новые возвышенные темы для художников христианского мира. Художественные памятники золотого периода Византийской истории хранят печать праздничной радости, восторженного экстаза, пережитых в момент торжества света над мраком, Христианства над язычеством. Склонный к глубокому лиризму, даровитый русский народ скоро начал отражать в произведениях искусства национальные особенности миропонимания и субъективных настроений. В архитектуре Византийских храмов просвечивает Византийский идеализм с его целостным устремлением к Небу, с полным обесценением земных условий бытия. В противоположность византийцу, русский человек не мог жить исключительно созерцанием идеальной стороны мира, притупив внимание к земным впечатлениям. В религии он искал силу, которая ему помогает нести тяжелый крест. Она ему необходима для его земной жизни. Он не брезгает земными заботами и не отрекается от земной страды. Такая психология определила архитектуру русских храмов, которые плотно примкнули к земле. Древнерусский храм своим скромным видом отвечал более индивидуальным свойствам души русского человека. Религиозные идеалы доступнее сердцу народа в национально-художественной передаче. В архитектуре древних храмов, в иконописи русский человек выражал нравственную красоту. К несчастью, последние два с половиной века в истории русского религиозного искусства характеризуются рабской зависимостью его от западно-европейского искусства. А сейчас, при сатанократии, оно обречено на уничтожение. Враги Бога не допустят какое-либо религиозное творчество.

Пошли нам, Господи, русским людям, остатку от древних, всю красоту и духовность нашего исконного, родного миросозерцания и всю радость, влекущую к идеалам православного Богосознания. «Твоя от Твоих – Тебе приносяще», – взываем мы в восторге духа, Богу Творцу – Вечной Красоте, нерукотворной, неподражаемой, неизъяснимой, но животворящей, как веяние Духа Божия. Да «возлюблю Тя, Господи, Крепосте моя, – Господь утверждение мое и

прибежище мое». Красота Твоя, Господи! изумляет ум, поражает сердце, влечет к Себе мою душу и, вознося ее к любви, тесно связывает и соединяет с Собою. Ты – единственный источник мира! И чуждые этого Твоего мира – чужды радости, чужды и пленительной нетленной красоты.

О митрополите Филарете (Дроздове)

Знаменитый Иерарх и замечательный проповедник XIX века богат был богословскими познаниями и облагодетельствован внутренней силой.

Хотелось бы, чтобы больше и ближе узнали вокруг нас о поистине великом Филарете, митрополите Московском. На все хватало его, начиная от глубин богословия и кончая знанием прикладных наук. Писал он манифесты и давал указания, как устроить печи!.. И во всем был велик. У нас нередко представляют Филарета сухим, казенным администратором, типичным для той эпохи, де еще не терпящим вблизи себя людей сильных и талантливых… На всех нас лежит обязанность раскрыть величие и красоту мудрого Филарета. Уже утешаюсь от одной мысли: быть вниманием вблизи такого иерарха. По слову его: «Дар распространять в других высшую жизнь – высший: благо тому, кто употребляется благодатию в орудие сего. Ангел ли Господень, по воле Господней, образует слово в сердце, или иное сокровенное действие благодати Божией, пусть останется это в Его всеведении. Но можем быть уверены, что послано слово благое. Воспользуемся им внимательно… Чем совершеннее человек предается Господу, тем обильнее Господь дарует ему Свое общение. Я ничто; но Ты, Господи, призываешь меня служить Тебе: «Влеци мя вслед Тебе»; твори из моего ничтожества, или хуже нежели ничтожества, что Тебе благоугодно. Если есть надежда сколько-нибудь послужить облегчению души связанной, и случай к тому не произвольно нами изыскан, а подан провидением Божиим, не надобно отталкивать такой случай… Поистине, благо человеку, когда Господь Иисус Христос есть его сердце и его жизнь, – и не только ему благо, но – чрез него – и приближающимся к нему. Ибо какая сила в средоточии, такая распространяется и в окружность, и действует в ней. И обратно: лишающий себя добра, своим нерадением лишает чего-либо и других…» «Пыль земных сует и пристрастий засыпает око

ума, и не отвращая очей от суеты, мы сами себе заграждаем созерцание истины. Да восстанем! Да перестанем умножать грехами страдания Господа; не оставим готового для нас в Нем оправдания…» «Душа, утвержденная в Боге, не должна колебаться, что бы ни происходило вне ее, и наипаче в особенном служебном предстоянии Господу… Долг служащего зреть ко Господу, а не окрест себя…»

Так замечательна, правильна и сильна была речь его.

«Слушая ее, как бы внимаешь чтению ученой книги, наполненной богатым запасом сведений глубоких,» – по замечанию Ф. Голубинского. И еще: к нему приложимы черты, которыми характеризуется облагодатствованный человек: дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия и дух страха Божия (1Кор.12). «Его служение было не внешнее, но строительство душ… непрерывное попечение о спасении паствы, хождение пред Богом в духе молитвы, углубление в разум Слова Христова (…), чтобы собственным опытом познать Его Божественную силу» (прот. А. Горский).

Общение его со Словом Божиим было полным и благодатным. Такое углубление доходит до состояния внутреннего молчания, безмолвия и созерцания. Это – дар непосредственного Богообщения и Богопознания. Но не всегда можно, богословствуя, пользоваться «светом созерцания»: скорби и помыслы прерывают его… Отношению к скорбям, болезням и страданиям митрополит Филарет так учит: «Они уже воспринимаются не как наказание, а как сладостная жизнь во Христе. Одна мысль о Иисусе Христе как возлюбленном Спасителе делает эти страдания любезными, сладостными, блаженными. Они – сораспятие Христу, добровольное крестоношение из-за любви к Нему, своему Спасителю и Благодетелю…» «Грешник не способен воспринимать райское блаженство, как слепой красоту природы и глухой – музыку». От нас требуется свободный подвиг сораспятия Христу и получения благодати Божией.

«Земная жизнь дана человеку для того, чтобы рукою свободной воли и силой Божией благодати выработать вечное блаженство». И это через «молитву как путь Божий, который ведет сперва к Царствию Божию, которое внутрь нас, потом к Царствию Божию, которое на Небесах. Не молящийся не принадлежит к Царствию Божию».

Поэтому «молитва есть первая вещь под Небом». Молитва и Богомыслие, слезы умиления полагаются в числе средств к «небесному рождению… Ею душа отверзает себя везде присутствующему Духу Божию и приемлет от Него жизнь и силу духовную».

Блистал и горел он, как мощный светильник Церкви Христовой. Знал и верил, что ум у человека ограничен; сам собою не дает света, но вечный, чистый и святой свет он может получить только от Бога, от Того, Кто «есть свет и тьмы в Нем нет ни единыя».

Архиепископ Филарет (Гумилевский) писал о Московском Филарете: «Слова его весьма благотворны… Таких слов, какие он говорит, от другого нельзя услышать». Он жил, богословствуя, действовал как богослов, возводя все к истинам веры. Из его бриллиантовых камушков (слова и речи) можно строить «Сионскую крепость» православного Богословия. Они живые и всегда яркие по характеру изложения и форме… У Вечного всегда все готово. Для Всемогущего всегда все возможно… Ветхозаветный период – время подготовления Той, Которая могла бы принять в Себя, для воплощения, Сына Божия – Спасителя. «В это долгое время благословение, которым Бог Отец благословил нас в небесных о Христе прежде сложения мира, как молниеносный облак, носилось над землею, между тем, как тайное действие Провидения изыскивало в роде человеческом и уготовляло Благословенную в женах, Которая могла бы Своею чистотою Божественную молнию привлечь, принять, вместить, удержать, не быв опалена огнем Божества, и, таким образом, чрез Себя существенно усвоить всему человечеству благословение Христово…»

«По малой мере человеческой несколько тысяч лет ожидало сие дело согласия Девы, дабы могло совершиться… и Источник Божественный вновь открывается во глубине человеческой природы и внутренно изливает в нее благодатный свет и силу…»

Такова истина. Она сродни нашему духу. «Уничтожьте истину – в уме останется пустота, голод, жажда, томление, мука, если только он не в омертвении или в обмороке от крайнего невежества. Если вздумаете питать его образами воображения, имеющими преходящий блеск, но не заключающими в себе твердой истины – ему вскоре наскучит черпать воду бездонным сосудом; и жажда его останется

неутолимою, и мука неисцельною…» «Никому не позволено в Христианстве быть вовсе не ученым и оставаться невеждою. Сам Господь не нарек ли себя Учителем и Своих последователей учениками? Если ты не хочешь учить и вразумлять себя в Христианстве, то ты не ученик и не последователь Христа; не для тебя посланы апостолы; ты не то, чем были все христиане с самого начала Христианства; я не знаю, что ты такое и что с тобою будет…»

Это все только частицы от мудрости его…

Благо нам, когда Господь Иисус Христос будет нашим сердцем и нашей жизнью. Чем глубже в нас Христово смирение, тем лучше видится Небо. Мудрый Святитель имел полноту жизни духа, которой и поражает нас при чтении его произведений. Для него было все ясно и объяснимо. Он нам указывает и источники этой силы: Слово Божие и Церковь. Припадем к этим источникам и пустыня нашего духа расцветет, и оживится в нем умирающее и унылое; исчезнут колебания и сомнения. Уверенно почувствуем прилив сил несказанных, превыше самой сильной и одаренной мысли, но не зажженной еще Словом Божиим, а потому мертвой и бесплодной. Сейчас, в неспокойную эпоху, нам особенно дорога память о митрополите Филарете, с его неумирающими заветами. Он – слава и честь Православия. Он наш молитвенник и заступник у Престола Божия… Прими, Святый Господи, ходатайство его о нас всех, рассеянных по всему свету.

О литургии

«Без молитвы утерян ключ к золотым буквам Писания» святитель Иоанн Златоуст.

Смысл жизни не в наслаждении благами жизни, а в святости. А главным источником ее является Литургия и, особенно, принятие Тела и Крови Христовых.

«В Литургии вся наша сила. Я умираю, когда не служу Литургию,» – признавался отец Иоанн Кронштадтский. «Ищи Литургии – этой Единой Жертвы. Иначе тебе нет ни откуда спасения». «Сам по себе спастись не думай!.. Тот и не христианин, кто, имея возможность молиться за Литургией, не желает участвовать в ней своей молитвой. И мысль, чтобы в праздник остаться без церковной молитвы, когда

есть возможность иметь таковую – мысль эта от диавола…»

Причастишься святых Христовых Таин – и станет легко, светло, отрадно на душе и духом обновишься. Душа очищается, ум просвещается, освящается тело. «Ничто так не помогает усмирению страстей и отгнанию бесов, как возможно частое, от чистого сердца и усердия, приобщение святых и животворящих Таин Христовых» (препп. Каллист и Игнатий). Евхаристия есть чудо из чудес, больше, чем сотворение мира; а потому уму здесь должно лишь смириться и принимать все верою. А отвергать тайну есть неразумие, даже безумие. Чудо – выше естественных законов, выше ума.

Святой праведный отец Иоанн Литургию называл «раем», «небом на земле». Подлинно, она – центр нашей жизни; и ничего нет на свете дороже ее. По данным авторитетных знатоков Богослужения, во всей нашей литературе нет лучшего толкования духа и смысла Литургии, как это дано в творениях отца Иоанна. А в иностранной литературе и вообще ничего нет подобного. Через отца Иоанна, как молния в густой греховной мгле, сверкает Божественная литургия. На нее преимущественно обращает он наше внимание: «И на престоле является Бог во плоти. Никого нет к нам ближе и роднее, как Господь Бог… Через Богослужение мы присвояемся Ему». И на проскомидии «вынуть частичку – дороже и архиерейской молитвы». «Чрез Агнца Божия мы соединяемся с поминаемыми существеннее, чем чрез наши моления о них». «Литургия сокращение всего Евангелия. Она есть солнце – в полном сиянии. Она величайшее чудо… Непрестанное заколение Божия Агнца и излияние Его Крови пречистой. Литургия – таинство любви Божественной, обожения обесчещенного, уничтоженного, погибавшего в грехах человека. Это небесное служение… блаженство, мир и отрада для души! Оно питает ум, веселит сердце, вызывает слезы умиления, благоговения, благодарности, самопожертвования в подвигах любви; веселит надеждами воскресения и бессмертия. В Литургии наша сила против сильных врагов, победа над ними; свет души, очищение душ; святыня, слава наша, надежда наша, утверждение наше». – «Огонь и свет буди мне, Спасе, приятие Пречистых Твоих Таин и просвещая всего ко истинному богословию» (седален, 8 гл.). Вот, как учит Церковь. А учение Церкви все Богодухновенно. Каждое слово молитв церковных

– это дар небесный, дар Божией благодати, изливающейся на души. Весь Христос пред нами, живый и всем жизнь дающий.

Хотели бы затормозить прославление отца Иоанна, поющего гимны и восторгающегося Литургией, современные нам законники, обвиняя нас в поспешности прославления его. Но ведь ясно, как Божий день, прославление его несет силу, льет в души надежду на спасение наше и отчизны нашей! Народ простой давно уже прославил его. Во многих селениях и городах, где мне приходилось бывать, я видел его изображения рядом с иконами. Сердцем чувствовали они угодника Божия и ставили его на подобающее место. Но гордый разум и Тайну Божию хочет исследовать. А если не может ее исследовать, то отвергает, как не подходящую под ничтожную мерку его.

Преподобный Симеон Новый Богослов прославил своего духовного отца Симеона Благоговейника. Написал в честь него похвальные слова, песни и каноны и светло праздновал ежегодно память его, написав и икону его. Некто Стефан, митрополит Никомидийский, очень образованный научно и сильный в слове, слыша, как всюду хвалили мудрость и святость преподобного Симеона, подвигся завистью против него. Со всею злобою Стефан восстал против преподобного Симеона и осудил писания его и почитание им старца Симеона Благоговейника… Около двух лет шла война между правдою преподобного и ложью Стефана. Победил все же преподобный Симеон Новый Богослов, ответив врагам: «Сам я не могу не чтить моего Старца, следуя заповеди апостола и святых Отцов; но других никого не склоняю на то. Это дело моей совести, а другие, как им угодно, так пусть и действуют». Истина восторжествовала, и сам завистник смирился под конец. Вот, как являет себя иногда сила святости! А тут свободная Церковь Русская ее засвидетельствовала пред лицом всего мира, находя благодарный отзыв в сердцах плененного Русского народа!…

Отец Иоанн – певец Литургии, входит законно в среду святых. Ходатаем пред Богом он был и есть. Хотя и с опозданием, но все же мы повернулись к нему всем своим существом. Знаем, что его молитвы доходчивы до Бога. Были и при жизни. Потом пели мы панихиды о нем. Не счастье ли, что можем теперь служить молебен? «Мы должны всегда дерзать и не бояться, не унывать, не

малодушествовать, не робеть, не стыдиться других, а весело и бодро смотреть на всех. Слава Тебе, Господи, сила всеочистительная, всеискупительная, сила вседобрая и всеободряющая, сила вседержавная, всепобеждающая, всепросвещающая,» – и, добавим, прославляющая своих Угодников благоговейных, каким и стал праведный отец Иоанн Сергиев.

«Вера Христова Православная! Сколько в тебе открыто благ неизреченных! Как ты обновляешь, очищаешь, освящаешь веру, надежду чрез покаяние, молитву и особенно чрез Животворящую Тайну Причащения!.. Какая Божественная жизнь! Какие чудные действия Духа Животворящего!.. Какая чудная та соль земли для нас, земных человеков, гнилостью греха зараженных до костей и мозгов!..»

Простота веры мудрее высокоумия. Попытки ума понимать «не просто, не верою» – безумны, ложны…

Святые мертвы для мира. И мир мертв для них.

Всезнайство и обожение

В глубокой древности один ученик с восторгом рассказывал своему учителю об одном ученом. «Чем же он знаменит и что он делает?» – спросил учитель. «Он все время читает, днем и ночью». – «Ты говоришь, что ученый все время читает, но… когда же он думает?» Смутился ученик, не знал, что ответить.

То же самое можно сказать и о современном ученом. Много накопилось знаний в веках, и современному ученому надо много знать. Наука послушалась лукавого совета искусителя: будете, как боги, знающе все. Всезнание – вот цель науки. Нужно ли оно, полезно ли или вредно, об этом нет вопроса – только бы знать! Посмотрите на громадные библиотеки! Это египетские пирамиды материализованной мысли. Если бы человеки могли все это собрать в свое сознание, не стали бы они как боги? Но человеческое сознание имеет границы. Возникает все большая дробность в познаниях. Хранитель музея, ученый, с увлечением говорил посетителям о сокровищах своего предмета. А когда его спросили о соседнем шкапе, сухим голосом ответил: «Не знаю, это шкап не мой». Будет время, когда Вы придете к доктору полечить нос, а он вам скажет:

«Простите, я Вас лечить не могу; у Вас болит левая ноздря, а я специалист по болезням лишь правой ноздри».

Знание ширится, а человек становится все уже и уже… О, если бы понял вкусивший плод с древа познания, что он наг…

«Верою ходим, а не видением,» – сказал апостол Павел (2Кор.5:7). Не видим Господа телесными очами; тело отдаляет нас от Господа, но тем не менее Он есть, и близ есть, хотя мы и не видим Его. Придет время, увидим – и с Ним будем.

Рассудочные формы познания – воздвигнутое на поверхности знание, под которым лежит мистический фундамент. Мистические корни нашего духа могут сказать научным ветвям то же, что сказано в басне: «Помните ту разницу меж нас, что с новою весною лист новый народится, а если корень иссушится, не будет дерева, ни вас!..» Какая нелепость слышится в таких речах, как: «Покажите нам Бога в телескоп, душу в микроскоп, дайте нам догматические формулы положить в реторту и погреть на легком огне…» «Подайте чудо под эксперимент,» – кричат бездушные рационалисты, неспособные все равно поверить. Но ни мысль, ни история эксперименту не поддаются. «Если Христа, апостолов под эксперимент, то и Александра Македонского, всех: Карлов и Фридрихов тоже под эксперимент, в реторту их!..» Но это все обращение в ничто – нигилизм. Рассудочно: «Бога не видел никто никогда». Рассудочно: «Бога человеком невозможно видети». Для этого есть иные методы, иные пути. «Чистые сердцем узрят Бога,» – вот сладостная истина, неизменная и точная. Духовное постигается не рассудочными помыслами, а подается по благодати. Необходимо очиститься для этого покаянием. «Многие, не понимая Божественных вещей, философствуют о них и, будучи исполнены грехов, богословствуют о Боге и о всем Его касающемся без благодати Святого Духа, дающего смысл и разум. Трепещет, ужасается и некоторым образом из себя выходит дух мой, помышляя, что, тогда как Божество для всех непостижимо, мы, не знающие ни самих себя, ни того, что пред очами нашими, с дерзостию и бесстрашием Божиим приступаем философствовать о том, что непостижимо для нас, особенно, будучи пусты от благодати Святого Духа, просвещающего и научающего всему… Нам надо прежде перейти от смерти в жизнь, принять в себя

свыше семя Бога живого, родиться от Него духовно, стать чадами Его, воспринять в души свои благодать Святого Духа, – и тогда уже, под действием просвещения от Святого Духа приступить беседовать о том, что касается Бога, сколько то доступно для нас и сколько просвещаемы будем от Самого Бога» (св. Симеон Новый Богослов. Сл. 61-е).

Трагедия богословствования – та же трагедия рассудочности. Подлинное богословствование всегда цельно. В нем светится душа христианская, достигшая совершенства в той или иной степени. Адам богом захотел быть… но познал, что он наг, от пленившего его самоволия и самоутверждения…

И как трудно нам сейчас после всяких обольщений, как бы насильно привести себя к идеалу обожения и утверждаться на нем. Обожение – истинный, религиозный идеал. Его чрез ряд веков пронесла Православная Церковь, вместе со светоносной истиной Божества своего Основателя, воплотившегося ради нас Единородного Сына Божия. Мы имеем повеление и получили возможность уподобляться в духовном развитии Самому Богу.

Церковь, насколько она осталась Церковью, во всей своей истинности, не принизила красоту своего религиозного идеала. До сих пор поют наши дьячки в церковных песнопениях о том же идеале обожения, о котором писал во II веке св. Ириней Лионский, за который в IV веке страдал св. Афанасий Великий, о котором пел в VIII веке величайший поэт св. Иоанн Дамаскин. Этим идеалом и должна определяться наша жизнь. В едином и нераздельном организме Церкви продолжают обитать все Божественные силы, которые и ведут к жизни и совершенству («Церковь – образ Бога,» – по выражению преп. Максима Исповедника, – «она, подобно Богу, объединяет верующих».). Отпадение от Церкви влечет прекращение духовной жизни, прекращения развития, роста нравственной личности и ведет к духовной смерти. Только в Церкви возможно счастье и блаженство как следствие внутреннего совершенства. Христианское упование есть упование радостное и светлое. И богословствование имеет цену и значение, когда оно служит развитию и охранению церковной жизни. Только в Церкви возможна новая, благодатная жизнь, ради которой Божий Сын приходил на

грешную землю. Только в Церкви возможен истинный прогресс нашего духа. Прогресс, которым кичится наш гордый век, никакой цены в очах Христианства не имеет. Какая польза от него для вечности? Для спасения души? Кто ближе к Богу и Царству Небесному: гордый ли завоеватель воздуха и планет, несущийся с головокружительной быстротой, или смиренная убогая старушка, едва бредущая в храм к иконе чудотворной?.. В этой старице теплится жизнь, которой стоит Земля!

Прогресс церковный несет с собою блаженство. А несет ли с собою счастье прогресс человечества, оторванный от Бога и от Церкви? Воистину – нет. Он несет разрушение… А раз так, то нет в мире для нас другого пути, как путь обожения. Верные Богу души, ищущие обожения, в своем самоотдании Христу действительно и находят его в ни с чем несравнимом сокровище – в самой сердечной и преданнейшей любви ко Господу.

Преподобный Максим

В крепости Схимарис, на Кавказе, в 7 столетии, на 78 году, закончил свою жизнь один из величайших святых – преподобномученик Максим Исповедник. Допускается мысль, что после Оригена, он был самым выдающимся философом. Превосходно образованный, он служил секретарем при императоре, а в то же время стоял на страже веры Православной. Но вот слепые фанатики Ираклий и Константин II, имея неограниченную власть, возжелали насадить на земле ересь монофелитскую при помощи огня, меча и насилия. Против них выступил смелый и мужественный Максим. Он с твердостью заявил: «Не дело правителей, но дело священников исследовать и определять спасительные догматы Православной Церкви». Один из властителей впал в такой гнев и бешенство, что приказал вырвать язык, отрубить правую руку у несчастного Максима и сослать его… Монофелитская ересь была смягчена видоизменением ереси монофизитов, которые стремились упразднить самую сущность Христианства как религии Богочеловеческой. О тварной природе Христа Максим говорил изумительные и потрясающие вещи, читая которые, человек может прямо переродиться, стать обновленным, крепким и бодрым. Если же кто под ударами судьбы впал в уныние, тотчас поднимается он и загорается огнем ревности…

Боговоплощение у Максима стоит в центре, в сердцевине бытия этого мира. Боговоплощение – смысл всего творения. Оно было задумано в изначальном «миротворческом плане», – Бог-Любовь есть Бог Откровения. Бог создал мир и человека, чтобы в него воплотиться. Смысл творения в том, чтобы создать существо, которому можно было бы открыться (1Кор.15:28)…

Свобода, по Максиму, есть безраздельное, непоколебимое, целостное устремление и влечение души к Богу. Выбор совсем не есть обязательное условие свободы. Колеблется и выбирает только лишь немощная и грешная воля. Высшая мера свободы, высшая действительность свободы выражается в словах: «Да будет воля Твоя». В исполнении воли Божией состоит вожделенное устремление всей твари. Но блаженство и радость всеобщего обожения и спасения возможны только через свободное согласование воли человеческой и воли Божией… По учению Максима, цель диавольского искушения – подчинить людей своей власти, присвоить себе поклонение и естественное влечение их к Богу. Грех первого человека заключался не в обожении диавола, а в стремлении человека найти опору бытия помимо Бога в чувственном мире, в склонении человека к чувственной жизни, что последовательно повело к обоготворению видимой твари и плоти.

Максима мы чтим и как писателя, и как аскета. Его книги были любимым чтением и мирян, и монахов. В них он сжигает своим огненным словом наглоязычие еретиков. Его философия является одним из могучих средств Богопознания. Еще вернее к той же цели ведет изучение св. Писания, где под покровом букв и слов присутствует Сам Логос как последний Предмет и Цель Откровения. Праведной жизнью человек должен всю землю превратить в рай, иначе – всегда иметь в самом себе рай, независимо от различия мест. Объединив в себе всю тварную природу, человек предает себя и объединенную природу Богу, чтобы Бог дал ему Себя Самого и чтобы он сделался всем, что есть Бог, кроме тождества по существу. В этом обожении последняя цель человека. Бог вложил в него влечение к познанию Бога. Это – отражение Бога в человеке, чтобы человек, познавая Логос, а в Нем Отца, нашел для себя в этом блаженство. Вместе с таинственным вселением Господа в человека, вся жизнь Его

таинственно повторяется в жизни каждого, идущего по пути спасения. Для достижения всех благ спасения Господь, восшедши на Небеса, даровал нам (в Духе Святом) Свою Божественную силу. Человек настолько обожается, настолько Господь уничижил Себя в воплощении и продолжает уничижать в непрерывном воплощении в душах верующих. Литургия есть отражение высших моментов обожения. Она и ее центр, Евхаристия, есть предначатие будущей блаженной жизни в прославлении, созерцании и вкушении Бога…

Среди Лиц Святой Троицы по деятельности в отношении к тварному миру в особенности выделяется Логос. Собственно Он Один является в Ней действующим началом: Отец благоволит, Сын действует, Дух усовершает (содействует). Логосу в отношении к миру принадлежит центральное значение. Он – Творец мира; Он и Промыслитель. В частности, Он же является действующим началом и в Богопознании: мы познаем прежде всего Логос и лишь в Нем существенно Сущих в Нем Отца и Духа…

Тайна соединения во Христе человеческой немощи и Божественного величия совершенно недомыслима. Постижима лишь цель ее, именно – наше спасение. Спасение есть соединение с Богом, обожение: спасается все, что соединяется с Богом. С этой точки зрения нужно смотреть и на Лицо Искупителя. Наше обожение и спасение может быть совершено только Богом, Его снисшествием к нам, воплощением и соединением с нами. «Для того Бог стал человеком и Сын Божий – Сыном Человеческим, чтобы нас сделать богами и сынами Божиими…» Господь в жизни Своей показал нам образ добродетели и совершенства. Силой Своего воздержания и терпения Он победил все искушения, вызываемые удовольствием (в пустыне) и страданием (на кресте), а силой любви низложил все разнообразные искушения к гневу (от фарисеев). Так Он совлек с Себя (Кол.2:19) и уничтожил в Своей плоти все козни нечестивых сил и отразил все их искушения.

Вся система преподобного отца Максима основана на решительном предпочтении духа материи, души телу, внутренней стороны внешней. Благоуханием таинственного всецело обвеяно все мировоззрение преподобного Максима.

Не напрасно Церковь, воспевая чудного Максима, так молится: «Всю богодухновенную благодать Духа, божественный Максим, излей мне с

медоточивого и сладкого твоего языка» (Кан., п. 1). «Открой мои уста, Боже Спаситель мой, и дай мне восприять Божественную благодать, чтобы достойно воспеть, Христе, того, кто преимущественно пред всеми проповедал Твои две природы» (Икос). «Огнем палящим против ересей явился ты, блаженный, – ибо как солому ты истребил их ревностью духа» (тр. кан.). «Глубины судов Твоих исследованы Духом, а глубины Духа, Спаситель, в духе и силе исследовал Максим как истый философ, возвещая два Твоих хотения и действия: посему светло ныне чтится он» (втор. экзапост.). «Богословствуя, отец, ты проповедал одну природу Троицы и одну волю и действие одно; а в Воплотившемся Боге исповедуя две природы, две воли и два действия, ты, Максим, всемудрый богоявитель, низвергаешь ересь богоборцев, от коих подвергшись отрезанию руки и языка, ты явился мучеником» (3 экзапост.).

Как выдающийся писатель и руководитель духовной жизни, на протяжении веков был Максим авторитетом для многих Отцов, которые и прославили его так дивно.

Новая жизнь

Без веры, без Христа нам не подойти даже и к порогу новой жизни.

Вера зарождается в сердце, не от слов человеческой мудрости, а от Слова Божия (Рим. 10:17). Вначале воля Божия открылась чрез патриархов и пророков, а потом – через Сына Божия.

Ныне мы должны искать источник истинной веры в словах Господа Иисуса Христа. Сам Христос открыл волю Божию устами Своими. Силою Духа Святого (Ин.14:26) Он вложил ее в мысль и написал в сердцах учеников Своих, которых и послал с проповедью Евангелия (Мк.16:15). Слушающий их слушает Самого Господа (Лк.10:16). Но главной целью пришествия Спасителя на землю было не учительство, а искупление. Одним учением человечество не могло быть спасено. Само по себе учение не дает силы для избавления от греха и коренного изменения жизни. Изменение же было необходимо для людей, в самую природу которых глубоко вкоренился грех. Христос и есть Спаситель людей. Он Своим воплощением внес в природу человеческую начало новой Божественной жизни. Христианство не учение, а новая жизнь. Можно изучить Св. Писание, но не быть

христианином. Эта Божественная жизнь, согласно обетованию Спасителя, содержится в Церкви Его, которая и оживотворяется Духом Святым. Церковь Христова стала существовать ранее Писания. Писание не имеет самодовлеющего значения, а является лишь струей в полноводной реке благодатной жизни церковной. «Нам не следовало бы иметь и нужды в помощи Писаний, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вместо книг служила благодать Духа» (Златоуст).

Необходимость для нас обращаться к руководству Священного Писания свидетельствует о нашем несовершенстве. «Когда сила Духа низойдет в действующую в человеке душевную силу, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце заповеди Духа – и тогда тайно учится (достигший совершенства) у Духа и не имеет нужды в пособии вещества чувственного» (св. Исаак Сирин).

Изречения Златоуста и св. Исаака могут показаться странными только тем, кто не усвоил правильного понятия о том, что сила Церкви – не в учении, а в новой благодатной жизни.

Протестантство, отвергнув авторитет Церкви, сделало из Библии своего рода фетиш. Но вне Церкви есть книги, но нет истинного Слова Божия. Все еретики (да и сам сатана – Мф.4:6) всегда находили для себя основания в Св. Писании, так как отдельные изречения его могут подвергаться многим, даже противоположным, перетолкованиям. Истинный смысл его известен только Церкви, руководимой Духом святым, Который является Источником и Священного Писания, и церковной жизни.

Еретики при толковании Писания хотят заменить руководство Церкви «здравым разумом», но разум остается беспристрастным только в вопросах математических.

Самый состав Священного Писания определяется Церковью. Канон священных книг немыслим вне Церкви. Вся рационалистическая критика Библии о происхождении священных книг неотвратимо приходит к самым противоположным выводам.

Преувеличенное почитание священных книг, внецерковное, приводит к произвольному выбору одного в ущерб или даже в отвержение всего остального… Так из Священного Писания возникают заблуждение и

произвол. Такие истолкователи готовы считать себя умными только потому, что многому не верят и во многом сомневаются. Они готовы считать себя избранниками только потому, что не участвуют в жизни простых церковных людей и смотрят на их жизни критически. Самолюбие, зависть, тщеславие, дурное сердце – вот где торная дорога ко всякой ереси…

Мы – остаток, призванный хранить и являть Святое Православие, вносить в жизнь чистые заветы Евангелия – Царства Божия. Эти сокровища – в нашей Церкви. Горе тому, гнев Божий грозит тому, кто изменяет родному благочестию и бежит к пустосвятам ради корысти. Он в безумии своем пренебрегает наследием сокровища небесного. Он готовит себе печальную и скорбную участь. Забыл он завет св. Иринея: «Не должно у других искать истины, которую легко заимствовать у Святой Церкви» Православной. «Христос пришел обновить растлевшее грехом естество человеческое. Дух Святый, вошедший в мир и действующий в Церкви чрез священнослужителей, Богослужение, проповедь, таинства совершает это обновление непрестанно. Только в Церкви заключается эта обновительная сила; вне Церкви ее нет и быть не может» (св. прав. Иоанн Кронштадтский, Христианская философия, стр. 105). Преп. Нил Сорский свидетельствует о том же, говоря, что «успехи в возрастании внутреннего человека (сиречь обновления) есть плод благодати Святого Духа, живущего в Церкви».

Счастлив тот, кто впитал в себя дух церковный, дух святыни и богомыслия. Сладко ему. Он стремится всем сердцем к Церкви, к этому источнику живой воды, текущей в жизнь вечную. У него тогда возникает радость великая – радость новой жизни – жизни во Христе. Она реальна, как предчувствие вечного блаженства, только в Церкви. И этой радости у него никто не отнимет, поскольку он в Церкви.

«Взыщите Бога»

Наша жизнь, наша культура, которой мы гордимся, в греховном плену чувственности. Она давит и порабощает все великие порывы нашего духа. «Взыщите Бога, и жива будет душа ваша» (Пс.68:33). Вот единственное средство от обнищания и смерти. Ищите Бога, как ищут сокровище, закопанное в землю. Или как женщина ищет

потерянную драхму (Лк.15:8). Не для холодного познания о Нем, а для живого благодатного союза с Ним, чтобы почувствовать и любовь к Нему. Место встречи с Господом там, где Богоприимец встретил Спасителя-Младенца, порог которого можете преступить и вы с сокрушенным вздохом мытаря: «Боже! Милостив буди мне грешному!» (Лк.18:13) В священный час Литургии, в этот благодатно-таинственный час, трепетным духом своим вы почувствуете Бога и воскликните, как Фома некогда: «Господь мой и Богъ мой» (Ин.20:28). Действием благодати преобразится и обновится ваш внутренний человек, окрепнет дух и будет ясен весь путь Христианской жизни. Наши предки в храме черпали великую силу, которая создает цельную, не разделенную сомнениями душу…

У императора Гонория была любимая птица, которую он назвал «Рим». Однажды императора разбудили известием: «Рим погиб». Ему говорили о падении столицы его империи. «Как? Рим погиб? Но я вечером видел его здоровым». – «Рим-город». Император успокоился. Гибель великого города с сотнями тысяч жителей была ему не так больна и чувствительна, как гибель любимой птицы. Не то же ли наблюдаем мы и теперь. Гибнет душа – мы спокойны. Теряет вечное спасение – спокойны. Тускнеет мысль Христова в душе – спокойны. Изменяется облик христианский – мы не тревожимся. Но если мы теряем нечто материальное – мы несчастны и в ужасной тревоге…

К счастью нашему, были и есть избранники Божии, для которых наше внешнее обаяние и польза – ничто. Господин А., занимавший важный пост при Синоде, на прощанье обращается к отцу протоиерею со словами: «Вы, батюшка, так мне понравились, что я желал бы чем-нибудь показать мое расположение и уважение к Вам. Я имею вес в Синоде и могу кое-что сделать для Вас. Скажите, что бы Вы через меня хотели получить?» – «Я имею слишком много, – ответил отец протоиерей, – чтобы Вы могли к этому прибавить что-либо существенное». – «Что же Вы имеете?» – спросил удивленный синодал, полагая, что речь идет о наградах. «Что я имею? – с улыбкой переспросил отец протоиерей, – потрудитесь снять Вашу шляпу». Господин А, недоумевая, снимает шляпу. Отец протоиерей истово благословляет его и говорит: «Вот что имею, и больше этого можете ли Вы дать мне?» Господин А. в восторге обнял и расцеловал отца

протоиерея…

Картина высшей, сознательной жизни пленительна. Там Дух Божий Савла делает Павлом, египетскую блудницу преподобной женой. В Божественной красоте Дух Божий проявляет животворящую силу. А где «мудрование плотское», то оно несет только смерть и вражду на Бога (Рим.8:6-8). «Плоть и кровь Царства Божия наследовать не могут» (1Кор.15:50)…

«И я кричу: идите, научитесь, что не только в будущей жизни, но и теперь, в настоящей, лежит пред очами нашими и пред руками, и пред ногами неизреченное сокровище, которое выше есть всякого начала и власти; идите, уверьтесь и убедитесь, что это сокровище, о коем говорю вам, есть свет мира… Свет всегда был, всегда сиял в тех, которые очистились; и во тьме он светится, и тьма не объемлет его, то есть не затемняет!.. Находящиеся во тьме, не понимают света… Невидимый Сын и Бог-Слово явлен был посредством тела всем тем, которые видели Его телесными очами, верным и неверным; но свет Божества Его дал себя познать и открылся только тем, кои и делами были верны, и говорили к Нему: «Се мы оставихом вся и вслед Тебе идохом» (Мф.19:27), – этим одним словом « вся», объемля и имущество, и деньги, и свои склонности, и презрение сей временной жизни, и даже отвращение к ней потому что вкусили сладости ипостасной и вечной жизни. То же, что слаще, конечно и предпочтительнее, и это есть Сам Бог» (св. Симеон Новый Богослов, т. 2-й, стр. 481)…

Ценность и нравственное величие жизни Господь измеряет степенью участия человека в исполнении Божиих планов. О тех же, кто, подобно предателю Иуде, вносит в жизнь разрушение, разоряет и губит основы ее, а высшие ценности жизни продает за сребреники, Спаситель говорит: «Лучше было бы этому человеку не родиться» (Мф.26:24). Все высшие задачи жизни, к счастью нашему, начертаны на знамени православного вероисповедания: «Взыщите Бога, и жива будет душа ваша»…

Наш христианский долг – идти в жизни не своей дорогой, а тем путем, который проложил Христос Спаситель от Вифлеемских яслей до Голгофы, указав на Себя как на Путь, Истину и Жизнь (Ин.14:6)…

Любовью запечатлена вся история домостроительства нашего спасения. Как милосердный самарянин склонился над впадшим в разбойники, так и Бог склонился над грешной землей. Факт воплощения Сына Божия, снисшедшего с неба на землю, есть беспримерный факт любви Бога, чтобы спасти изъязвленное грехом человечество. Так силой любви распятого Голгофского Страдальца был спасен человеческий мир, «дабы всякий верующий не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин.3:16)…

Божественная Любовь воплотилась в человеческом образе. – «Бог явился во плоти,» и Небо преклонилось к грешной земле. Небо воссияло в Святой Церкви, где предлагается каждому сокровище священных прав и благодатных дарований. В Ней – Искупитель наш, предстательство Богородицы, молитвы святых и ходатайство самой Церкви, в которую и вложил Господь все Свое богатство и самое драгоценнейшее наследство… «Взыщите Бога».

Дар благодати

Только под действием благодати внутренний человек укрепляется и обновляется по вся дни, а внешний человек, то есть плотское, чувственное, напротив, тлеет и отпадает (2Кор.4:16). В чем выражается укрепление силою Духа внутреннего человека? – Вселением Христа в сердце, утверждением Его во внутреннем человеке – приготовлением его в жилище Христу. Христиане приняли Духа и приняли Христа в сердца свои (Евр.1:13). Не мысль, требуемая от нас Христом, проникает нас, а Сам Христос как Живое Лицо вселяется в нас. «О том, каким образом Христос обитает в сердцах, послушай, что говорит Он Сам: «Кто любит меня, слово мое соблюдает; и отец мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим» (Ин.14:23) (Златоуст). Вселение Христа происходит, при благодати Духа Святого, чрез веру. И чем более возрастает и укрепляется наша вера, тем теснее, глубже, жизненнее наша связь с Господом. Христиане силою Духа Святого укрепляются во внутреннем человеке. Это укрепление есть приготовление жилища в нас Христу. При неизменном обитании Христа в сердцах наших, мы будем в любви крепки и сильны в основе, как растение, глубоко вросшее своими корнями в землю, и строение, имеющее твердое основание. Оба эти образа указывают на одно и то же: стойкость,

непоколебимость, утвержденность христианской любви. Познание же христианское опирается на жизнь христианскую. Укрепление внутреннего человека, вселение Христа в наши сердца и пребывание в любви – вот необходимое условие для него. Это не познание абстрактное, дискурсивное, а познание, основанное на внутреннем христианском опыте. Получив силу, станем вполне способными познать христианскую истину. Познание же истины есть овладение истиною, приобретение ее. Христианскую истину необходимо уразуметь в согласии со всеми святыми. Христианское разумение приобретается не «особо, отдельно от других, но оно зреет и совершенным является под условием общения со всеми христианами» (еп. Феофан). Неизмеримым предметом христианского познания служит любовь Христова, явленная на кресте, а, следовательно, и любовь Бога, пославшего Сына Своего для спасения мира (Ин.3:16; Рим.5:6-8).

Любовь Христова превосходит обыкновенный ум, обыкновенное рассудочное, или дискурсивное познание. Но, что скрыто для естественного человеческого познания, то открывается христианину, хотя и не вполне, силою Духа Святого, чрез вселение Христа и чрез истинную жизнь в любви Христовой. Познается внутренно, чрез жизнь в духе, непознаваемое обычным способом. «Хотя любовь Христова и выше всякого человеческого познания, однако вы ее познаете, если будете иметь обитающего в вас Христа» (Златоуст).

Совершенно бесконечно, но последним его пределом, или последнею целью, к осуществлению которой должны стремиться христиане, является полнота дарований Божиих, или благодатных сил Божиих, данных нам во Христе. Высочайшей целью христианской жизни служит обладание всеми благодатными дарами. Во главе добродетелей стоит смиренномудрие – скромное мнение о себе, сознание своей слабости, немощности, нищенство духом, смирение в мыслях и чувствах. Христианское смирение покоится на живейшем сознании того, что все у христианина есть дар благодати. Смиренномудрый сознает свое великое духовное христианское богатство, но в то же время знает, что оно не им приобретено, а даровано ему по благодати Божией, сам же по себе он немощен и слаб. По Златоусту: «Смиренномудрие состоит в том, что кто-нибудь,

будучи великим, смиряет себя; сознавая за собою великое, нисколько собою не тщеславится». Кротость естественно связана с смиренномудрием, ибо кто сознает свою немощность и слабость, тот и к другим будет относиться без гнева, раздражительности и оскорбительности. После смиренномудрия и кротости идет долготерпение. С одной стороны, твердость, стойкость, а с другой – великодушие, терпеливое перенесение обид, отсутствие мстительности. Христианское долготерпение не холодное и бездушное, а полное любви. Если ты не имеешь терпения к ближнему, то как будет терпеть тебя Бог?.. Где есть любовь, там можно все снести. Для того дан Дух, чтобы объединить людей, различающихся между собою по происхождению, по образу жизни и по разным другим признакам. Подобно тому, как в наших телах есть дух наш, действующий во всех членах и все объединяющий, так и нам, чадам Церкви, дан Дух Святой, связующий и делающий нас одним телом, хотя мы всячески различаемся. Это единство выражается во единой общей надежде, вытекающей из самого призвания христиан. Все одушевляется единым упованием вечного пребывания в Царстве Христовом.

Получившие единого Духа и пьющие от одного источника не должны разделяться. Бог вселяется в нас, обитает в нас во Святом Духе, а действует, примиряет и спасает в Сыне. Прославляемый и превозносимый Христос Спаситель дает верующим благодатные дары Духа Святого, по Своей мере, чтобы они не оставались младенцами в вере – юными, неопытными, колеблющимися, а потому способными уклоняться по всяким антихристианским направлениям, где сатанинская ложь пользуется для прельщения неопытных разнообразною хитростью и искусным коварством… Все верующие должны быть проникнуты Христом, Его Духом. К Нему они должны быть постоянно возводимы, Им всегда одушевляемы. Христос – неизменная цель роста и созревания в нас всего доброго. Все к Нему направляется, как и от Него исходит и Им совершенствуется…

Сладко со Христом и горько без Христа. Он наша радость и утешение.

О восприятии познаваемого

Во время ученой поездки по обозрению древнейших руин Палестины

епископ Порфирий (Успенский) в одном селении наткнулся на развалины не то дворца, не то языческого храма. При разглядывании этих развалин, жители этого места сказали ему, что на днях здешний шейх нашел в развалинах какие-то бумаги и сжег их. «Вандал! – воскликнул Епископ, – Варвар! Сей грех не простится ему ни в сей век, ни в будущий. Это грех против науки, против знания. А знание есть отблеск всеведения Божия; следовательно, это грех и против Самого Бога и Его Духа Святого» («Книга бытия моего», 2 ч., 47 стр.).

Всякое знание закрепляется и проявляется в словах. Слова – крылья мысли. На них она опускается в глубь моря, в недра земли, возносится до звезд, обтекает все необозримое пространство. Жизнь человека со всеми успехами в различных областях знания, культура материальная и духовная, есть только видимая запись его дум, желаний, стремлений. Запись эта – результат работы его бессмертного, богоподобного духа. Это книга деяний человека. В Египте есть пирамида Хеопса. Это – грандиозное сооружение. Это – как бы некая каменная гора, сложенная руками человеческими. Сто тысяч человек, в течение целых двадцати лет, работали над этим сооружением. Когда пристально всматриваешься в нее, то это мертвая, холодная куча камней начинает оживать пред тобой, и за этой грудой камней начинаешь живо видеть живых людей с их думами и чувствами – тех людей, мысль и воля которых смогла заставить сотни тысяч тружеников соорудить эту искусственную гору, которой прежде человечество никогда не знало…

Вырваны из книги деяний человеческих тысячи страниц, их никакой ученый не в состоянии прочитать. Но и то, что сохранилось, свидетельствует о могуществе слова, мысли, идеи. Цепенеет ум, когда представишь гигантскую, титаническую работу в области знания… У святых слово святое приходит без раздумывания, просто; само рождается в душе. Верою и живым общением познается непознаваемое… «Все, что написано было прежде, написано нам в наставление» (Рим.15:4). Первые христиане ночью, после дневных тяжелых трудов, собирались где-нибудь в катакомбах или на кораблях и там, при свете факелов, слушали слово о жизни и учении Господа своего. С затаенным дыханием читали письма-послания апостолов, очевидцев и слуг Христовых. Бесстрашные перед лицом иудеев и

кесаря, рвались они ко Христу и к знанию закона Его, получая от этого высшее наслаждение и радость…

Златоуст получил блестящее образование. Василий Великий изумлял своими познаниями. О нем говорили: «Это корабль, нагруженный настолько знаниями, насколько может вместить человеческая природа. Каждую науку он знал так хорошо, как бы совершенно не изучал никакой другой». Григорий Богослов, Григорий Нисский, Афанасий Великий всесторонне были образованы и науку вполне примиряли в своей душе с Христианством. Как трудно нашим современникам смирить свой гордый ум, пленить его в послушание веры! От того и нет у них раскрытия «богоподобного» ума красоты, и не озаряется он тихим светом святой Славы Господа нашего Иисуса Христа… Истины веры отвергаются ими заранее не по грубости ума, а по лукавству воли. Жалких идолов посадили себе на шею люди без Бога в разуме своем (Рим.1:28). Метко сказано о них у святителя Тихона Задонского: «Когда ум от книги только будешь острить, а волю не будешь исправлять; то от чтения книги злейший будешь, нежели прежде был. Понеже злейшии бывают ученые и разумные дураки, нежели простые невежи» (XV т., 427 стр., изд. Глазунова, 1825 г.)…

«Евангелие лежало у меня на коленях, и с минуту я не могла дотронуться до него, раскрыть его, – пишет Кохановская в повести «Давняя встреча». – Когда я откинулся тяжелый переплет и передо мною явились строки – я не знаю, что со мною сталось. Вся охваченная каким-то порывистым движением восторга, я едва ли понимала, что я только что чувствовала блаженство читать!.. Вдруг я очнулась и слышу: «Каждый, кто слышит эти Мои слова и поступает по ним, я уподоблю человеку разумному, который построил дом на камне. И пошел дождь, и выступили из берегов реки, и подули с силою ветры и устремились к дому твоему – и он не разрушился: потому что был основан на камне. И каждый, слушающий эти слова мои и не поступающий по ним сравнивается с человеком безумным, который построил свой дом на песке. И пошел дождь и выступили из берегов реки и подули с силою ветры, и приблизились к тому дому – и он пал, и было разрушение его велико» (Мф.24-27)… Где я? что это за слова? что за сила в них? Так и уносит душу! Я бросилась вверх

страницы – не полно; я перекинула лист – еще и еще – и очутилась у подножия Нагорной проповеди Спасителя. Мне было жарко и потом стало холодно до дрожи… Я чувствовала, что у меня сердце будто таяло; я таяла вся. Меня проникала такая какая-то сладостная неведомая теплота, которая вместе действовала на душу и тело, что у меня легкий пот выступил на лбу, и слезы тихо и незаметно прилили к глазам… Я изо всей силы прижала ее к себе и бросилась бежать… Есть на свете две великие книги: природа и Евангелие…»

Христос Спаситель, вечная премудрость Божия, открыл школу человечеству в доме Своем, где должность ректора берет на Себя Сам Дух Святой… Пророки и апостолы, одаренные истинною премудростью, предлагают путь истины и спасения… Слова Павла жгут, как раскаленное железо. Глубина их необозрима: они вечно новы, потому что носят печать Духа. «Подобны мне бывайте, якоже Иисус Христос» (1Кор.4:16). С такою же легкостью сложил с себя тело, с какою иной снял бы с себя одежду, и гениальный Богомыслитель – Игнатий Богоносец.

Счастлив тот, кто будет служить до смерти идеалу Христову, как служили ему и апостол Павел, и Игнатий Богоносец.

Истина Христова не умирает – она бессмертна. Источник света не может быть погашен. Он полон могущества. Он чист и свеж, как хрустальный ключ живой и сладкой воды.

В душе есть запросы, которые требуют больших высот, чем высота нашей мысли. Вершина ее уходит в широкое облако небесной жизни и благодати. Там только наполнится ум истинным познанием и озарится светом премирным.

О свете

«Во свете Твоем узрим свет»
(Пс.35:10).

Душе скучно в этом мире, и она, в неудержимом стремлении, ищет для себя источник жизни и обновления за пределами его. Иногда душа самозамыкается, в себя уходит, в свой внутренний мир, и там видит свет.

Основная черта внутреннего мира или сердечной жизни –

беспокойство души, вечное искание света и радости. Постоянный прилив и отлив, стремления, возвышающие и повергающие наземь, зовущие, как тени весенней зари, и безнадежные, как сумерки. Яркие молнии почти разгаданных тайн и горькое чувство бессилия всех попыток…

«Возлюбленный пронизывает ум лучом своего света и тотчас убегает от быстро движущегося ума. Чем более он познается, тем более удаляется, и тем именно, что как бы вырывается из рук, зовет и влечет за собою душу» (Григорий Богослов)… «Все чувства ума и души моей прилеплены были к единому неизреченному веселию и радости от того превыспреннего света. – Но когда безмерный тот, явившийся мне, свет, мало-помалу умалился, и, наконец, совсем стал невидим, тогда я пришел в чувство и познал, какие дивности внезапно произвела во мне сила того света… Свет тот, когда является, веселит, и когда скрывается, оставляет рану и болезнь в сердце…» (Симеон, Новый Богослов, 86 слово). «Когда смотрю на усиливающуюся ныне болезнь языка, на скороспелых мудрецов, на производимых вновь богословов, для которых довольно только захотеть, чтобы стать мудрыми, тогда ощущаю потребность высшего любомудрия, ищу с Иеремиею «вита́лище послѣднее» (Иер.9:2), и желаю быть один с самим собою… Отрешившись от плоти и мира, без крайней нужды не касаясь ни до чего человеческого, беседуя с самим собою и с Богом, жить превыше видимого, всегда носить в себе Божественные образы, чистые, не смешанные с дольними и обманчивыми напечатлениями, быть и непрестанно делаться как бы неомраченным зерцалом Бога и Божественного, приобретать ко свету свет, к менее ясному лучезарнейший; пока не взойдем к Источнику тамошних озарений и не достигнем блаженного конца» (Григорий Богослов, 2 ч.)…

Восприятие света, в опыте явлений «внутреннего света», так же реально, как и восприятие света физического. В писаниях святых подвижников часто сообщается о созерцании ими этого невещественного, Божественного света. Проявление его иногда бывает так сильно, что он излучается во вне и воспринимается подобно свету видимому, делая сияющим самое тело подвижника. Красота духовная, ослепительная красота лучезарной, светоносной

личности дебелому и плотскому человеку никак не доступна. «У аввы Памво лицо сияло, как молния, и он был как царь, сидящий на престоле своем…» Пред смертью аввы Сисоя, когда сидели около него отцы, лицо его просияло, как солнце… Некто встретился с аввою Силуаном и, увидев, что он лицом и телом светел, как Ангел, пал на лице свое… Один брат пришедши в скит, к келье аввы Арсения, посмотрел в дверь и видит, что Старец был весь как бы огненный… Мотовилов говорит преподобному Серафиму: «Не могу, Батюшка, смотреть, потому что из глаз Ваших молнии сыпятся. Лицо Ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли…»

Чудесный Огонь, горевший в преподобном Сергии, привлекал к нему хотя бы раз увидевших его. Во время пения «Тебе поем» огонь спал «как бы с неба, и ходил по престолу, объемля светом окрест весь алтарь», и окружая священнодействующего Сергия. При приобщении же им Святых Даров, свился Божественный огонь и вошел внутрь потира, которым и приобщился Преподобный. Нечто подобное было и в жизни старца иеросхимонаха Амвросия. В какой-то доле просветление лица наблюдалось у епископа Феофана и у святого праведного Иоанна Кронштадтского. Отец Иоанн становился перед Господом, как перед солнцем и, чувствуя невыразимый блеск света Божественного, закрывал глаза и ясно ощущал свое нахождение в лучах этого света и от них теплоту, радость и близость ко Христу-Спасителю… От благодати Божией лицо его было благолепно, как у Ангела, и хотелось на него смотреть… Грех искажает человека, а благодать световидно красит его… Дух Святой живет в нас и делает нас похожими на Господа Иисуса Христа, как дети бывают похожи на своего отца.

Много было излучений собственного света у подвижников VI века и записанных в «Луге Духовном» и в житиях святых. Огромно наследие Отцов о свете. Оно нас удивляет и несказанно радует. В нем – заботливая любовь Христова к немощным людям… Нет Фавора как славы, как света без страдания. И нет опоры для духа человеческого вне созерцания Христа. Созерцай Господа, и Его образ отразится в тебе и не даст тьме одолеть тебя, связав тебя навсегда как грешника, лишенного движений к добру. Пусть пройдет перед взором твоим смертный ужас и кровавый пот, и страдания Господа. Когда будешь

смотреть на Него, Он, несущий страдания, взглянет на тебя и сделает с тобою то, что сделал некогда с Петром – ты «выйдешь и станешь горько плакать…» Евангелие – полнота Откровения. Это солнце, в сравнении с которым другие Боговдохновенные книги – только планеты, сияющие заимствованным светом. Там вещал Бог устами пророков; здесь говорит с нами Сын Божий – Богочеловек, вся жизнь Которого была откровением света. «Я – свет миру» (Ин.8:12), провозгласил Христос. Он не носитель только света, а Сам – Свет, воплощенный, ипостасный Свет. Верующий в Него по опыту знает, что своим внутренним просвещением он обязан этому всемирному свету, как солнцу – в мире физическом. Христианство не только религия любви, но и света. Христос учил о тайнах Царствия Божия, поучая законам вечной Божественной жизни, о «внутреннем свете» как о духовной Богочеловеческой жизни. Насколько душа ценнее тела, настолько свет внутренний, или духовный, важнее внешнего, физического и, обратно, настолько же внутренняя, духовная тьма опаснее, губительнее, ужаснее мрака ночи и слепоты. Теряющий внутреннее зрение утрачивает с ним вместе и вечную, Божественную жизнь, принадлежностью которой так же, как и жизни физической, является свет (Ин.1:4 и др.)… «Просвещение душевно-телесное нужно только в пределах пространства и времени. Между тем, какой смысл рассматривать под микроскопом инфузорию и не заглянуть ни разу в свою душу? Какая радость пользоваться электричеством и не видеть никогда дневного солнечного света? Свет внутренний, духовный не только просвещает, но и животворит. Мера внутреннего света всегда будет соответствовать степени нашего духовного роста. Обилие духовного света возможно лишь под условием высокого подвига. В этом мы убеждаемся на примере и учении святых, соединявших в себе с духовным превосходством и яркий, доходивший до внешнего осияния, блеск «внутреннего света». Таинственна природа света внутреннего. Существо этого света Божественно-непостижимо. В своих высших обнаружениях «внутренний свет» есть свет Божественный. Он открывает тайны прошлого и будущего. Он вводит в постижение религиозных истин, умозрений, идей… В своей непостижимой сущности духовный свет превыше всякой души. Он присущ духовному миру как целому. Чистое сердце, возвышенный ум, чуткая совесть – только средства к его созерцанию. Но сам по себе он

«велия есть благочестия тайна» (1Тим.3:16) в отношении нашего духа… Ты, Господи, весь сладость, весь свет и жизнь. Просвети нас светом Твоего Богоразумия… Воспрослави Божественною Твоею силою, и не оставь нас, уповающих на Тя…

То, чего нельзя забыть

В двадцатых годах при святом Софийском храме (Харбин) служил прот. отец Феодор Порфирьевич Стрелков. Высокий ростом, могучего сложения – богатырь по телу и духу. По характеру он был кроткий, как дитя, и смиренномудрый. Моя дружба с ним возникла на почве книжных стяжаний. Оба мы любили книги, искали их и приобретали. У отца Феодора уже была значительная библиотека, а у меня довольно скудная. Дружба наша была крепкая, несмотря на разный возраст. Мне было 26 лет, а отцу Феодору 70. По дружбе я и пользовался его книгами. Однажды на полке его появились два тома толкования к Римлянам епископа Феофана Затворника. Так как мне было полное доверие, то эти книги появились и у меня. С величайшей любовью, при прочитывании, я делал из них выписки. Этот процесс списывания давал мне полный душевный покой и сердечную сладость от раскрываемого смысла самого текста посланий. Не могу удержаться, чтобы частично не использовать выписки того, на что главным образом было обращено мое внимание. Есть поразительные места, принадлежащие преимущественно перу самого епископа Феофана:

«Веровать свойственно душе возвышенной и великой, а неверие служит признаком души неразумной и низкой. Неверие показывает ум слабый, мелкий, скудный… Как сладостна и успокоительна жизнь в духе веры. Она возгревает и укореняет упование. Как это? – посредством всего, что совершается сердцем, а не умом. Если здесь, при всей внешней прискорбности, жизнь эта доставляет такое успокоение и такую блаженную сладость, то там все это будет в неизреченно высшей степени. Ничто не может поколебать меня в этой надежде. Бог, давший мне вкусить эту сладость здесь, ужели лишит меня таковой там? Быть этого не может. Как верно то, что я испытываю, так несомненна надежда моя… Мы утверждаемся на надежде, но не на людей, которая часто разрушается и срамит надеявшегося. Наша надежда – Бог. Давший нам обетование всегда

жив… Безбожники смело решают: нет Бога. Они правы в том отношении, что нет Его в их мыслях и чувствах, – не умеют они видеть Его в дивных делах Его. Но кто может согласиться, что их решение соответствует действительности? Сказать: нет Бога, не большее ли есть безумие, чем сказать камню: ты мой Бог!? Умствование, подобно лабиринту и рифам, нигде не имеет конца, не дает мыслям установиться на камне и ведет начало от самохвальства. Те, которые стыдятся допустить веру, не знают небесного и кружат в вихре бесчисленных умствований. Жалкий, стоящий того, чтобы непрестанно о тебе плакать!..

Сила победительная исходит от любви к Господу. Он нас столько возлюбил! Его любовь к нам зажгла в нас любовь к Нему. Горя любовью к Нему, мы пребываем Ему верными, несмотря на смертные опасности, грозящие нам. Крепка, как смерть, любовь… Благоволение любви любимого Господа – это и есть рай. Любящий Господа и любимый Им везде будет в Раю, хотя помести его в ад; как наоборот нелюбимый Господом и не любящий Его везде будет в аду, хотя помести его в рай…

Кто верует во Христа, делается праведным, потому что приемлет от Него и чрез Него благодать, претворяющую сердце и все его преисполняющую святых чувств и расположений, из которых исполнение заповедей исходит как плод естественный…

Что глаза в теле, то в душе вера и ведение Божественного. Вера есть величайший подвиг, высший всех подвигов, корень и основа их. В существе дела все от веры сердечной. Вера, когда жива и пламенна, не может укрываться в сердце без обнаружения, а сама собой выходит и в слове, и во взоре, и в движении, и в делах. Так вера и исповедание ее в истине своей неразлучны… Если же вносишь ты дела в основу спасения, устраняешь благодать; и основа твоя гнила бывает. А к благодати взор свой простираешь, то отвлеки его от дел, ибо при благодати дела уже не дела, то есть ничего не значат. Таким ты их и сочти в уме твоем и в сердце твоем или совсем их изгони из внимания и голым себя представляй воздействию благодати Божией… Со всею зоркостию следи за сердцем, как бы не прокралось туда высокое о себе мнение. Ибо как только оно прокрадется, так ослабит веру, а за сим ослаблением последует надломление, а от

надломления недалеко до отломления, а в этом пагуба. Бойся высокоумия, как огня, и со всяким страхом и трепетом содевай свое спасение… Не опирайся слишком на внешнее, хотя оно и нужно; а главное – сердце созижди. Верою прилепись ко Господу – спасешься. Не внешнее что приводит к Богу или отводит от Него, это устрояется внутренним настроением, не внешнее, а в сердце… Христианство начинается с того момента, когда зарождается в сердце позыв и стремление к небесному, духовному, вечному и Божескому, с отвращением от земного, чувственного, временного и тварного. Дух Христов противоположен духу века сего…

Зарождается такой дух жизни христианской, когда благодать Божия, нашедши вход в сердце человека, пробуждает там страх Божий и растревожит совесть… Пока не обновлен ум, или дух, пока он весь объят и подавлен духом века сего, до тех пор не может человек познать и понять волю Божию; не внятна она для него, невместима, сколько не толкуй… Чего же желает Бог? Того, чтобы мы любили нищету, смиренномудрие, презирали славу, жили воздержанно, а не роскошно, в скорби, а не в неге, плакали, а не веселились и смеялись…

Пока мы здесь, на земле, отвержение Божие не бывает окончательным, оно всегда есть только исправительное. Отвергает Бог, чтобы самым отвержением образумить и привлечь к Себе… Богозрение есть высшее духовное совершенство. Предайте все Богу и успокойтесь! Кто при всем желании и трудах участь свою Божией предает милости, тот и оказывается у Бога достойным милости. Верьте, что Бог во всех делах Своих благ и прав, и успокоитесь в преданности Его премудрым и непостижимым для нас определениям и решениям. Самое же сильное побуждение к богоугодной жизни есть сознание великих Божиих благодеяний… Дух по естеству своему Божествен; почему, когда пробуждается, к Богу устремляется, к Богу прилепляется, Богом живет и жить хочет. И если он с ревностию направляет всю свою деятельность к Господу, значит живет дух его; если нет – не живет… И как бы велико ни было твое дарование, не высокомудрствуй о себе, и как бы оно ни было мало, не тянись в высь и не бери на себя того, что не по силам твоим… Гордыня есть болезненный образ мыслей… Скорбь ли, нищета ли, узы ли, голод ли,

смерть ли, другое ли что постигнет тебя, Бог силен изменить все это в противоположное…»

Так прекрасны и питательны для души эти строки, что мной были извлечены из книг прот. Феодора Порфирьевича. Всегда держу имя его в своем молитвенном правиле. Через него я восполнил недостававшее мне нечто из области духовных откровений. Господь не оставит его Своею милостью за все то доброе, что посеял он вокруг себя. Однажды у него за столом молодые родственницы обратились ко мне: что Вас влечет к духовным знаниям? Вы еще молодой, сильный, здоровый, искали бы лучше прикладных знаний. – Да! – Ответил я, – но ведь мы не знаем сроков нашей жизни». Надо торопиться с познанием той области, где будет наше вечное пребывание. Земные знания временны, со смертью останутся здесь, а знания о Боге и потустороннем мире пойдут вместе с нами, когда придет час расставания души с телом. Эти знания вечны, и с ними пойдем мы в жизнь бесконечную. Превосходство и ценность их реально нами переживается даже и в этой многопечальной и суетной жизни. Этих же преимуществ о духовных знаниях держался и дорогой друг мой отец Феодор, скончавшийся ровно 36 лет тому назад в Харбине.

Нестяжание

В нравственном подвиге Христианство отдает предпочтение настроению. На дело оно смотрит как на следствие этого настроения. Настроение служит показателем духовной высоты воли. Поступок есть выражение этого настроения. Если настроение не переходит в дело по некоторым обстоятельствам, этим ценность настроения не уменьшается… «Знаем, что без любви к ближнему ум не может просвещаться божественной беседой и любовию… а где человеку нет возможности любовь к ближнему совершить в делах видимых и телесно, там достаточно пред Богом любви нашей к ближнему, совершаемой только мыслию» (преп. Исаак Сирин). Но подвижники располагали и средством оказывать любовь делом. Дело это выражалось у них в постоянной молитве о всех находящихся в опасности и нужде.

К несчастию, могучим препятствием к любви считается пристрастие

к собственности. Подвижники понимали любовь к Богу в смысле постоянного духовного общения с Ним, постоянной мысли о Боге, соединенной с чувством любви, благоговения и благодарности к Нему. Для этого нужна свобода от всякого житейского бремени. Можно быть с Богом, когда нет забот и ничто не отвлекает от Него. Но у большинства почти вся жизнь уходит на приобретение собственности. И кто предался этому, тот мученик своей страсти. Он весь поглощен одною и тою же заботой. Собственность требует забот и напряжения сил не для одного только приобретения, но и сохранения его. В этом подвижники и видели главное препятствие к развитию в душе постоянного настроения любви к Богу. «Если ум не освободится от забот о земном, то не прозрит в сокровенное… Для смиренномудрого вожделенны во всем умаление, нестяжательность, нужда, нищета. Ему желательно оставаться на свободе, не иметь забот, не возмущаться здешним» (преп. Исаак Сирин).

Жизненный опыт убеждает, что пристрастие к собственности служит одним из самых сильных побуждений к нарушению заповеди любви и братских отношений. «Если не будешь слишком привязан к вещам, то для тебя легко будет исполнять всякую добродетель…» (авва Зосима) «Древний враг, располагая душу нашу к любви вещей временных, возбуждает против нас ближнего, который замышляет унести то самое, что мы любим. Не о том старается древний враг, чтобы уничтожить земное, но о том, чтобы убить любовь в нас. Ибо вдруг мы воспламеняемся ненавистью и, желая быть непобедимыми отвне, мы весьма много теряем внутри, потому что, теряя вещь временную, мы лишаемся истинной любви, ибо всякий, уничтожающий нашу собственность, есть враг. Но если мы питаем ненависть ко врагу, то теряем внутреннее» (св. Григорий Двоеслов).

Чтобы избежать раздоров и вражды с ближними, достаточно не иметь пристрастия к собственности или иметь ее так, как бы не иметь. «Любовь есть расточительница не только денег, но не щадит даже и самой временной жизни» (Евагрй). «Хотя бы ты был до крайности беден, но верно не беднее той вдовы, которая принесла в дар свое имение (Лк.21:2-4)? Хотя бы ты был до крайности беден, но верно не беднее вдовы Сидонской, которая, имея только горсть муки, не отказалась принять пророка! Видела она, что вокруг ее лик детей, и

грозит голод, и нет у нее ничего более в запасе и, однако же приняла пророка с великим усердием» (Златоуст).

Чтобы иметь возможность помогать бедным рекомендуется пост. «Повелеваем вам поститься во всякую среду и пятницу, а остаток от пощения своего раздавать нищим» (Постан. Апост.).

Истинная любовь сама собою приводит к бедности. Богатство требует постоянных забот, лишающих возможности сосредоточить свою мысль и чувство исключительно на Боге. Затем, имущество создает более всего искушений к нарушению заповеди любви к ближнему, вызывая ссоры, вражду и зависть. И, наконец, самая любовь к ближнему, равная любви к самому себе, неизбежно ведет к вещественной бедности. Таким образом, всякая собственность есть препятствие для совершенного исполнения заповедей любви к Богу и ближнему. Углубление же внутрь себя с отвлечением от внешнего – непременно возвысится к сверхчувственному. Такое самоотвлечение от внешнего и есть уже непосредственное соприкосновение с Божеством. Предавшись любви Божией, желая хотя в малой степени достигнуть Божия бесстрастия, вожделевая вкусить духовной святости, безмятежия, кротости, порождаемого ими веселия и радости, (нестяжатель) старается держать помыслы свои как можно дальше от всякой вещественной и телесной страсти, возмущающей душу, чистым же и не потемненным оком души созерцать Божественное, без меры наслаждаяся тамошним светом» (св. Василий Вел.).

Нельзя думать, что это служит идеалом только для особых лиц, избравших для себя подвиг нестяжания. Нет, это идеал общехристианский. Никакого другого идеала и быть не может. Остается один – Христов идеал, неизменный и вечный для всего верующего человечества.

Величие и сила митрополита Филарета

Сто лет прошло со дня кончины великого святителя, но память о нем жива в сердцах наших. В Церкви он огнем благодатным горел. Блистанием ума и воли ограждал от нападок Церковь. Ум его и твердая воля сочетались с глубоким смирением сердца. В ученых его трудах, сочинениях, проповедях, письмах, отзывах, распоряжениях

каждый может получить указания и разъяснения по вопросам веры и нравственности. Нет области жизни, которой не коснулось бы его мудрое слово. Его сравнивали с Григорием Богословом и Иоанном Златоустым. Он вмещал все заветы благочестивой древности и святоотеческих учений. Был он безупречным иноком, ревностным священнослужителем и пламенным проповедником. Он – неустанный труженик, непрестанный молитвенник, милостивец, любивший сохранять в тайне дела благотворения. Наставлял с кротостию, карал с благожеланием. Известны случаи, когда верующие и при жизни митрополита Филарета, и по смерти его получали чудесную помощь от Господа по молитве о нем или по воззвании к нему о помощи.

Все говорит о выдающемся его уме, необыкновенных познаниях, искусном и сильном слове. Ум его созидательный, а не разрушительный, положительный, а не отрицательный, всегда себе верный и ровный, всегда полный назидания. При всем своем огромном уме, он не кланялся никому, как идолу. Он знал и верил, что ум у человека ограничен, что он сам собою не дает света. Вечный, чистый и святой свет он может получить только от Того, Кто, по слову Апостола, есть свет, и тьмы в Нем нет ни единыя (1Ин.1:5). К слову Божию и приник митрополит Филарет от дней детства и юности. На нем воспитал свой великий ум, им направлял и изощрял свои богатые духовные дарования. Но ум человеческий может кичиться и в слепом самопоклонении не себя проверять словом Божиим, а, наоборот, само слово Божие проверять своими рассуждениями и понятиями. Чтобы этого не случилось, Господь слово Свое доверил и вверил Церкви. Она и хранит, и распространяет, и безошибочно истолковывает слово Божие, руководимая Духом Святым, ей обещанным и ниспосланным. К Церкви Христовой приник митрополит Филарет как ее сын и верный послушник, у нее искал и от нее смиренно принимал руководство и поучение. Он любил Слово Божие. Глубоко проникал в текст и здраво толковал его. Красноречиво утверждал он, что Писание есть достояние Церкви и от Церкви дается верующим к чтению и руководству. Ведь Писание есть закрепление первоначального Предания, неписанного Слова Божия, и свидетельствуется живым ведением и признанием Церкви. Сила и утверждение Предания – в Слове Божием. Предание, хранимое в Церкви, не есть «просто

видимое и словесное предание учения, правил, чиноположений, обрядов, но с ним вместе и невидимое, действительное преподание благодати и освящения…» Слово Божие есть живой и вечно действующий дар Божий, некое таинство Божие. «В каждой черте его скрывается свет, в каждом звуке – премудрость…» Общение его со Словом Божиим было полным и благодатным. «Оно дает живое блаженное познание Бога и чудес Его во времени и вечности…»

С искренней прямотой Святитель пишет Новосильцевой, раскрывая свою благодатную настроенность: «Беспокойство ваше не прекратит ни слуха, ни самого дела. Если человеколобие заставляет жалеть о ближнем, подверженном клевете, но не от нас зависит поправить дело, наш долг – просить от Бога искушаемому терпения и охранения, а нападающему – вразумления… На что Господь одел душу нашу таким телом, сквозь которое мыслей наших другим людям не видно? Думаю, для того, между прочим, что мысли наши часто бывают нечисты, а потому не полезно, а вредно было бы другим душам видеть их все. Скрытность не есть порядок, ибо человек общителен, притворство еще хуже, ибо это принадлежит к образу отца их; но скромность согласна с намерением Божиим. Если мысль ваша во славу Божию, скажите ее, пусть и другие славят Бога. Если она в пользу или в утешение ближнему, скажите ее, пусть будет польза и утешение. Если сердце ваше невинно отверзается к сообщению слова ближним, хотя и не совсем нужного, пусть будет и сие ради общежития. Но если вы получили немирную мысль против ближнего, принесите в ней покаяние Богу; при помощи Его изгоните ее из своего сердца…»

«Приводите сердце ваше, сколько можно, к простоте: слушайте доброе с охотою, а что не таково, не раздражайтесь, а старайтесь забывать; не спорьте за людей, которые не хотят быть поводом к несогласию; старайтесь иметь или разговор невинный, или молчание спокойное. Вот суд человека, который, может быть, более судимых погрешает, впрочем желает и себе исправления и другим усовершения… Духовные вещи показываются не для того, чтобы украшать ими чувственную область, как мечтаниями, но чтобы поставить дух в благодарение к судьбам Его, в любовь к Нему, в смирение пред Ним… Простите меня, что иным проповедую, будучи

сам неисправен. Но я думаю, что слова мои принадлежат истине, сколько я ее слышу и понимаю, и чем иначе, как истиною, могу я благодарить вас за то утешение, что вы допустили меня быть свидетелем вашего стремления к добру? А точно ли истину говорю вам, испытайте сами, по рассуждению и по Слову Божию, и по писаниям знающих пути Духа… Дайте себе покой в тихой молитве и в уповании на Умершего за нас и ради нас Воскресшего…»

И в письмах – та же великая личность автора. Для него все было ясно: тайна жизни и смерти, тайна земного и загробного бытия. Все вопросы жизни семейной, общественной и государственной. Такими людьми, как митрополит Филарет строится жизнь и стоят царства. В наших скитаниях по чужим странам особенно дорог становится митрополит Филарет с его неумирающими заветами. Он – слава и честь наша. И по выражению И.С. Аксакова, «он сила великая, нравственная, общественная сила, в которой весь русский мир слышал и ощущал свою собственную силу – сила, созданная извне, порожденная мощью личного духа, возросшая на церковной народной почве. Он громада славы, которою красовалась Церковь и утешался народ… Его художественное, важное слово, полвека раздававшееся в России, то глубоко проникавшее в тайны Богопознания, то строгой и мощной красотой одевавшее разум Божественных истин».

Слава великому Святителю – молитвеннику за погибающее отечество наше от богоборцев, за народ наш и Церковь Православную. Верим, возродит Господь его ходатайством Русь Святую, а нас, странникам земли, пошлет любовь и силу черпать из обильного наследия неисчерпаемой мудрости его.

Из области слова и духа

«Господи, Боже сил, да будет слово Твое мне
в радость и в веселие сердца моего»
(Иер.15:16).

Прекрасны эти слова, ведущие к истинной «философии» Божия слова и к молитве. Искать святых идей, идеальных познаний вещей можно только в Слове Божием, в писаниях святых Отцов и в Богослужебных книгах. В них – подлинная Божия мудрость. Духовная мудрость – жизнь, тогда как плотская мудрость – смерть. Ибо спасение приходит

по действию и наитию Святого Духа. То – благодать, и она дается каждому в меру его личного напряжения. Дух Святой так руководит христианином и приближает его к Спасителю мира. Исполненные вдохновения под наитием и действием Святого Духа, мы сможем повторить слова апостола Павла: «Рад я похвалиться лучше немощами моими, да вселится во мне сила Христова. Посему благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда немощен я, тогда и силен» (2Кор.12:9-10).

Писание – плод Духа Святого. Оно может быть должным образом понято при помощи того же Духа. «Никто не должен ласкаться проникнуть в смысл св. Писания иначе, как сокрушением, слезами, молитвой, обращением ко Христу, словом: святостью. Нечто уродливое и противоестественное было бы, чтобы человек, неочищенный и плотский, от святости удаленный, понимал ясно дело Божие, то есть самую святыню. Это может случиться в земной мудрости, а в небесной – никогда. Для истинного разумения слова Божия необходима жизнь такая, которая привлекла бы к себе Духа Святого, обращение за помощью к тем, кто стяжал Духа Святого, явился на земле Духоносцем…» (М.М. Сперанский)

Воззрения Церкви достаточно известны и без обращения к критическому исследованию патрологии Миня. Есть истинное толкование Златоуста, Феофилакта, Пелусиота, Феодорита и других. Для сознательно живущего в Церкви едва ли позволительно, едва ли разумно поставлять свое мнение на место единодушного учения таких христоносцев. Надо идти по пути спасения, совершать путь жизни пред лицом Господа, ходить пред Богом, стремиться к Богу, примириться с Богом, искать живого ощутимого союза с Ним, стать «единым духом с Господом», независимо от своего житейского положения. Необходимо опытно познать, что содействует и что вредит достижению этой цели, а для этого понять и оценить значение как церковных установлений, так и евангельских, и святоотеческих наставлений. Не понимая опытно, что значит «быть едино с Господом», «сочетаться с Ним», быть в Нем, иметь Его в себе, – невозможно судить о достоинствах тех или иных взглядов на таинство исповеди, причащения и других установлений святой Церкви. Кто не

осмыслит свою жизнь подлинно христиански и не ищет этого, тот не может правильно судить о нравственном значении тех или иных элементов жизни за неимением опытных данных для такого суждения…

Стремлением к Богоподобию и к Богообщению определяется достоинство жизни христианина. Все богатство, все сокровища благодати раздаются нам Всесвятым и Животворящим Духом. Он же укрепляет помощью Своею всех верующих во Христа. Где Дух Господень, там радость, мир, любовь, воздержание, милосердие, святость и правда.

Таинства Церкви – каналы, по которым благодатные струи из Божественного сердца переливаются в наши сердца.

Душа подобна небу – в ней обитает Господь.

Не пугайся же в самые трудные минуты, когда обиды беспокоят, горе тяготит; чем роптать, лучше прочти акафист Спасителю или повторяй Символ Веры много, много раз, и обида утихнет, горе забудется. Символ Веры содержит скрытую духовную силу.

А если в устах твоих будет еще и песнь небесная, то посетит твое сердце и веселие небесное…

Проходит время – и ты снова в затруднении: что делать?

Возведи опять ум твой к Спасителю, к Его Писанию, и тебе будет открыто, что делать – и успокоишься.

Как солнце, когда восходит – все освещает, так и слово Божие освещает все пути спасения в жизни. Кто твердо встанет на такой путь, тот может идти смело. Он видит, куда идти и может являть твердость на этом избранном пути, ибо Дух Святой укрепляет таких избранников и ведет их к жизни вечной. Сокровища и богатства благодати для них неистощимы. Они знают, как имя Господа Иисуса Христа сильно, а слово могущественно. При Нем ветры утихают, бесы умолкают; утихнет и твоя досада, пройдет мимо твое горе от сладчайших слов Спасителя…

Вот взволновалось сердце мое…

Прихожу в церковь, открываю Евангелие и восклицаю: Господи! Я

искать Тебя пришел сюда. Прискорбна душа моя… И тут же, о радость! – услышал Господь – и скоро утешил! Слава Тебе, слава милосердию Твоему!

По опыту знаю, Спасителю мой, Слово Твое неизреченно благотворно. Им я согреваюсь, просветляюсь, возвышаюсь, утверждаюсь и сладко насыщаю изголодавшуюся душу мою…

В Слове Твоем жизнь моя, покой, умиление, радость и наслаждение. Любовь к Тебе, Господи, есть неизреченное наслаждение – оно превыше слов…

Как драгоценную жемчужину берегу ее в сокровищнице моего сердца и да сохраню я его до могилы…

Спаситель ждет от нас всецелой устремленности к Нему, и Сам подает нам силы и дарует победу как в слове, так и в духе.

Епископ Игнатий (Брянчанинов)

Текущий год властно требует от нас внимания к этому святителю-аскету. 100 лет прошло от дня его смерти и 160 со дня рождения.

Классы инженерного училища Брянчанинов прошел блестяще и вышел со званием инженера-прапорщика. Недолго был он в этом звании – скоро, по болезни, вышел в отставку. С детства религиозный, он мечтал о монастыре. И вот настал момент, когда он от мирской жизни смело мог устремиться к монашеским подвигам.

Государь Николай Павлович сказал ему: «Ты мне нравишься, как и прежде; ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за любовь мою к тебе; ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, а избрал путь по своему произволу; уплати же мне на нем долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтобы ты жил в ней и сделал из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей».

И, действительно, он уплатил долг Царю. Управляя пустыней, он вскоре воздвиг монастырь с тремя храмами и огромными корпусами, со множеством монахов… Потом был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского.

Краса православного иночества, он был учителем его не только в

своих аскетически-богословских сочинениях, но и во всей жизни своей, представлявшей дивную картину самоотвержения, борьбы с грехами, скорбями и болезнями. Живя на покое, преосвященный Игнатий занимался составлением аскетических сочинений, пересмотром и приготовлением к печати статей, писанных им в разное время. Его сочинения: «Аскетические опыты – пять томов: «Отечник», «Слово о смерти» и другие. Признается Святитель: «Писаний моих источник – Отцы, они принадлежат Отцам Православной Церкви. Избрание меня Промыслом Божиим в орудие преподания этой жизненной духовной пищи современному остатку верующих есть и им, и мне благодеяние Божие. «Мир любит свое», – сказал Спаситель. Когда мир услышит Слово Божие, провозглашаемое по стихиям и в духе мира, то есть когда он услышит учение свое, прикрытое личиной учения Божия, тогда он превозносит его похвалами. Когда же он ощутит в слове присутствие иного духа, действующего разрушительно на владычество мира, тогда он заражается ненавистью к слову, установляет гонение не произнесшего слово. Очень опасно приобретать познания не во Христе, а развивая свое собственное падшее естество, пребывать по духу в общении с миром. Действуя в области последнего способа, люди непременно заражаются враждою к Святому Духу… Отступление начало совершаться с некоторого времени очень быстро, свободно и открыто. Последствия должны быть самые скорбные». Через полвека с небольшим эти пророческие слова исполнились. Мы – свидетели тому и страдальцы. Да и святитель Тихон Задонский своим современникам сказал проницательно: «Должно опасаться, чтобы Христианство, будучи жизнь, таинство и дух, не удалилось неприметным образом из того человеческого общества, которое не умеет хранить этот бесценный дар Божий». И, действительно, Христианство, как Дух, удаляется из среды человечества, предоставляя его падению его. Кстати здесь будет верная фраза Достоевского: «Без духовного спокойствия никакого не будет».

«Аскетические опыты» имеют огромное значение. «Это не мое сочинение, – заявляет Святитель, – по этой причине выражаюсь о нем так свободно. Я был только орудием милости Божией к современным православным христианам, крайне нуждающимся в ясном изложении

душевного христианского подвига…» «Иеросхимонах Стефан перед смертью своею постоянно читал «Слово и смерти» и не раз говорил мне: «Это не Вы писали: это Бог дал Вам написать». Очень верно! То же должен я сказать вообще о всех моих убогих сочинениях… «Опыты» заменяют «Добротолюбие», будучи гораздо понятнее. «Такой взгляд очень верен,» – добавляет сам епископ Игнатий.

Особенную ценность в моих глазах имеют его многочисленные письма на разные темы и с разнообразным содержанием. Как огонь, они зажигают холодное сердце. Как свет, они пробиваются в темноту грешных мыслей. В них есть энергия, зовущая к подвигу, и сладкое, желанное утешение всем скорбящим.

По искреннему и глубокому убеждению в величии учения Христова и по изящной простоте речи письма епископа Игнатия равноценны дневнику святого праведного отца Иоанна Кронштадтского и письмам епископа Феофана. Эти три духовных писателя по христианскому вдохновению в творениях своих сходны между собою: они не сочиняют, а исповедуют свои убеждения и свой личный опыт.

«Аскетические опыты» – в них Вы прочитаете учение наших Отцов о внутреннем духовном подвиге. Это учение отличается от учения западного писателя тем, что Отцы ведут читателя своего к покаянию и плачу о себе, а западный писатель ведет к наслаждению и довольству собою… «Я провел всю жизнь в болезнях и скорбях; но ныне, не будь скорбей – нечем спастись. Болезнь – послание Божие взамен и в восполнение наших недостаточных подвигов. Вижу, что болезненность моя есть дар Божий, эпитимия Его, милость Его…» Можно положить в основу его «Опытов» и следующие примечательные слова: «Православие – истинное Богопознание и Богопочитание. Дух есть слава христиан. Где нет Духа, там нет Православия. Необходимо для спасения принадлежать к Православной Церкви. Вне послушания Церкви нет ни смирения, ни духовного разума…»

«Что такое смерть? – Эпоха, с которой начинается наша действительная жизнь… Не должно человеку отчаиваться, как бы велики грехи его ни были; ибо человек спасается не своими добрыми делами, а единою верою во Христа Спасителя; а делами должны только доказывать свою веру. Подумай, что «и оный великий Петр

плакася горько…» Молитва отгоняет скверные помыслы и разливает в нас веселие… Не должно предаваться унынию. Напротив, должно благодарить Бога за скорби, как за знак избрания к блаженной вечности. От благодарения не только притупляется лютое жало скорби, но и вселяется в сердце благодарящего небесное, духовное утешение… Ни в чем другом невозможно найти утешения, как в терпении, которое рождается от смирения. Смирение состоит в том, чтоб мы признавали себя достойными скорби, попущенной на нас Промыслом Божиим. Скорби всегда были достоянием спасающихся. Христово утешение: поражаю тебя напастьми и болезнями, чтоб ты не пристрастился к чему-либо суетному, но в сокрушении сердца поискал прилепиться ко Мне, Создателю твоему, исполнением Моих заповедей… Болезнь – готовое спасение… Печать избрания – скорби, чтобы душа, потрясаемая скорбями, прозрела и увидела Бога в Его Промысле. В скорбях очень полезно предаваться воле Божией и благодарить Бога за посланную скорбь… Душу, предавшуюся в служение Богу, никто и ничто не исхитит из руки Божией. Твоей душе Бог дарует на время земного странствования тесный путь, состоящий из различных скорбей и лишений, потому что по широкому пути невозможно придти к Богу. Предай себя воле Божией, отвергая от себя попечения мечтательные… Когда приходит безнадежие, уныние, отчаяние, то надо знать, что тут есть и примесь бесовская, которая прогоняется верою… Что душа для тела, то внимание для молитвы: без внимания она мертва, не имеет никакого значения. От внимания дух наш приходит в смирение; от смирения рождается покаяние… Благодать и сила Божия заключаются в славословии Бога, а не в красноречии и многословии… Признание себя достойным всякого наказания, и даже явного бесовского, приводит к самоотвержению и к преданности воле Божией. От самоотвержения и преданности воле Божией уничтожается страх, наводимый бесовским искушением. Мир – в прелести и сочувствует одним тем, которые находятся в прелести. Служителей истины он отвергает и ненавидит… Познание Спасителя, а через то и получение блаженной вечности, есть первое счастие не земле, есть единственное сокровище человека… Быстро, быстро промчится время и наступит час переселения в вечность. Употребите земные дни на приготовление к ней. Это приготовление растворяет здешние скорби

утешением и доказывает, что это приготовление есть приготовление к блаженству… Никогда и ничем не должно смущаться, ибо Промысл Божий носит нас на руках своих. Наше попечение быть верными Господу. А кому Господь пожелает даровать Свой разум, тому Он открывает особенно его немощи. Ведь начало просвещения души есть зрение грехов своих и своей ничтожности. Плод же благодати сопровождается сладостию, утешением, слезами, в которых печаль смешена с радостию. Погружайтесь в смирение и любовь к ближнему, отрекаясь от себя. Таким образом найдете Господа. Менее полезно узнать подробно небо и землю, чем познать свои недостатки и согрешения. Это последнее знание столько полезно, вместе столько высоко, что оно есть дар благодати, ниспосылаемой Богом и исправляемой молитвой…

Оставьте на время поклоны: их заменила болезнь, но не оставляйте молитвы с сердечным сокрушением.

Господь да научит Вас смирению, от которого истекает всякое спокойствие и изливается в сердце мир и тишина. Если нам подана будет чаша страданий, примем ее, как чашу спасения, как залог вечной радости. А если кто отказывается от скорбей, тот отказывается от спасения. Бог попускает врагу ударять нас для нашего спасения и смирения…

Искренно желаю где-либо в уединении и неизвестности окончить дни свои во внимании себе и покаянии. Не должно льстить себе предположением долгой земной жизни… Все мимо идет, и хорошее, и худое, а ни человеки, ни бесы не могут одолеть того, чего Бог не попустит…»

Глубоко назидательны и трогательны все его письма и статьи «Опытов». Они написаны от сердца и проникнуты истинной верой и смиренно-благочестивым настроением, которое не покидало преосвященного автора в продолжении всей его шестидесятилетней жизни.

Милостив буди, Господи, к приснопамятному, ревностному подвижнику-писателю, а чрез него и к нам, обуреваемым житейскими мутными волнами греха.

О маленькой книге епископа Феофана

Меня немало удивляет, как это наши издатели прошли равнодушно мимо такой книги, как «Письма о христианской жизни» бессмертного епископа Феофана Затворника. Небольшая – всего 145 страниц, но ценности великой. Значение этой книги бесспорно. Выразительность и ясность стиля придают ей исключительное значение. Резкость, местами, только усиливает внимание. Схематичность же позволяет кратко затронуть самые актуальные вопросы из области веры и жизни. Книга, впрочем, не нуждается в похвалах; сама свидетельствует она о себе своим содержанием.

От юности возлюблен мной святитель Феофан и до заката дней – он в сердце моем. В других книгах его есть система и ученая разработка тем, здесь же непосредственность, простота и задушевность. Этим она побеждает верующее сердце. Образность, краткость, сила и крепость слов делают нарочито привлекательной книгу. И так неохотно выпускаешь ее из рук. Составлена она из писем княжне П.С. Лукомской. Позже приняла тот вид, который и имеет сейчас. Нельзя спастись, если не читать духовных книг. Душа калечится без чтения их. И наоборот, от чтения их душа согревается и радуется…

Вот каково частичное содержание «Писем»:

«Один Господь есть Победитель всех наших немощей, а восприять Его силу можно только молитвою. Молитва есть источник всего и всякого успеха». Молитва ставит нас пред Богом – непосредственно устремленными к Нему». «Как скоро в молитве сердце согреется и не захочет слов, прекращать чтение и молиться сердцем… Как хорошо, когда Господь близ, и греет, и услаждает! А что бывает с душою, когда Он отступит! Приходит на мысль сравнение Макария Египетского – действия благодати Божией с действием матери относительно своего ребенка. Когда ребенок забудется и от непрестанного нянченья матери забудет, как дорога ему мать, тогда мать оставляет его одного и сама прячется. Ребенок начинает кричать, увидев, что он один. Мать тут же – и снова берет его. Как крепко прижимается тогда он к груди матерней! А пред этим и в стороны смотрел, рассеивался, смеялся, забывая мать. Вот так и с душою. Наше дело все принимать и за все благодарить…» Молитва – путь к Богу. Все остальное только средства в помощь ей. Надо

поставить себя смиренно пред Богом и говорить Ему по-детски, как бы в уши. «А пташку-ум надо засадить в клетку и сказать ему: вот тут-то сядь, и пой вот что, а летать туда-сюда не смей: ястреб поймает… Господь требует исключительности решительной. Уклонение сердца – измена… Стакан воды сладкой; хоть понемногу пей, все же выпьешь; так всякое удовольствие мирское. Сердце выпьет из него все сладкое, и конец… далее непитательно и – скука. В отношении к Богу совсем не то. Он есть благо бесконечное для всех и на все века… Жаль очень, что наши философы обратили Бога в идею… нет восстания, как в Господе Иисусе Христе чрез св. Церковь… Тихое молитвенное упование милость Божию привлекает. Ведь не вырвешь ничего из рук Божиих силою… А слезами все можно… Есть загородки, Богом поставленные, которых никто не сломит. Усильною молитвою надо ударять в них. Господь, сжалясь, примет их.. и тогда радость спасения!.. Хорошо умереть в состоянии искания, если не благословит Господь – в состоянии совершенства. И на том свете будет восход от низшего к высшему. Конечно, надо всячески хлопотать, чтобы минута смерти была минутой блаженства… Помните, что все дело – сердце, к Богу горящее и непрестанно в сокрушении внутренно к Нему припадающее. Надобно поболеть, понудить себя, помучить без жалости. А враг не спит и все толкует: то не нужно, другое не надобно. Помощник ему наш ум, или наше умничанье… Искушение – от тщеславных мыслей и внутреннего самодовольства и самохвальства! Похвалы – то же, что ногу подставить бегущему… тотчас споткнется… и нос разбит… а у иного и дух вон… Боже, упаси! А навязло ли вам на язык имя – сладчайшее имя – Господа? Надо добиться до того, чтоб оно само читалось. Хоть и мысль забежит куда… а опомнясь найдет на языке то же имя… Добивайтесь до этого. И на сердце еще теплее будет. Вот и рай – на земле, но небесный! А другого чего искать?.. Покаяние Господь нам дал, как умывальницу небесную. Оно всю душу вычищает, как снег белу делает… Сладок Господу глас из уст и сердца грешника кающегося… Благодать носит душу, как мать дитя свое. Когда душа зазнается и забудет думать, что носится и держится благодатию, благодать отступает… и оставляет душу одну… Зачем? – Затем, чтобы образумилась душа, почувствовала беду отступления благодати, и начала крепче льнуть к ней и искать ее. Такое отступление есть

действие не гнева, а любви Божией, вразумляющей, и называется отступлением поучительным… Трудитесь, но без особенных напряжений и усилий… Не поленитесь низойти… В сердце жизнь, там и жить надо… Иногда бывает в сердце теплота, но какая-то легкая, навеянная, а не привитая. Надо, чтобы она сосредоточилась в сердце, привилась к нему, затлела и горела. Се, есть огонь, который Господь пришел низвести на землю, но не думайте, что сами что можете, а с сокрушением взывайте: Господи, помоги, Господи, зажги! – Один старец два года умолял Пречистую Богородицу; и дала ему огонь, и стало, говорит, хорошо. И вы молитесь и трудитесь, то есть ищите, как установиться в сердце. И Господь, видя труд ваш, подаст вам благодать горения сердечного… В решительном намерении работать Господу до положения души – корень жизни, а когда этого нет, жизни нет… Но как обязательно дает знать, насколько широки объятия премилосердного Спасителя, приемлющего всякого грешника…

Душа наша – вещь мудреная. В хорошем ли состоянии или в худом, это свидетельствуется миром или смятением. Когда есть смущение на душе, чего бы оно ни касалось, не верьте душе в ту пору: все врет, что ни говорит. В ту пору ее надоумливает сатана и уж, конечно, не во спасение ей; а она-то, бедная, из всех сил рвется. «Гнев мужа правды Божией не соделывает» (Иак.1:20). Божие же все мирно, тихо, сладостно и в душе сию сладость оставляет и вокруг разливает ее обильно, несмотря на то, что иногда и бранится будто. И в этом случае есть теплота и даже жар, только совсем другого рода: умиленный, нетрескучий… Дела свои делайте понемножку, с усердием, а о плодах очевидных менее помышляйте. Окаявать себя должно во всем, во всем. Мысли хорошо беречь, и берегите. Что блуждать по распутиям? Как же солнце-то увидеть, когда пыль столбом и туман вокруг? Разные мечтания заслоняют Господа. Что слаще Его и краше? Зачем же отрываться от Него и смотреть на ничтожность?.. Доброе начало – половина дела; а в Христианстве доброе начало – все дело, ибо там семя будущего целого дерева с листьями, цветами и плодами… Пока не пришла благодать – возбудительница от сна греховного, то, как бы сладко и широко ни разглагольствовала душа сама с собою и с другими, коль скоро коснется до самого дела, она сейчас отступит назад, ибо связана по

рукам и ногам… Одного можно не бояться: не забыла бы кого Божия благодать! Но это напрасное беспокойство! Мы, должно сказать, облиты ею… Ни от кого не отступает она до самого гроба: все тревожит и будит… Благодать без свободного склонения ничего не сделает с нами, ни свое желание без укрепления благодатию не может иметь ни в чем успеха. А что в каждом деле принадлежит благодати и что своему желанию, то до тонкости различить трудно, да и нужды нет. Ведайте, что благодать никогда не насилует свободного произволения и никогда не оставляет его одного, без своей помощи, когда оно того достойно, имеет в том нужду и просит о том… Не беспокойтесь! Господь никого не обидит. Стакан воды не забывается, а не только большой труд. Лишь бы то, что делается, делаемо было для Него и Ему посвящаемо сердцем…»

Всякое наставление – сладостная духовная пища; она охотно принимается ищущими спасения. Без чтения душно, и душа голодает. И чтобы не задохнуться, пойдем мы мыслию к святым и подобным им святителям и благоговейным пастырям. Много прошло их пред очами нашими, и каждый в своем роде являлся твердыней, борцом за веру и образцом подвига. К тому же они зовут и всех ищущих спасения. В часы обид и огорчений, усталости и забот со страниц писаний епископа Феофана всегда звучит голос друга, к которому с радостью надо устремляться. С ним покойно и не скучно. На него я опирался слабою рукой, когда в своих скитаниях изнемогал телом и душой…

Он – праведник. Святым его чтили очень многие из друзей, когда он перешел в другой мир. Во гробе тление не коснулось его освященного тела, а во время облачения к погребению улыбка скользнула по его лицу, как светлый луч с того света.

Да поможет Господь просветить наш ум и укрепить сердце чудными писаниями великого Святителя.

Церковь и «организация»

Мы восхищаемся словами святителя Василия Великого, сказанными им о том, что вне Церкви утеряна благодать, преемство незаконно, так как там мирянин возлагает руку на мирянина, не сообщая ему никакой благодати: ее нет и быть не может вне единой Церкви, вне

единства тела Христова.

Пред Пилатом стояла Истина во всей Своей полноте. Так и Церковные догматы исчерпывают доступную для нас Истину. Догматы Церковные настолько выше человеческих учений, носящих названия их изобретателей, насколько Божеское выше человеческого. Раз мы люди, мы ограничены. Божеское несравнимо с тем, что мы сами можем выдумать и придумать. Жизнь вечная открывает нам познание; от познания, такого знания, должно вытекать делание, а не наоборот. Учение Церкви истинно разумно. Оперирует оно не самочинной человеческой разумностью, то есть духом человеческим, а разумом, плененным в послушание Христу, то есть Духу Божию…

Соблюдение «чистоты жизни» как таковой есть фундамент, на котором могут держаться разные недостатки, имеющие происхождение от «дел закона». Так может быть утвержден закон благочестия, но так отвергается закон благодати. Так будет во всех учениях, кроме Церковного. Для Церкви «чистота жизни» не фундамент, а следствие. В этом суть дела. «Чистота жизни» не может быть фундаментом, потому что фундаментом не может быть человеческое: дела закона и т.п. Фундаментом может быть только Божеское. Только учение Церкви согласовано с Благовествованием; только одно Церковное учение Его исчерпывает.

Много может быть «исповедников», но одно только учение Церкви дало людям святых. Вне Церкви могут быть мудрецы, моралисты, но не святые. Церковь могла дать нам Афанасия Великого, Сергия, Филиппа, Серафима, Иоанна. А протестантизм мог дать Лютера, Кальвина или других, им подобных. Тип святого – это тип смиренного, не выдвигающего себя. Тип же протестанта – тип утверждающего себя. Отсюда у протестантов и вечное и прогрессирующее разделение. Секты дробятся без кона, выставляя на своем знамени то или другое имя человеческое. Иисус Христос приходит в забвение. Он заменяется тем или иным «учителем». Церковь же восстает и борется против такого «учительства», утверждая Единого и Вечного Учителя, Богочеловека Иисуса Христа.

Мистические секты подменяют Иисуса Христа в Его Премудрости Божией и кончают обоготворением того или другого человека-

грешника. По такому толкованию Иисус Христос лишь «один из Божественных мудрецов». На человеке Христе, по их понятиям, почила премудрость Божия и Он стал «Человекобогом». Такое толкование было и есть, и тогда Христианство есть религия Человекобожества, а не Богочеловечества. Толстой говорил, что Христианство так «просто» и «ясно», что, не будь Христа, он сам бы додумался до Христианства. При этом Толстой забывал, что спокон века были мудрецы и основатели религий, утверждавшие, что они знают Истину, знают истинный путь жизни. Но никогда и нигде не было ни одного, который мог бы утверждать, что он сам есть «путь и истина и живот» (Ин.14:6). Такие богословы говорят не о Благовествовании, а предлагают людям свое учение, не имеющее ничего общего с Евангелием. Учение какого-нибудь Гарнака есть только его, Гарнака, учение и ничего общего с Христианством не имеет. То же самое можно сказать и об учениях сектантских. Раз они не «собирают со Христом» (Христос собирал членов Своего Тела – Церкви), то значит расточают. Утверждая «свою жизнь» вне Христа, они на самом деле теряют ее. Только тот, кто теряет свою жизнь во Христе, то есть в Его Теле, в Его Церкви – «приобретает» жизнь.

И учение Церкви всецело разумно. Нельзя из Благовествования Христа откидывать, по произволу, то одну часть, то другую. Нельзя пользоваться одним Писанием, отвергая то, что передавалось устно. Надо в своих суждениях о Христианстве принимать в расчет то, как это учение понималось всеми теми, которые его приняли «везде» и «всегда». И это все неопровержимо. Эти простые и ясные положения тщательно обходятся молчанием и игнорируются противниками Церкви, потому что у этих противников нет на них ответов. Все они спешат перевести разговор на нечто, по существу, совершенно другое. Например, начинают говорить об утилитарной нравственности. Выходит, будто Церковь против нравственности, тогда как все знают, что одна только Церковь, в лице своих святых, явила нравственность во всем объеме, полноте и значении. Нападки на Церковь ни на чем серьезном не основаны и серьезной критики выдержать не могут. Они вполне субъективны и лишены разумных и объективных оснований. Разумным является лишь одно Церковное понимание Христианства.

Когда к такому пониманию источника Истины пришел, например, князь Хилков – в прошлом революционер и толстовец, то он мог с силой убедительной писать: «Если отвергнуть учение о живом Организме Тела Христова, то всплывает «организация», то есть партия, ничем по существу не отличающаяся от всякой партии… Тогда как догматы Церкви живы и животворящи именно потому, что прилагаются к живому Телу – Организму; правила религиозных организаций и партий как определяющие механическое увеличение того, что мертво по существу – сами мертвы. Говорить же о росте партии нельзя. Если всыпать зерно в мешок, то нельзя говорить о «росте мешка». Совершенно так же нельзя говорить о росте «духовной жизни», если человек, вчера исполнивший три заповеди, сегодня исполнит четвертую. Поэтому я и приглашаю вас в Церковь и берусь показать вам, что вне Церкви нет свободы. Я еще берусь показать, что то, что защищается вне Церкви под именем «свобода», не есть свобода, а своеволие…»

Признак принадлежности к Церкви – единение с ней в жизни и смиренное повиновение ей. Она одна имеет всю полноту благодатных даров Святого Духа. Дух Божий оживляет только тело Церкви, и вне этого Тела Его быть не может, какие бы слова там не произносились. Вне Церкви нет и быть не может этого благодатного единства. Там есть только бесчисленные разделения. Отделившийся от Церкви – умер для церковной жизни, умер и для разумения Христианской веры и нравственности…

Мы освящаемся от Христа – Агнца Божия, но чрез иерархию, Духом Святым. Отвергающие священство – церквеотступники. Изобличаются они и евхаристией. «Их учение не согласно с евхаристией,» по слову св. Иринея. Сама евхаристия есть «Таинство Таинств», совершаемое Самим Господом чрез иерархическое – в земной Церкви – посредство. Без евхаристии нет Церкви. Ищущие спасения в Церкви находят его только в устроенной через апостолов Церкви. Основана она Самим Христом. Имеет она Богоустановленную иерархию и Таинства. Эта Церковь есть Истинная Церковь, а все, так называемые, религиозные «организации» не Церкви, а самочинные сборища. Духовные слепцы не видят, как «к яду учения они примешивают Иисуса Христа, чем и приобретают к себе доверие»

(Траллиан).

У епископа Игнатия (Брянчанинова) в 1-ом томе находим золотые слова: «Желаю лучше быть послушным Церкви, нежели быть умнее ее и отделяться от нее». «Вне послушания Церкви нет ни смирения, ни духовного разума…»

Епископ Порфирий (Успенский)

Епископ Порфирий, знаменитый археолог, – редкая и удивительная личность. В духовном училище (Кострома) увлекался он церковным пением, а в семинарии – историей и философией. Когда же поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию, то разлюбил философию и увлекся чистым богословием. По окончании академического курса постригся в монахи. И началась его самостоятельная деятельность.

Какие горести и печали пришлось ему пережить! Встает образ ученого богослова, историка, археолога, знатока древних и новых языков, неутомимого путешественника. Вечный путешественник, более пятидесяти раз восходивший на корабль, посещавший отдаленные пустыни, поднимавшийся на труднодостижимые горы… «Мы трижды огласили Фавор умилительным гимном «На горе преобразился еси…» Лучезарное солнце в это время ярко светило сквозь чистое голубое небо; умный взор мой всматривался в бездны вечности и зрел Христа в светоносном прославленном теле. Сладкое видение мое в безмолвии прекращено было вопросами спутников моих…» «Я – странник на земле. Колыбели своей не помню; отеческий кров давно я покинул, и никогда не возвращусь под этот кров: это невозможно… А для чего я странствую так долго? Может быть, для того, чтобы подобно пчеле принести мед в родной улей. Я пчелка Божия, а Россия – мой улей…» И наука имеет своих мучеников и тружеников… «Я на темени горы! Вефиль – передо мною! Разбросы камней, развалины, колонны под моими ногами; итак, Порфирий, ты стоишь на месте Гая! – воскликнул я от радости и приветствовал сам себя с открытием…» «Я отдыхал телом на вершине скалы Ваасес и работал умом, советуясь с Библией. Особенная радость души, любящей помянуть дни древние, служила наградою за мои труды и любопытство. Посему легче серны спустился я со скалы и примкнул к своей дружине, которая заметила на лице моем

особенный отсвет радости души, познавшей истину…» «Господи, Ты Боже мой! Мне, гиперборейцу костромскому, довелось быть в Триполи. Финикияне были славные удальцы, а костромичи славнее их. Какой финикианин был на Волге, где и Кострома стоит? А я вот пройду, прогуляюсь по стенам финикийского города и несколько рад плюну, потому что нельзя не плюнуть в городе: это естественно».

«Завтра – новый год! Порфирий! Помни смерть, помни вечность, храни веру, надежду и любовь и служи науке, а все прочее – трын-трава, – аминь…»

Будучи настоятелем русской посольской церкви в Вене, он совершил свою первую ученую поездку – по Далматскому побережью. В 1843 году командирован на Восток для изучения нужд Православия. После трехлетнего путешествия по Палестине и Сирии, во время которого он составил ценное собрание древних рукописей и книг, он был назначен начальником иерусалимской миссии и занимал эту должность до начала восточной войны. В 1858 году он еще раз был командирован на Восток и, пробыв там три года, вывез обширнейшую коллекцию древних книг и рукописей – на греческом, сирском, арабском, эфиопском, грузинском и других восточных языках; а равно рукописей церковно-славянских им собрано столько, что, по замечанию специалистов, «целой четверти столетия мало для простого их описания». Где они теперь?

В 1865 году Порфирий возведен в сан епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. В 1878 году назначен членом Синодальной конторы в Москве. Ему принадлежит честь открытия знаменитого синайского кодекса Библии IV века; он же нашел и издал четыре беседы Фотия, патриарха Константинопольского. Важнейшие труды его: «Письмена Кинея Манафы на синайских утесах»; «Вероучение египетских христиан», «Христианский Восток», «Мнение о синайской Библии», «Путешествие в Нитрийские монастыри в Ливии», «Богослужение абиссинцев», «Восток Христианский. Сирия»; «История Афона»; «Первое путешествие в афонские монастыри и скиты»; «Проповедники в патриархатах восточных и их проповеди»; «Второе путешествие в афонские монастыри»; «Дионисий Ареопагит и его творения»; «Афонские книжники». Заслуживают внимания его труды, хранящиеся в

рукописях: окончание истории Афона, юридические акты афонских монастырей, путешествие по Италии, по Фессалии, Едемские народы и много других работ.

Занимаясь по преимуществу историей и археологией Христианской Церкви на Православном Востоке, епископ Порфирий был неустанным инициатором и рукописных разведок. Довольно долго жил он там с официальной миссией. Вернувшись в Россию, он привез с собою богатое собрание греческих рукописей, древних икон и других древностей. Он пожертвовал Киевскому церковно-археологическому музею драгоценную, единственную в своем роде коллекцию древних икон, собранных на Востоке. Под редакцией академика П.А. Сырку издан его дневник: «Книга бытия моего» (4 тома, СПб., 1894–1897 г.), из которого и взяты нами выше приведенные его строки…

Скорее антикварий и эрудит, чем исследователь, епископ Порфирий, однако, в своих книгах заложил твердый фундамент для последующей разработки византийских древностей…

В «Рассуждениях о четырех беседах Фотия» он красноречиво пишет: «Труд мой кончен. Благодарю Бога, сподобившего меня найти «Беседы Фотия», и уделившего мне дар понимать язык его. Радуюсь тому, что эта книга, сего дня моя, завтра будет общая. Иди, книга, в мир и поведай ему великие дела Божии, оповещенные светозарным Фотием. Я перевел «Беседы Фотия» не дословно, как переведены наши церковные книги, но передал буквальный смысл их с точностию, позволив себе только укладывать русские слова так, как требовала плавность нашей речи, и кое-где укоротил длинные периоды Фотия. Что касается до разных тонов речи этого витии, то они, смею сказать, не понижены и не повышены мною. Резки, печальны, веселы, отрывисты они у него – таковы и у меня. Все аккорды Фотия я изучал с особенным старанием, дабы перевод мой был полное эхо сердечного витийства его, довольно ярко выраженного даже в следующих изречениях его: «Пророки – языки Бога». «Иконы изобрела любовь к Господу». «Икона Матери Слова – радость очей и веселие души». «Грехи – подтопка вечного огня». «Молитва веры есть сила». «Православие без икон угрюмо». «Храм св. Софии – это небо на земле, это рай вторый…»

Прекрасно и признание епископа Порфирия о многолетнем своем странничестве: «Чем ближе я подходил к цели путешествия моего, тем более сокрушался, сравнивая самоотвержение свое с совершенным самоотречением нитрийских Отцов и погружением их в Боге. Внутренний голос говорил мне: они не двоились между Богом и миром, за то Бог не растешет их полма (то есть пополам); а ты? А тебя? На эти два вопроса отвечали две слезы мои…» М.К. Павловскому писал он: «На вопрос ваш, «что с вами, мой святой странник?», не знаю, что ответить. Я пока подобен кораблю, борющемуся с треволнением в непроницаемом мраке. Только один тринадцатый разложился и исчез подо мною: это распространенная здесь одним сановником тревога, будто я в Риме вделался папистом. Прочие же волны обуревают меня сильно. Но поелику Кормчий мой Господь, то я ничего и никого не боюсь и бестрепетно плыву к пристанищу, какое для меня избрано Им, Всеведущим и Владыкою моим. Воля моя – вся в воле Божией…»

Огромные приобретения его на Востоке мало оценены. Начальство почти всегда относилось к нему сухо. Из Киева, где он был викарием при митрополите и предавался ученым трудам, его, против желания, перевели в Москву. Там он и прожил последние годы своей многопечальной и многотрудной жизни. И когда настал последний день, он отошел ко Господу, Которому предан был и по воле Которого жил.

Да возрадуется душа твоя пред Господом, Преосвященный владыка Порфирий! Помяни там, у престола, и нас, любящих тебя и чтущих болезни и труды твоя.

Одухотворенная душа

Бог образовал в человека пыль от земли – земли, которая дала рай. Он образован не вполне из той земли, которая произвела животных, и составлен из нее более тонким, так сказать, особенно художественным действием творческой силы Божией. По этой стороне состав его невысокий и более хрупкий, чем у животных («Пыль», ср.: Быт.3:19).

Но что еще более, даже бесконечно, до власти возвышало человека над животными, так это вдутое в лице его (букв.: «в ноздри», откуда

дыхание, символ жизни) «дыхание жизни», «дух», понятие более широкое, которое в такой связи означало бы Духа Божия, и не «душа», животная душа, которая является результатом этого вдохновения («…и бысть человек в душу живу»), а какое-то особое дыхание Божие, неотделимо отделившееся от Самого Бога и давшее человеку право на название «божественный»…

Не духовное прежде, а душевное, потом духовное (1Кор.15:46). У не-христиан душевная жизни проходит вполне автономно: люди продолжают ходить своими путями (Деян.14:16). Христианством началась духовная фаза жизни. Эта фаза закончена во Христе и с Ним сокрыта в Боге с тем, чтобы откровение ее чрез явление Христа было откровением и в жизни каждой отдельной личности. Духовное – скрытое состояние каждого христианина. Оно скрыто в процессе личной жизни и в тайниках Божественной воли. «Когда душа взойдет к совершенству Духа, очистившись от страстей, и придет в неизреченном общении в единение с Духом Утешителем и срастворяемая Духом сама сподобится стать духом, тогда делается она вся оком, вся духом, вся радостию, вся упокоением, вся радованием, вся любовию, вся милосердием, вся благостию и добротою. Как в морской бездне камень отовсюду окружен водою, так и люди, проницаемые Духом Святым, уподобляются Христу, имея в себе добродетели духовной силы, внутренно пребывая непорочными и чистыми. Обновленные Духом как могут производить наружно плод порока? Напротив того, всегда и во всем сияют в них плоды Духа» (Св. Макарий Египетский). Душа одухотворяется, преображается, перемещая центр личной жизни в духовную область и тем самым возвращаясь в свое естественное состояние. Душа остается душою, пока не создана для нее духовная обстановка. Святой Дух внутренне, таинственно, и внешне, чрез слово, проникает до разделения души и духа. Это значит: руководимая свыше человеческая личность получает возможность рассматривать себя в двойной перспективе: с одной стороны, она развивается в условиях текучего времени, с другой – в ней совершается откровение вечности; с одной стороны она живет жизнью всей природы, с другой – ей свойственна жизнь духовная. «Душе, истинно во Христе верующей, должно из нынешнего порочного состояния перейти в состояние иное, доброе, и нынешнее уничиженное естество изменит в естество иное,

божественное и сделается естеством новым при содействующей силе Святого Духа. Тогда она может стать своею для Царства Небесного. Достигнуть же этого возможно только нас, верующим, любящим Господа и исполняющим святые заповеди Его… Господь здесь еще пошлет легкого, удободвижного, благого и небесного Духа Своего, и Им душу, погрязшую в водах лукавства, облегчит, окрылит, изнесет в небесные высоты, претворит и изменит собственное ее естество» (Св. Макарий Египетский).

Однако душа в своих двойственных состояниях остается целостной, неизменной в связи со своим телом до последнего дня (1Фес.5:23). И если бы было иначе, то и тело наше, подобно Христову, изменилось бы в духовное тело славы. Дух в земных условиях бытия не есть личный независимый центр жизни, а лишь известное состояние человеческой души: дух усвояется Апостолом лишь возрожденному человеку. Духом у Апостола названа душа, как седалище Бога Живого, воспринявшая благодать и действующая в сфере Святого Духа (2Кор.6:1,6,16), а скверною – возвращает вспять (14–15 ст.). Плоть противостоит духу. Душевное в порядке бытия должно вырасти в духовное. Как тело без души мертво, так и душа без духа мертва…

Человек поставлен в необходимость подходить к христианской культуре отрицательным путем: самоотречения и борьбы с духом мира сего на арене собственной плотяности. Апостол молится о восстановлении человеческой природы силою Святого Духа. Действующая сила Божия не остается без практического результата и для данного времени, сохраняя целостной, не опороченной страстями природу христианина, и его тело и душу, украшенной духовными дарованиями. Душа одухотворяется, но все же остается неизменным носителем жизни до конца мира. Характерная черта христианина в том, что он – носитель Святого Духа, силою Которого изменяются его отношения к Богу, к миру и к самому себе. В нем идет процесс одухотворенности. Строится новое состояние души. И когда в процессе строительства в нем умножится благодать, тогда ничтожным делается для него страх смерти. Он уже на пути к праведности, и ради нее готов терпеть скорби, как нечто должное, ради будущих благ. Радость наполняет его душу и любовь торжествует в нем. Из под старого рубища выходит новое творение по

Богу, новый богоподобный человек (2Кор.5:17; Еф.4:24). Закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти…

Сейчас прилично напомнить о той радости, которую Спаситель нам уготовал в будущей жизни. Выше души – дух, сила, обращенная к Богу и вещам Божественным. Враги духу – неверие, забвение Бога, бесстрашие, бессовестность, вражда к священному, отчаяние. Победа над ними: вера в Бога и преданность Ему, любовь, надежда на Него, сознание вездеприсутствия Бога, постоянное обращение ума и сердца к Нему, непрестанная молитва.

И еще – пребывание в храме, которое становится столь сладостным, что не хочется выходить из него. А когда кто входит в него, такую чувствует в себе силу, что не боится он никакого врага.

Таков путь и метод для постепенного созревания в духовного человека в этом кратком изложении.

Златоуст о Писании

Епископ Феофан Затворник напоминает: «Господа ради не забывайте прочитывать святого Златоустого, какая бы книжка его вам ни попалась. Он писал просто, без приготовлений, так, как вещи зрелись его духом и мысли о том слагались в сердце. Многое у него с первого раза кажется ничтожным, но продолжайте далее и найдете сокровище, которому нет цены… В каждой почти беседе найдутся изречения, изображающие сокровеннейшую жизнь духа. Это изучайте и держите то в сердце на случай беды и нужды».

Опытный в делах духовных, великий Затворник дает добрый совет, дабы им воспользовались в изучении Писаний. Каждая строчка творений Златоустого может зажечь сердце и укрепить мысль в возвышенном впечатлении. В час нужный его мысли будут, как хлеб насущный для души. И тот, кто собирает их, делает то же, что тот, кто бережет копейку на черный день. У одного старца были исписаны все стены такими мыслями. Изречения эти родились в душе старца при чтении писаний отеческих. У иного возникли они при чтении слова Божия, а у некоторых, как бы луч солнечный проникал в сознание и изливался на бумагу в часы молитв и подвигов…

Златоустый на текст в посл. Колоссеем: «Слово Христово да обитает в

вас обильно,» пишет: «Да вселяются – учение, догматы, убеждения, по силе которых настоящая жизнь и ее благо – ничто. Если бы мы видели это, то никакие затруднения не показались бы нам непреодолимыми. Есть у тебя Слово Божие – никто не научит тебя так, как оно. Послушайте, прошу вас, все привязанные к этой жизни, приобретайте книги – врачевство души. Если не хотите ничего другого, приобретайте, по крайней мере, Новый Завет, Деяния Апостолов, Евангелие – постоянных наших наставников. Постигнет ли тебя скорбь, приникай к ним, как к сосуду, наполненному целебным веществом. Случается ли утрата, смерть, потеря ближних – оттуда почерпай утешение в своем несчастии. Или лучше не приникай только к ним, но принимай их внутрь и храни в своем уме. От незнания Писания – всякое зло. Легко спастись с Писаниями, а без них невозможно…»

Если такой независимый, широкий ум, как у епископа Феофана, искал однако подкрепления своим толкованиям у Златоуста, нам и подавно прилично искать разъяснений в свою очередь у епископа Феофана. Его толкования – самый великий и драгоценный подарок Церкви. Читаешь его, и в сердце – огонь; в уме – свет и очевидность. Божественное все, чрез ощущение в сердце, делается познанным. Богаче, утешительнее и назидательнее предмета для бесед и быть не может, как судьбы уст Божиих, то есть, все то, что Господу угодно было сказать нам, сделать для нас и установить среди нас, для нашего спасения. Душа очищается, когда слышишь Слово Божие, хотя бы и не удерживала в памяти всего, что слышала. Сила совсем не в словах, а в мыслях и чувствах. Иной раз, читая Евангелие и послания, ум до того бывает занят Господом, что весь мир забывается совершенно, как будто ты в нем и не родился… Такова беспредметность содержания в Писаниях. Когда мы предадимся чтению Божественных Писаний, то и здесь, на земле достигнем блаженного состояния. Чтением их душа возбуждается и освещается сиянием солнца правды, освобождается от злых помыслов и наслаждается покоем и тишиной. Оно имеет такую же силу для души, какую чувственная пища для телесного здоровья. Оно укрепляет мысль, делает душу сильнее, постояннее, более склонною к мудрости, не позволяет ей увлекаться бессмысленными страстями и дает ей легкость и как бы крылья, на которых она может возноситься на

самое небо. Через Св. Писание с нами говорит сам Бог, а слова Его дух и жизнь… (Ин.6:63)

«По настоящему, нам не следовало бы иметь и нужды в помощи Писания, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вместо книг служила нашим душам благодать Духа, и чтобы наши сердца были исполнены Духом. Если же мы нуждаемся в Писании и не привлекаем к себе благодати Духа, то какова, подумай, будет наша вина?» (Злат.)

Читая св. Отцов, писавших на основании Слова Божия и Предания, принятых в Церкви, мы слышим слова Самого Бога. Христос неотделим от Церкви; Он живет в ней. Принадлежа Церкви, мы принадлежим Христу. Очень многие святые Отцы оставили нам свои писания. Ими мы назидаемся и спасаемся, как и Словом Божиим. Они внушали: «Нельзя спастись, если не читать часто духовных книг. Как железо, не бывая в употреблении, покрывается ржавчиной, так и душа чахнет, если покинет чтение. Как отрадно, когда духовная пища делает душу крепкою, возвышенною – переносит ее на небо. Пророк Слово Божие сравнивает с огнем. Выходя из уст проповедника, оно быстро течет и слегка только согревает, а написанное в книге остается навсегда. И того, кто долго стоит около этого огня, согревает и воспламеняет. Поистине чудесна внутренняя самоубедительность и сила Слова Божия для углубляющихся в него. Да и то утешительно, что кто с Словом Божиим, тот всегда со Христом.

Писание не имеет в виду красоту слов и сочетание их. Оно само в себе имеет Божественную благодать, сообщающую блеск и красоту слова его… «Где есть духовные книги, оттуда прогоняется всякая сила дьявольская, и живущим там бывает великое назидание в добродетели. Один вид книг делает нас воздержаннейшими на грех… Если диавол не дерзает проникнуть в тот дом, где есть Евангелие; тем более души, усвоившей себе мысли Писания, не коснется и не нападет ни бес, ни грех… Духовное чтение освящает и привлекает благодать Духа» (Злат.).

Как гармонично звучат слова св. Исаака Сирина: «Постоянное изучение святых Отцов – непостижимое удивление и Божественное веселие души…» (64 сл.)

Не губите время на суетное и ложное. Радуйтесь и благодарите Бога. Сам Господь предлагает нам Свое Царство и дает силу вселиться в него. О Божественное, о любезное снисхождение к нам грешным!

Душевность и духовность

Душевный человек желает познать все своим умом. Для него истинно только то, что ему кажется таковым. Его цель жизни – покой и земное счастье. Привыкает он ко всему чувственному. Невидимому, духовному он не уделяет своего внимания. Не углубляется в то, что предлагает премудрость Божия. Открываются нам Духом Божиим догматы по вере, наперекор уму. Предлагается от своих мудрований отказаться и предать всю свою жизнь в руки Божии. Указывается цель за гробом, ради чего надо принести в жертву свое земное счастье, довольство и покой. Бог повелел жить так, как бы ни тела и ничего видимого не было: созерцать одно невидимое, к нему устремляясь всем сердцем – такой должна быть наша подлинная жизнь…

Противоположны требования духовной премудрости Божией и настроения душевного человека. Душевный человек не принимает требований духовной премудрости. Юродством они кажутся ему, и он ничего в них понять не может. Чтобы принять и уразуметь духовное и видеть в нем мудрость, для этого надо душевному человеку перестать быть душевным. Мы имеем в самом естестве своем духовный элемент – дух, вдунутый в лице Адама. Ему свойственен страх Божий, требования совести, недовольство всем вещественным. Когда душа, как сила, распоряжающаяся земным бытом, берет верх над духом, он бывает заглушаем, но никогда не уничтожается. Он всегда есть внутри и тотчас подает голос, как только откроется случай. Апостолы повсюду, особенно среди язычников, встречали преимущественно людей душевных. На чем же основывалась надежда успеха, раз душевный не приемлет ничего от Духа Божия? На том, что как ни душевен кто, в нем есть дух, который, под действием благодатной проповеди, поднимал голос в нем и принуждал его слушать и соглашаться. Конечно, в разной степени. У одного дух еле-еле просыпался, а у другого рвался с такою силою, что тут же совершалось и обращение. Тот же, кто оказывался всецело душевным, затыкал уши и бежал от проповедника или шел против

него. Погрязший в душевности не вмещает внушений Духа, но понимает их и отвергает. Сродный элемент духовного человека приковывает свое внимание к явлениям духа, и он обновляет его в таинствах. Он уже не своим только духом обсуждает, что от Духа Божия, но и оживотворившею и вселившеюся в него благодатию. Он вступил в область духовную, и благодать Духа вводит его постепенно в познание того, что от Духа Божия. Душевный человек не может понять духовного ни с какой стороны, ибо то, чем тот живет, для него неведомая земля. А в сущности, ведь благо настоящие не имеют никакого достоинства. Они ничтожны, тогда как благо будущие вечны и неизменны. Духовный знает, чем будет наслаждаться верующий, переселившись отсюда; а душевный не знает ничего. В духовном человеке есть ум Христов – дух Христов, Христовы у него созерцания, Христовы расположения, Христовы силы, планы, надежды – все Христово. Христова же ума, ума Господня никто из душевных разуметь не может, потому что у него все тот же душевный ум. Духовная область недоступна для душевного человека: понять он в ней ничего не может, не только как она может являть себя в нем самом, но и как она открывается в других лицах, духовно живущих. Златоуст поясняет: «Мы знаем то, что в уме Христовом, чего Он хочет и что открыл нам. Дух открыл нам то, дабы кто не отвергал Сына. Все наше знание не есть человеческое, и потому подверженное сомнению, но есть знание ума Христова и духовное. Разумение, какое мы имеем, есть Христово, то есть познание, которое мы имеем о предметах веры, есть познание духовное, а потому действительно о нас судить никто не может, ибо человек душевный не может знать предметов Божественных. Наше разумение этих предметов есть Христово разумение. Разнообразно духовный опровергает внешнюю мудрость и показывает, что он знает больше и лучше. Мы только таким образом (то есть, имея ум Христов) можем видеть и познавать предметы высокие, таинственные и находящиеся выше нас; а разум оказался недостаточным, потому что посредством мирской мудрости мы не можем постигнуть то, что выше нас. Мы же ум Христов имеем, то есть духовный, Божественный, не имеющий в себе ничего человеческого; Свое ведение Христос сообщает нашему разуму. И Христос Сам доказательством совершенного дружества представляет то, что Он открыл нам тайны: «Вы друзья Мои; ежели исполняете то,

что Я заповедаю вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я называю вас друзьями: потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин.15:14-15), то есть вверил вам. Если же и одно только доверие служит знаком дружества, то помысли, какую любовь выразил Он, вверив нам тайны не на словах только, но сообщив их на самом деле. Устыдимся же; и если не слишком устрашает нас геенна, то пусть будет для нас страшнее геенны оказаться непризнательными и неблагодарными к такому другу и благодетелю…»

Вы – плотские, взывает Апостол. Это видно из того, что в вас действуют страсти: зависть, ревность, распри. Благодать Духа приходит, чтобы истребить их и очистить от них природу нашу; но истребляет не сама, а помогает в этом нашему подвигу, нашему стремлению, которое само по себе никакого в этом деле успеха иметь не может. Когда же замолкнут страсти помощию благодати, тогда благодать Духа воссияет в подвижнике, и он весь станет духовным. Такой есть достойное вместилище тайн премудрости Божией…

Слова Господа: «Царство Мое не от мира» (Ин.18:36) и проч., что означали, как не вразумление? Все распинатели могли это знать, но не вразумились. Премудрость Божия была здесь прикровенна, и они видя не видели. Но почему не видели, в этом была их вина. Они были пропитаны духом века и ничего не хотели знать, кроме мудрований человеческих, и это не по неволе, а как плод их свободной жизни. Дух века противоположен премудрости Божией, и «князи» века сего не разумеют ее, потому что у них совсем не тот склад ума, не те вкусы сердца, не те планы жизни. Но как тогда, так и всегда. Сыны века сего не могут уразуметь премудрости Божией и готовы распинать ее все по той же причине – что она неприемлема для них, будучи противоположна их коренным началам. Как же мы познали и вошли в созерцание тайн Божиих? – Не внешнею мудростию, которой, как презренной рабе, не дозволено входить внутрь и видеть тайны Господни. Таково различие между мудростью душевной и духовной. Одна научила нас тому, чего не знали Ангелы, а та сделала противное, не только не научила, но еще служила к тому препятствием и, когда все совершилось, затмевала события и уничтожила крест…

Божия никто не знает, кроме Духа Божия. Иного пути к познанию премудрости Божией нет и быть не может. Или чрез нас у апостолов учитесь, или оставайтесь вне, в неведении и непонимании дела. Нам последуя, не нами будете научены, а Духом Божиим ради вашей веры. Вера делает душу восприимчивой к тайнам Духа Божия. В этом и есть все искусство нашего спасения. Надо искать его, желать его смиренным сердцем. Кто помимо такого живого метода, в гордости своей, захочет познать Творца своим умом, тот слеп и неразумен.

Вера как знание

Если вера – дело благодати, при чем здесь человек? Можно ли говорить о полной сознательности, свободе такой веры? – Действие благодати нельзя понимать так, будто она уничтожила человеческую свободу. Она лишь дает побуждение, зажигает доброе влечение, самое же решение, следование этому влечению, согласие на него есть дело воли. Необходимо предположить, что действия благодати, самой по себе недоступной чувствам и сознанию, воспринимаются все-таки сознанием. Пусть вера – дело благодати. Но благодать только влечет к ней, представляет данные, просветляет наше сознание. Вера же в собственном смысле есть уже дело человека. Если благодать лишь влечет свободу и действует при посредстве сознания, то такое участие благодати не исключает понятия о вере как знании. Божественный промысл дает нам все необходимое для Богопознания и достижения веры. Как Божественный промысл не исключает действия естественных сил природы и человека, так и участие благодати в деле веры не исключает действия свободы и естественных познавательных сил человека. Если и благодать действует на сознание и волю, давая им видеть неоспоримые основания истины, то и проистекающая отсюда уверенность или вера будет тем же знанием. Неверие везде в Священном Писании приписывается свободно являемому жестокосердию или малодушию людей, а не неведению. Господь говорит: «верующий в Него не осудиться, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет; потому что дела их были злы; ибо всякий делающий злое ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы»

(Ин.3:18-20). Здесь причиною неверия признается не столько неведение, сколько нежелание согласиться признать истину. Нам дано все необходимое для познания веры. И внешняя, и внутренняя природа учит нас общим и основным истинам веры. И сверхъестественное откровение, свидетельствуя свою истинность всеми возможными доводами, сообщает нам всю необходимую для спасения полноту ведения в деле веры. Вера для желающих и стремящихся к ней может всегда стать знанием. Нужно только искренно желать и стремиться познать истину, и она себя не заставит ждать. Там, где ослабеют наши силы, сама истина придет нам на помощь. Мы знаем, Премилосердный не отверг ни благочестивого язычника (Корнилия), ни фанатического преследователя Своей Церкви (Савла), но, первому послав Ангела, второму же явившись Сам, обоих привел на путь так искренно, так страстно желаемой ими истины. Он Тот же и ныне, Тот же и всегда. Для Него нет времени и изменений. Кому более дано средств к познанию веры, чем тем, кто, став членом Церкви, с колыбели имеют залог Духа Святого? Остается лишь развивать благие задатки, помня, что высшие дары даются нам не для того, чтобы мы бездействовали, но чтобы приумножали, в служении Господу, данный нам талант. Одному дается пять талантов, другому два, а третьему один. Нам не только даны средства познать истину веры, но и требуется от нас, чтоб мы ими рационально воспользовались, достигая этого познания. Исполнили мы это, нам вменяется в добродетель, не исполнили – в грех. Как верить, так и не верить зависит от нас – от нашего желания или нежелания, а не от невозможности убедиться, разумно познать истину веры. Неверующие осуждаются за то, что, имея возможность познать истину, тем не менее не пожелали они ее знать. Верующие спасаются тем, что, познав истину, с любовию ее принимают. Вера вменяется в добродетель потому, что она есть добровольное сознательное принятие истины. Чтобы вера была нравственно добрым действием или состоянием, она должна быть разумно-сознательным убеждением. По учению Священного Писания, веря является первою добродетелью. Она по самой идее своей является вполне свободным, разумно-сознательным убеждением. «Счастлив, кто великими порывами чистого ума созерцает блеск небесных светов» (св. Григорий Богослов). «Знания увлекали более грубых, а более

разумных пророчества и учения» (св. Златоуст). «В рассуждениях о Боге преимущество принадлежит вере – вере, а не доказательству. Вера, влекущая душу к признанию, сильнее логических доводов; вера, появляющаяся не в силу геометрических необходимых положений, а в силу действия Духа. «О имени Иисуса Христа Назарянина, встань и ходи»! (Деян.3:6) За этим воззванием следовало дело силою Духа» (св. Василий Великий).

Вера ничем не отличается от какой угодно науки, так как и в ней первые начала недоказуемы…

С отвержением Бога отвергается все разумное в мире, все делается случайно и бесцельно. Человек является лишь какою-то загадкою, пустой игрой случая, ничтожной, скоропреходящей, без смысла и цели, тенью, не минуту подымающейся и сейчас же исчезающей легкой зыбью среди безбрежного моря. Все планы человека, его задушевные мысли – пустая мечта, все его стремления и деятельность – одна суетливость. Пахнул ветер, и все исчезло, от человека не осталось и следа, лишь мятется и крутится все в своем водовороте, и с какой-то бессмысленной яростью, будто с досады, губит все рождающийся бурный вихрь. И как бы в насмешку, сам того не зная, жалобно и пронзительно, раздирая душу, завывает он над этой вечно глупой роковой трагедией мира…

Христианство, полагая в основу всего веру в Бога, с своей стороны само верит в человека, в его возвышенность, честность, в силу которых он придет к Нему, сам покорится Ему сознательно и свободно, по любви, за Его внутреннюю истинность и красоту. Чем сильнее вера, тем смелее исследование. Чем разумнее вера, тем лучше. Как в нравственно-деятельной области идеалом для нас является Сам Отец Небесный, так и в познании остается им Он же. Святая Церковь как бы говорит всякому: погляди и убедись, что во мне истина, и не отвергает никаких способов убеждения в истине. Православие говорит: если хочешь быть моим, верь, чему я учу. Не требовать веры значило бы не требовать от человека быть человеком. Церковь верит в человека, признает, что где ослабевают наши естественные силы, там является всевосполняющая благодать. Православие не боится свободы исследования. Вера свободная, сознательная – идеал Православия. Христианство не боится света и

свободы. Видит их развитие – стройное и верное развитие всех лучших задатков человеческой души. Свет и свобода по самой природе своей – самый верный союзник Христианства. Не мрак умственный, не рабство ставит своею целью Христианство. Его цель свобода. Стройное, вполне гармоническое слияние в одной общей жизни Божества и человечества всегда есть и будет идеалом Христианства.

Тайна спасения

Не сильными, не знатными, даже не учеными и не умными людьми крепко Царство Божие, а людьми святыми, благочестивыми, ищущими прежде всего и выше всего Царства Божия. «Ты, Христос – несветлая ночь для неверующих, а для верующих – Ты просвещение чрез сладость Твоих словес».

Евангелие Твое, Господи, наше драгоценное сокровище. Оно мудрость и сила. И все, кто оставят ради Спасителя плотское, получат духовное, сторичное. Верный ученик за свою любовь ко Христу получит все – так учит Господь, чтобы он не ослабевал среди гонений. Истинного ученика Христова и во время гонений напитают от имений своих так, что он явится как бы обладателем этих имений, пользуясь всем насущно ему необходимым. Таковы свойства христианского обладания. Ученики должны знать, что награды даются по милости Божией, по благодати, а не по долгу. При награде первые будут с последними, то есть получат то же, что и последние; и наоборот, последние получат то же, что и первые, то есть будут как первые.

Естественно, что этот закон Божественной Правды одних смиряет, других – ободряет и утешает. «В Царстве Небесном нет ни одного человека, который бы производил такие споры и жалобы; и быть не может, потому что там нет места ни зависти, ни недоброжелательности» (св. Златоуст).

Работа в винограднике Церкви Христовой может быть более продолжительною или менее продолжительною, может совершиться в более трудное или в менее тяжелое для Церкви время – смотря по тому, когда Христос призвал нас на делание. Но всем трудящимся – первым и последним – будет дана награда за труд – «динарий».

Требуется только верность служения Господу в Его винограднике. Поэтому не должно иметь места никакое горделивое самопревозношение своими трудами, и при самых, по видимому, великих подвигах нужно смиряться. Как в виноградник Божий мы призваны по благости, так и награда дается по благости, а не по долгу. Иудеи призваны прежде, язычники после, но те и другие получат «динарий». Под «динарием» разумеют вечную небесную славу, вечное блаженство, или вечную жизнь, которая будет дана всем трудившимся в винограднике. Но этим не исключается, что будут разные степени участия в этой славе в этой славе или в небесном блаженстве. Соотношение между трудом и наградою определяется по милости Божией, которая и «последних» вознаградит так же, как и первых, но может вознаградить и более. Ближайший смысл раскрывается так, что последние будут – как первые, и первые – как последние…

Велико милосердие Христа Спасителя ко всем отверженным, погибающим, которых Он ищет спасти, как добрый пастырь отыскивает в горах заблудшую овцу… Где Христос, там всегда спасение, там – и жизнь вечная. При Его втором пришествии, когда каждому будет воздано по делам его, и упорные, неисправимые враги Христовы будут наказаны вечною погибелью. Царство Христово не внешнее, а внутреннее, а потому от каждого его члена требуется постоянный труд, подвиг и самоотвержение. Паруссия не близка, но и не отдаленна, а она наступит неожиданно… Неверный раб, которого благодать не коснулась, не проникла в его сердце, забывает, что мины раздаются не для обогащения господина, а для испытания рабов, их собственного обогащения. Кто хранит мину «во убрусе» – только считает себя последователем Христа; для него блага, дарованные Господом, суть нечто совершенно внешнее, постороннее, юридически только хранимое. Такому неверному рабу лучше бы уступить свое место другому, оставить то служение, к которому он призван. Будь верен христианскому званию и состоянию. Не смущайся, если для пользы Церкви тебе дано меньше, нежели другому, ибо, при верном пользовании полученным даром, награда будет одинаковая…

Господь, разъясняя силу веры, которая может творить чудеса,

говорит о необходимости прощения обид, чтобы ученики не злоупотребляли дарованною им чудесною силою, которая дается им в созидание, а не на разорение (2Кор.13:10)… На словах Господа незыблемо утверждается и то, что государство и Церковь – области различные. Не может быть государственной Церкви, как не существует и церковного государства…

Но, будучи различными, эти две области не противоборствуют одна другой: истинный член Царствия Божия, которое не от мира сего, может и должен быть и верным гражданином. Ценность обоих областей неодинакова: «воздадите Кесарева Кесарю» получает для себя высшее обоснование в дальнейшем: «Божие Богови». Если бы иудеи действительно исполняли обязанности по отношению к Богу, то и самого вопроса об уплате подати Кесарю у них не возникало бы, ибо зависимость их от римлян определена Богом за их неверие…

Не по сребролюбию только неразумные девы запаслись недостаточным количеством елея, а по своему нерадению, по духовной косности. Они имели светильники с налитым в ни елеем – они уверовали во Христа и получили освещающую их при крещении благодать. Но они не имели духа горящего и пламенеющего, не имели веры, споспешествуемой любовью (Гал.5:6). Жизнь христианская есть постепенное возрастание, умножение верующим елея, то есть добродетелей христианских, при помощи полученной благодати. Неразумные же девы принадлежат к Церкви внешним образом, нет в них горения духовного, нет внутреннего сродства со Христом. В неразумных девах «нет непрестающего света, ни непрестанных добрых дел» (блаж. Иероним). Нельзя «довольствоваться посредственностью, которая скоро иссякнет и, когда поднимается жар, высыхает,» но должно «следовать совершенной добродетели, чтобы иметь свет вечный» (там же). Здесь мысль та, что покаяние в день суда уже бесполезно и потому необходимо запастись елеем доброделания здесь, на земле. В день суда, «если изменять нам собственные наши дела, то никто не будет в состоянии помочь нам, и не потому, что не хочет, но потому, что не может» (св. Златоуст). Так Господь научает нас духовному бодрствованию, в виду неизвестности дня Его пришествия…

Так говорит мудрость Божия, против которой мудрости этого мира –

сплошное безумие…

Без веры душа увядает, как цветок без света и влаги. Главная жизнь – в душе. И сколько бы мы ни услаждались плотскими грехами, душа не перестанет тосковать и томиться. Без Бога жизнь скоро теряет свою привлекательность. Жажда жизни угасает, как догорающая свеча. Сокровище веры дороже для нас всех внешних земных благ. Великое сокровище – вера, единственная пристань в грозном море земных скорбей и страданий.

Путь Христов

Учение Господа Иисуса Христа – истинный свет жизни, залог жизни совершеннейшей, радостной и свободной. Спаситель пришел пробудить духовные силы человека, и чтобы не зарывал он талантов в землю, не был трусливым и безответным рабом перед своим Господом, но с сыновней свободой работал бы на ниве и в винограднике своего Отца. Бог желает свободной любви человека, самого глубокого, искреннего общения с Ним. Он наш путь, истина и жизнь. Христианин Его любовью живет, Его благодатью питается, в Его свете видит свет жизни. К Нему же несет свое горе и радость, свои тревоги и сомнения, свой восторг и свой ужас от жизни…

Путь Христов никогда не может быть легким и просторным, как все другие пути, ведущие в погибель. Путь Христов остается и доныне узким, как узки и неприметны врата, ведущие в Царство Христово. Христианину необходимо отказаться от себя, оставить все позади себя и не оглядываться назад, делать свое дело на ниве Господней. Смысл жизни христианина – в соработничестве Богу, в служении делу созидания Царства Божия. Жить в этом мире по правде Божией и в слове, и в деле являться ее вестником, мужественно бороться с соблазнами жизни, свои печали и заботы возлагать на Бога, немощи и грехи свои очищать Его святостью, Его любовью… Христос – «не от мира», и за это ненавидит мир и Его Самого, а после Него и всех Его учеников (Ин.15:18-19). Мир учеников Христовых ненавидел и всегда будет ненавидеть. Господь предсказал им изгнание, страдание и смертную казнь. Все это исполнилось в жизни учеников, и последние выразили еще более страшную уверенность, что «все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы. А злые люди и

обманщики будут преуспевать» (2Тим.3:12-13).

Ученик Христа не может не знать, почему неизбежно так бывает. Только тот, кто умалится, как дитя, может принять Царство Небесное. Умалится, сделается кротким, незлобивым, чуждым всякого вида насилия и гордости, а «мир» будет всячески бить и поносить это добровольное дитя. Христос принес миру жизнь и радость, а удел учеников Его – печаль, страдания и скорби. Пока в мире существует горе и страдание, до тех пор это всегда будет уделом всякого нелицемерного слуги Христова. Следующие за Христом не могут быть богатыми в мире, пока царит в нем нужда и нищета. Христианин не может быть беззаботно веселым в мире, когда всюду в нем слезы и болезнь. Гордым не может быть христианин, потому что всякий недостаток в любимом является источником не радости, но скорби; мстительным не может быть христианин, потому что тогда он отпадает от общения со своим Спасителем. Насилием не может действовать последователь Христа, потому что в этом случае не по Его стопам пойдет он в своей жизни. А без всего этого, без богатства, без пресыщения, без самодовольства, без гордости, насилия, мести – без всего этого, что достанется в удел христианину, если не скорбь и лишения?..

Во все времена встречались люди, которые, иногда при самой жизни своей, а нередко по смерти, признавались за великих, праведных людей. А когда обратишься к сердечной исповеди этих носителей света Христова в мире, то поражаешься их искреннему, глубокому, сердечно-проникновенному сознанию своей греховности, своего бессилия, своего убожества. Если святые сознавали так ясно и больно свое ничтожество и с этим сознанием отходили к Богу, то и нам для духовного роста необходимо уклонение от зла, упражнение в добре, пост, молитва и сознание своего бессилия и ничтожества. Самодовольство и духовная самоуверенность говорят не о святости и совершенстве, но о гордости, недалекости и духовной ограниченности. Начало смирения, которое, по слову Христа Спасителя, уподобляет верующего Учителю, – есть неиссякаемый источник для сознания связанности со всем грешным и страдающим в этом мире. В своей духовной жизни христианин должен быть подобен ребенку, не задумывающемуся над своим ростом; полевой

лилии, не думающей о своей красоте; птице небесной, не заботящейся о завтрашнем дне. У христианина постоянное сознание, что сам по себе он – нищ и бессилен, а должен быть святым и помогать Богу в делании Его. Верующий, по мере опытного познания немощности своей, становится чище и совершеннее. Всегда смиряется, потому что никого не видит, кто был бы хуже и ниже его; всегда кается, потому что видит ясно всю красоту, несравнимую ни с чем, Божеского пути жизни и сознает свою отдаленность от него. Всегда плачет, потому что сознает свое бессилие осушить чужие слезы…

Тайна благодатной жизни раскрывается в нашей душе. Наша жизнь соприкасается с жизнью Божественной. Чтобы находить смысл жить ради Бога, чтобы хотеть быть в Нем святым и спасенным, недостаточно верить, что Он свят и прекрасен, но надо знать, всем существом ощутить, что Он – благ, что Он – родной мне, близкий, любимый и источник любви. Евангелие определяет основной закон жизни как закон любви к Богу всем существом своим. Сам Христос для сознания верующего освятил землю, по которой прошел Своим крестным путем и на которой незримо живет в Церкви и в лице всех обездоленных…

Жизнь и смерть Господа были тем живым семенем, которое должно было произрастить плод мног – Церковь Христову, которую Он приобрел Своею Кровию. С высоты Голгофы Христу видна была даль веков, Его сердце обнимало Своею любовью все будущее человечество, и как к Голгофе устремлялись все чаяния прошлого, жившего верою в избавление, так от нее же льется свет, несущий миру любовь и тепло, до края земли и на веки. Христианин есть не только ветвь, растущая на лозе истинной; но и продолжатель в мире дела Христова, служитель Его, участник великого домостроительства. Такими были прежде всего апостолы. Проповедывали они Христа миру, готовили себе приемников и радовались, что слово Христово распространялось по земле, и верили, что Царство Божие на земле будет расти до великого дня откровения в мире славы Христовой…

Две волны, сомнения и колебания, обуревают душу людей, желающих жить согласно Христу. Первая из них несет скорби, лишения, одиночество и отверженность каждому, хотящему в мире жить

согласно Христу; а вторая – бессилие всех трудов в делании на ниве Христовой, бессилие миллионов людей. И спасение от этих волн – только в надежде христианской. Без этого утешения, без надежды жизнь наша вообще немыслима. Прочтите Евангелие и весь Новый Завет, и вы встретитесь с удивительным фактом. Эти книги говорят, уча о жизни, что удел христианина в мире – подвиг и страдание, а призывают к радости; говорят о слезах, изгнании, унижении, а самих плачущих, изгнанных и униженных называют блаженными. Первые христиане страдали и изнемогали от тяжелого креста. И в то же время все радовались и славили Бога, считали свою жизнь, свое служение радостью, счастьем и благодарили Господа в каждом биении своего сердца. И не было в целом мире ничего такого, что могло бы сравниться с этой ценностью…

Кроме земли есть небо, открытое людям Христовым. Вера была тою побеждающей мир силою, которая претворяла печаль в радость, делала легким бремя Христово. Страдальцы пели восторженные гимны пред лицом смерти, и считали самые страдания в этой жизни ничтожными по сравнению с имеющим открыться блаженством в Царстве Христа Спасителя. Эта сильная вера сообщала смысл жизни и смысл страданиям в ней. Вера и надежда, споспешествуемые любовью ко Христу, укрепляют нас в постоянном сознании своего общения с Ним теперь и на веки. «Если терпим с Ним, то с Ним и царствовать будем». Вот девиз христианской жизни в мире, вот ее ласкающая надежда – «царствовать со Христом». Надежда христианская есть надежда отдаться любящему Христу. Ее психологически нельзя отделять от величайшего самоотречения ради Христа, от величайшего упования на Того же Христа. Первая требуется жизнью, второе предполагается верой во Христа, в Его победу над царством смерти и тления. Любовь всегда есть единение с любимым. Такова и любовь ко Христу. Она есть неизбежно единение с Ним, и в страдании, и в славе Его. В страдании здесь, а в славе там. Да и здесь, на земле, она делает любящего причастником вечной жизни. Она неизбежными делает страдания верующего в его единении со Христом и радование Ему, воскресшему, святому, крепкому и бессмертному. Поэтому для верующего в силу этой неразрывности любви спадают внутренние грани между жизнью и смертью. Смерти нет. Любовь, соединив человека с Богом, не может

прекратиться, так как вечен Бог и бессмертна душа человека, отвечающая любовью возлюбившему ее от начала. Любящий Бога – причастник вечной жизни и блаженства в каждый истинный момент и настоящей своей жизни, среди всех скорбей и страданий. Возлюбим Бога, как любить должно. В этой любви заключается Небесное Царство, наслаждение благами вечными, удовольствие, веселие, радость, блаженство. Вернее, ничто не в состоянии будет изобразить ее; но один только опыт может в ней нас и убедить, и утвердить. К этому опыту и поспешим дружно в этот краткий срок нашей жизни.

О спасении

Просто и кратко писать трудно, но необходимо. «Мудреность» мутит голову и создает в ней неустойчивость: нет удержу пытливой мысли…

Душа требует пищи духовной, и только Слово Божие и святоотеческие творения насыщают ее. Мы вправе считать писания епископа Феофана Затворника близкими к святым Отцам. Он влечет к себе своею безыскусственной формой изложения, ясностью и небесной простотой. К нему обратим сейчас наши взоры. Из его творений, как из глубокого источника, почерпнем сладкой и живой воды, текущей в жизнь вечную. Для нас он единственный и неповторимый учитель по данному вопросу. Без него все может быть расплывчато, неясно, туманно. Всю жизнь занимал его вопрос о спасении. И нас недостойных побуждает к тому же. Да поможет великий Святитель и нам хоть кратко изложить эту главнейшую тему, волнующую человечество…

Спасение предполагает в христианине деятельную жизнь, постоянное общение с Богом и решительное, при помощи благодати Божией, исполнение святой воли Его. Ревность Богоугождения очень похожа на огонь. Как во время пожара пламя охватывает все здание, так и огонь ревности объемлет и наполняет все существо человека. Соль предохраняет от гниения, а дух ревности, проникая все существо наше, изгоняет грех, растлевающий душу и тело, и тем спасает от нравственной порчи и разложения. Мученики охотно шли на смерть оттого, что их сожигал внутренний огонь. Богоугождение ревностное есть отрадное, окрыляющее дух, шествие к Богу. Надо все делать во славу Божию, наперекор живущему в нас греху. Без ревности

христианин – плохой христианин: вялый, расслабленный, безжизненный, ни тепел, ни холоден. И жизнь такая не жизнь. Жизнь Божественная пробуждается, когда проникает в сердце Дух Божий и полагает там начало жизни по духу, очищает и собирает воедино омраченные и разбитые черты образа Божия. Огонь ревности – это благодать Господня. Дух Божий, сходя в сердце, начинает действовать в нем вседействующею ревностию. Сила благодати проникает внутрь и восстанавливает Божественный порядок во всей его красоте.

Отвернувшийся от Бога останавливается на себе и себя ставит в основу всей своей жизни и деятельности. Имея от Бога полноту благ, но отступив от Него, он спешит чем-то себя заполнить. Образовавшаяся пустота, чрез отпадения от Бога, непрестанно вызывает в нем ничем неудовлетворимую жажду – неопределенную, но непрестанную. Словом, стал он бездонною пропастью. Весь свой век он в поте, труде и великих хлопотах. Отсюда понятно, что не удается ему никогда бывать в себе, а все – вне себя, в вещах суетных. От Бога, Который есть полнота всего, отпал; сам пуст; остается только разлиться по бесконечно-разнообразным вещам и жить в них. Так, грешник вечно жаждет, заботится, суетится о предметах вне себя, вне Бога, о вещах многих и разнообразных. Таким образом, характеристическая черта греховной жизни есть, при беспечности о спасении, забота о многом: многопопечительность (Лк.10:41).

Оттенки и отличия многопопечительности зависят от свойства образовавшихся в душе пустот. Пустота ума, забывшего о Едином, Который есть Все, рождает заботу о многознании, разведывание, пытание, пытливость. Пустота воли, лишившейся обладания Единым, Который есть Все, производит многожелание, стремление к многообладанию или всеобладанию, чтобы все было в нашей воле, в наших руках: это любоимание. Пустота сердца, лишившегося наслаждения Единым, Который есть Все, образует жажду удовольствий многих и разнообразных, есть искание тех бесчисленных предметов, в которых надеемся найти услаждение своих чувств, внутренних и внешних. Так, грешник непрестанно в заботах о многознании, многобладании, многонаслаждении. Он услаждается, овладевает пытает. Это – круговращение, в котором

кружится он весь свой век. Пытливость манит, сердце ожидает вкусить сласти и увлекает волю. У сатаны одна забота, чтобы то, чем человек весь занят, где все его сознание, внимание, сердце – было не Бог единственно и исключительно, а что-нибудь вне Его, чтобы, прилепившись к этому умом, волею и сердцем, он имел то вместо Бога, и о том только и заботился, о том разведывал, тем услаждался и обладал. Здесь не только страсти, но и ученость, художественность, житейскость могут служить путами, которыми и держит сатана ослепленных грешников в своей власти, не давая им опомниться…

Душа знает, насколько она бессильна – одна. Пусть же падает в уничижении пред Богом, пусть в сердце своем пред Ним обратит себя в ничто. Тогда вседейственная благодать из «ничто» сотворит в ней «Все». Кто, в конечном самоуничижении, предаст себя в руки Божии, тот привлекает к себе Его, сердобольного, и сильным становится Его силою. Всего ожидая от Бога и ничего от себя, надо и самому напрягаться к подвигу и по силе своей действовать, чтобы было к чему приобщиться Божественной помощи, было бы что осенить Божественной силе. Жизнь духовная есть жизнь «умная». Состоит она в переходе от мысленного Богообщения к действительному, живому, ощущаемому, являемому. В таинстве покаяния нисходит благодать ощутительно для духа, но потом скрывается от сознания. «Она поселяется в глубине ума. Благодать сначала озаряет душу своим светом так, что она может обильно ощущать его» (св. Диодох). Потом благодать скрывает себя от спасаемого и, хотя пребывает в нем и действует, но так, что тот не замечает этого и нередко считает себя оставленным от Бога и гибнущим. Потому Господь долго скрывает драгоценность этого животворного дара, чтобы мы, хотя бы и исполнили все добродетели, считали себя совершенно ничем, пока мы еще не восприняли святую любовь как постоянное настроение. «Хотя благодать и скрывает от души свое присутствие, однако же, подает ей помощь скрытым образом, дабы показать врагам, что победа принадлежит единственно душе. Поэтому-то душа бывает тогда в унынии, скорби, уничижении и даже умеренном отчаянии» (св. Диодох). Дело благодати после долгих испытаний показать свое присутствие, а там – душа от Духа радостно всыновляется. Бог Сам Себя вверяет сердцу, и человек удостаивается быть един дух с Господом. «Испытанный делается жилищем Святого Духа. Благодать

озаряет все его существо в глубочайшем каком-то чувстве» (св. Диодох). Царство Божие – радость о Дусе Святе. «Свет, сияющий в человеке, так всю внутренность пронизает, что он весь, погружаясь в эту сладость в приятном чувстве находится вне себя ради преизобилующей любви и таинств им созерцаемых» (св. Макарий).

Бог привлекается или деланием и трудом, или призыванием имени Иисусова. Первое место между подвигами давали молитве Иисусовой. Она просвещает, укрепляет, оживляет, всех врагов видимых и невидимых побеждает и к Богу возводит. Она всемогущественна и вседейственна. Имя Господа Иисуса Христа – сокровище благ и жизнь в духе. Это – живой союз, жизнь в Боге, утверждение в Нем всем существом: мыслию, сердцем, волею… Сам Ты, Господи, имиже веси судьбами, устрой мое спасение. Как связанный, буду идти, куда поведешь. В этом и есть акт решительной преданности Богу. Господь видит, о чем болит сердце наше, и не только видит, но, говоря по человечески, даже чувствует эту боль. А что сделать в отношении к этой боли, то знает один Он. Поскорее только, Господи, окажи нам Свою помощь. Даруй нам спасение, иначе душа падет в изнеможении… Тебя Единого ищу. Не лиши меня Твоего благоволения, Возлюбленный души моей.

Архиепископ Василий (Богдашевский)

Религиозная жизнь – море чувств, мыслей, стремлений. Христианство – что солнце в мире. Не Христианство безжизненно и мертво, как упрекают его атеисты, а сами люди своими грехами делают себя мертвыми и нечувственными для животворной силы Христианства. Христианство – солнце в духовном мире; без него душа человеческая обречена на мрак и холод. Только во Христе Свет, Истина, Путь и Жизнь. «Душа видит истину Божию по силе жития» (св. Исаак Сирин). «В какой мере ум освобождается от уз попечений, в такой и просветляется он» (он же). Вера – знание живое, внутреннее зрение истины. Вера – понимание, уразумение, высшая форма знания. Разумение сперва в сердце начинается, а потом уже и ум прозревает. Таковы прогнозы духовно просветленной внутренней деятельности всякого труженика пера, а в особенности духовного писателя.

Архиепископ Василий – духовный писатель замечательный. Он

истолковал Евангелие от Матфея (527 стр.) и Послание апостола Павла к Ефесянам (703 стр.) (докторская его диссертация). Архиепископ Василий, вначале доцент Киевской Духовной академии, а потом последний ее ректор, родился на Волыни в 1861 году. В 1886 году окончил курс Киевской Духовной академии, где и оставлен был для приготовления к занятию одной из философских кафедр. На степень магистра представил сочинение «Лжеучения, обличаемые в первом послании апостола Иоанна,» и был утвержден советом Академии. В 1904 году – доктор Богословия, а в 1913 году, в сане епископа, – ректор Академии.

Много статей его напечатано в журналах духовных. Там встретите: «Объяснительные замечания к наиболее трудным местам соборного послания святого апостола Иакова», «Об источниках к изучению философии Сократа», «Учение Платона о познании», «Философия Канта», «Закон и Евангелие», «О лице Иисуса Христа», «О предопределении», «Книга деяний апостольских», «О причинах современного неверия», «К изучению четвертого Евангелия», «О личности святого апостола Павла», «Святой Иоанн Златоуст по его письмам», «О Евангелии и Евангельской истории», «О втором послании святого апостола Павла к Коринфянам», «О воскресении мертвых» и много других.

«Книга деяний апостольских» находится в теснейшей связи с третьим Евангелием, составляя его продолжение. Оно есть «второе слово» в отношении к Евангелию, называемому «первым словом» о делах и учении Христа Спасителя, до того дня, в который Он вознесся (Деян.1:12). Составителем этих обоих произведений является несомненно одно и то же лицо.

«Евангелие от Матфея» примыкает к его исследованию о посланиях святого апостола Павла к Ефесянам. Из всех Евангелий, только у евангелиста Матфея находится ясное учение о Церкви, так подробно раскрываемое в названном Апостолом послании. Если Евангелие Матфея есть историческая апология Христианства, то в послании к Ефесянам – в первых трех главах – находится догматическое его оправдание, опирающееся на самое существо Христианства, которое принесло миру величайшие духовные благословения. Послание святого апостола Павла к Ефесянам и Евангелие от Матфея являются

фундаментальным исследованием по критико-экзегетическому вопросу. Они раскрывают самую сущность святой Церкви и говорят о любви и верности Сыну Божию. Автор чужд какого бы то ни было оригинальничанья, и везде держится строго научной положительной точки зрения, оправдываемой историческим церковным преданием. Его критические замечания на ошибочные догадки западных духовных писателей очень четки и авторитетны. Его эрудиция огромна. Нет писателя по толкованию Священного Писания, которого бы он не знал и каждого по необходимости строго разбирал…

Его комментарии из «Евангелия от Матфея»: «Корабль, в котором находился Христос на море Тивериадском, есть образ Церкви, обуреваемой в сем веке волнами всякого рода искушений и преследований; Господь как бы засыпает в силу Своего долготерпения; но придет время, когда Он восстанет, усмирит бурю и даст спокойствие Своим рабам…» Тема 23 недели: «Бесовская сила совершенно подавила свободу и самосознание человека; последний является органом говорящего в нем демона, находится как бы под демоническим гипнозом. Желая возвратить бесноватому сознание им своей личности, свободы, прежней его жизни, Спаситель спрашивает его: как твое имя. Легеон, – отвечает демон. Имя есть обозначение нашего «я»… Но эта сила бесов побеждена Христом, пред Которым они трепещут, видя в Нем своего Судью, и потому они просят у Него пощады…» Об исцелении кровоточивой Владыка пишет: «Как вера жены была опосредована чувственным (прикосновением), так и исцеляющая ее сила Христа посредствуется Его святейшим телом. Эта сила была не материальная, физическая, а духовная; она дается только верующим. Она не переходит с места на место, а, сообщаясь другим, остается во Христе неизменною. Она «изошла» в том смысле, что обнаружилось во вне ее действие…»

«Царствие Божие неудержимо стремится, с силою проникает в мир. Оно по сущности своей есть величайшая активность, и поэтому от своих членов требует такой же духовной энергии… Царствие Божие стремится неудержимо, и его движение никакою враждебною силою не может быть приостановлено…»

«О себе самом каждый должен сказать: если я не со Христом, я Его противник; если я не тружусь над созиданием Царства Божия, я

препятствую его росту и в себе самом, и в других. Моя нейтральность, как верующего во Христа, преступна… В Царстве Божием духовное родство выше телесного, естественного родства; плоть и кровь нельзя предпочитать делам духа… Церковь – царство Бога и Христа. Она не есть нечто невидимое, а образует видимое общество, к которому можно внешне принадлежать, но не быть действительным его членом. Сущности Царствия Божия противоречит то, что в нем находятся злые, грешные, но фактически последние будут существовать в нем до времени второго пришествия Христа. Неразумною поэтому является попытка полного очищения Церкви от грешников, как неразумно и отделение от Церкви ради того, что в ней есть грешники».

Не духовная аристократия, как и не смешанная толпа: в ней находятся званные, или призванные благодатью, силою Божиею… «Иисус Христос знал, что в каждом отдельном сердце распространится живая сила истины и что, по мере того, как будет привлекаема ко Христу одна душа за другою, эта сила будет бесшумно преобразовывать мир… Царствие Божие приносит величайшие блага, но оно ни в каком случае не может быть разрешаемо в чисто этическое понятие. Для своего возрастания она не нуждается в каких-нибудь внешних, мирских средствах. Благодатная внутренняя сила Церкви, данная ей Христом, неистощима, и ничто не может остановить ее действия…»

«Урок, преподанный Петру, имеет значение на все времена: «Только вера творит чудеса, и если в душу закрадывается сомнение, человек начинает утопать. Но Христос и утопающему простирает руку и спасает его, если слышится искренний вопль души: «Господи, спаси мя!»

Огонь, очищающий ученика Христова, то же, что соль, предохраняющая его от нравственного гниения и разложения. Это – огонь или соль христианского самоотречения, необходимо требующегося нравственного подвига ученика Христова… «Духовное совершенство бесконечно, и самым опытным в духовной жизни христианам необходимо испрашивание духа премудрости и разума к полному познанию всего величия дела Христова. Познание разумеется, главным образом, не умственное, теоретическое, а

нравственное, практическое, предполагающее единение со Христом, жизнь в Нем. Нам даровано богатство, богатство необъятное, богатство не человеческое, но Божественное. Нет большей мудрости теоретической и практической, как проникновение и приобщение тайне, покоящейся от вечности в сокровенной глубине существа Божия. Но Бог сказал нам тайну воли Своея: сказал, то есть не только явил, сообщил чрез откровение, но соделал нас причастниками этой тайны… Предвечное предназначение нас к наследию в Царстве Божием – совершаемое, конечно, не по нашим заслугам, а по великой Божественной милости – так благословенно, величественно, что должно исторгать в нас похвалу славе Божией: мы должны быть живыми, так сказать, органами этой славы… Сам Христос, как живое Лицо, вселяется в нас. Вселение Христа происходит при благодати Духа Святого чрез веру, и чем более возрастает и укрепляется наша вера, тем теснее, глубже, жизненнее наше сочетание с Господом…»

Хотелось бы продлить эти комментарии, но мы принуждены здесь быть краткими…

В 1922 году епископ Василий был заключен в Соловках. После освобождения из Соловков, патриарх Тихон возвел его в сан архиепископа и наградил крестом на камилавку. Здоровье его от революционной смуты расшаталось. Смерть наступила неожиданно для всех. Вечером 25 марта 1929 года пошел он из своей частной квартиры ко всенощной в Братский монастырь. По дороге, около соборной Успенской церкви, на улице, он неожиданно почувствовал слабость, упал и вскоре тихо скончался. Похоронили его в главной Богоявленской церкви Братского монастыря, пред чудотворной иконой Братской Божией Матери, в старом склепе, где похоронены греческий митрополит Паисий Лигарид (XVII века) и архимандрит Манассия.

Где обретал архиепископ Василий источник мудрости? – В Господе! И думается, Господь привлек его к Себе, принял в Свои вечные обители, где веселятся возлюбившие Его други.

Комментарии его есть могущественное пособие и помощь выполнению всесвятой воли Божией в нас. Радуйся, святителю отче Василие, предивный изъяснителю судеб Божиих в этом мире!

Евангельский идеал

Господь заповедал любовь к врагам, к проклинающим, ненавидящим, обижающим, гонящим. Невероятно трудно исполнить это, но при помощи Божией любовь такого порядка всегда осуществима. Ведь об этом говорил Сам Господь. Также заповедал Он и безграничное прощение. Господь вывел закон прощения из ограничения его числом и мерой, вывел Своим святым словом и личным примером, когда на кресте молился за врагов… Есть враги личные и есть враги Божии – иудеи, особенно книжники и фарисеи, завистники, на Спасителя смотрели, как на их личного врага, Который привлекал народ к Себе Своей проповедью и чудесами; ставил Себя равным Богу-Отцу. Обида иудеев возросла до смертельной злобы; отсюда и «искание Его убить»… Враги Бога – и наши враги. Таких мы прощать не уполномочены. Псалмопевец Давид восклицает: «Мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнушаться восстающими против Тебя? Полнотою ненависти ненавижу их; враги они мне» (Пс.138, изд. 1826 г.). Отсюда и «анафема» богоборцам, а не прощение, пока не раскаятся в своем безумии… Между светом и тьмою, Христом и Велиаром и его приверженцами мира нет и не должно быть…

Задача христианина – осуществление Божественной жизни на земле. Спаситель пришел во плоти, чтобы освятить землю, чтобы люди воочию познали Божественную жизнь и ощутили ее чрез подвиг Христа – Его жизнь, крестные страдания и смерть. Это не теоретический идеал, а практическое требование. Бог предлагает Свою любовь, желая нас спасти. С грехом утрачивается красота первозданного образа, затемняется. Эта тьма закрывает нас друг от друга и мы не видим подлинное наше существо. Грех покрыл копотью икону Божию в нас. Мы не знаем себя и не видим в других образа Божия. Как темная икона обновляется от времени, обновиться-просветиться способна и душа от присутствия в нас Духа Святого. Для тех, у кого сердце готово, в чуде нет ничего странного, а чудо есть действие Бога в силе Своего могущества. Бог познается святостью. Конечная цель – Богообщение, но путь к нему – святость. С воцарением Господа начинается царство Божие в нас, и сердце становится вместилищем Святого Духа. Бог – солнце, и как хотелось

бы, чтобы оно отразилось во всем человечестве. Да и цель мира в сущности есть слава Божия, а для каждого в отдельности – обожение или, что то же – спасение…

Учение Господа Иисуса Христа есть залог истинного счастья жизни. Заповеди Его жизненны и радостны…

Хотя бы в самой малой степени, но нам нужно пристально вглядываться в Евангельский идеал древней Церкви, когда христиане землю делали небом и язычники восклицали о них: «Если христиане здесь стали ангелами, то чем они будут по отшествии от этой жизни?» Их закон так высок и совершенен, что приводит в изумление самих врагов их. Богатство, земные радости, слава мира не имеют для них никакой цены. Они предпочитают бедность, поношения, бесславие. Путь гонений, страданий есть для них путь радости и торжества. Кроткие и смиренные, чуждые ненависти и любостяжания, они любят друг друга как братья и охотно, с радостию, помогают врагам своим – язычникам и иудеям. Телом живя на земле, они духом обитают на небе. Одни изумлялись пред недосягаемой высотой христианской жизни; другие осыпали насмешками и клеветой… Христиане не любили проповедовать только словом: высокая, святая жизнь была лучшею их проповедью. «Христиане, – пишет Цельс, – презирают блага этой жизни и за лучшее считают не иметь их, за оскорбления не платят мщением…» Слова первых христиан о себе – это золотая наличность. Они говорили то, что имели. Сознавали себя тем, чем были. И потому слава их приобретает характер исключительной силы и авторитетности. Они остаются вечными образцами высокого подвига, высокой религиозной чистоты, глубины и силы религиозной воли…

Лучшее средство возбуждать любовь других – оказывать им любовь и милосердие. Прощая врагу, вы можете обратить его в брата. Самозабвение – сила всемогущая, пред которою преклоняется все и которая торжествует даже над грубым насилием. Сила, победившая языческий мир, была сила Евангельского самоотречения, воодушевленного любовью и светоносной истиной. Тайна жизни – чтобы забота о спасении не отлагалась на будущее, но чтобы сейчас каждый шаг озарялся светом Правды и Воли Божией. Помнить, что мы стоим на краю гибели и идем по пути греха… Вот искушение

приходит, грех влечет, совесть грызет – и только один вздох из глубины души: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя – и ты свободен. Вернулась к тебе милость Божия – и ты вновь готов работать и служить Ему…

Евангельский идеал не только стать выше мелких жизненных интересов, но и всегда быть готовым умереть за него. Помоги, Господи!

Предмет молитвы

Умствовать куда легче, чем молиться. Сатана своеумник, и любит тех, кто опирается на свой ум. На этом он и ловит, запутывает и губит человеческие души. Величайшее преимущество молитвы в том, что она для нас заменяет все. Вот глубочайшее содержание, скрытое в ней: вера, благочестие, спасение. Кто стремится от всего сердца молиться, тот уже спасается. Молитва – полпути к Богу. Через молитву изливается в сердца наши сила благодатная в созвучьи слов святых. Молитва – Божественное веселие…

Если умники, рационалисты и материалисты не веруют и не молятся, то это не значит, что они шагнули далеко вперед или высоко махнули ввысь, «а значит, что они выступили из природы человеческой, исказили себя и изуродовали, как бы глаза кто себе выколол или отрезал нос» (еп. Феофан). Апостолы признавали молитву, вместе с проповедью Слова Божия, главным своим делом. «Молитва есть верх всех добродетелей, корень и основание спасительной жизни» (Златоуст). Христиане в молитве находят утешение и помощь во всех жизненных затруднениях, во всякой нужде и скорби. А поэтому – прочь саможаление! Принудим себя на молитву. Если будем хотя бы с усилием продолжать молитву, то леность и нерасположение к ней начнут ослабевать и, при помощи Божией, могут совсем исчезнуть и даже смениться чувством высокого духовного наслаждения. «Одного инока враг одолевал перед началом молитвы. Его в озноб и жар бросало, разболевался, хоть умирать. Что же он сделал? Ну, говорит, душа! Умирать пришло время: давай-ка в последний раз помолимся и поплачем пред Господом. Стал на молитву и нудил себя. Голова трещит, а он все свое… Кончил правило, и боль прошла… На другой день опять то же. Тогда он понял, откуда идут нападки, и уже

никогда не оставлял своего правила, чем бы ни был отклоняем» (еп. Феофан).

В душе, как и в природе, бывают то светлые, то мрачные дни. От нас зависит душу свою настроить так, чтобы звучали в ней непрестанно сладчайшие, небесные мелодии. Невольно вспоминаются строки поэта: «И звуков небес заменить не могли ей скучные песни земли». Истинной молитвы без действия Духа Святого не может быть. От действия Духа Утешителя на сердце – там появляются вздохи умильные, стремления святые и желанная молитва. Такой процесс рождения молитвы сердечной и сладостно есть особое небесное счастье… Если не будет на земле молитвенников, то мир погибнет от великих бедствий. «Мир стоит молитвами святых, – признается старец Силуан, – с тех пор, как познал я Господа, душа моя влечется к Нему, и ничто меня более не веселит на земле. Но единое мое веселие Бог. Он – моя радость; Он – моя сила; Он – моя премудрость; Он – мое богатство… От сладости любви Божией душа забывает все земное, считая блага его за сор и пепел…»

Особенную ценность имеет Иисусова молитва. Она направлена к тому, чтобы поставить нас в Божие присутствие без всякой мысли, кроме сознания того чуда, что мы здесь и Бог с нами. Когда мы молимся Иисусовой молитвой, то нет ничего и никого, кроме Бога и нас. Она – добрый спутник, дружелюбный, всегда близкий и вполне личный, несмотря на кажущуюся однообразность при ее повторении. В радости или горе она, когда станет привычной, является силой, оживотворяющей душу всегда готовым откликом на любой Божий призыв. Без молитв и упований мир задохнется в своей злобе, изнеможет от страданий. Напрасно вопиют уста, ждут света плачущие очи. Ночь все темней… И без Христа день не придет на смену ночи…

Один афонский старец два года молил Матерь Божию даровать ему молитвенный огонь в сердце, и был услышан. Старец Амвросий Оптинский во время умной молитвы преображался. Лицо светлело и издавало удивительное сияние. По словам св. Исаака Сирина, один старец помнил себя на молитве только до 1-й славы (3 псалма), а потом погружался в Богосозерцание и так умно, без слов, молился Господу, стоя неподвижно и ни мало не чувствуя труда. Такой

благодатный дар этот старец получил, по его собственному признанию, после тридцатилетних подвигов, скорбей и лишений. Так подвиги мучеников, преподобный и праведных превышают естественные силы человека с помощью благодати Божией. Преподобный Серафим на вопрос земляка-посетителя, не желает ли он что-либо передать своим родным, указывая на иконы Христа Спасителя и Божией Матери, ответил: «Вот мои родные». Частая молитва, проникнутая смирением и любовью к Богу и людям, соединенная с причастием Святых Таин, делает причастника жителем мира духовного, небесного. Искренняя сердечная молитва прекращает в нас тоску, уныние, безнадежность. Она ободряет дух наш, возбуждает в нем энергию, заставляет забыть обиды и огорчения, даже и в тяжких несчастиях. Она развивает терпение, выносливость, успокаивает надеждою на Бога. Молящийся всегда бывает жизнерадостен, весел, восторжен. Нет такого горя, которого не мгла бы утолить молитва. Она – ключ, отверзающий двери милосердия Божия, и верное средство к стяжанию временного и вечного благополучия. Когда Господь в нашем сердце, то этим создается Царство Божие – радость и мир. Молитва не только приносит отраду и успокоение, но и самые бедствия обращает во благо и спасения души… «Всякий, кто призовет имя Господне, спасеться» (Рим.10:13). Господь исполняет наши прошения, если они идут от всей души. Не отказывает Господь подать нам Свою благодатную помощь… Мальчик хочет нарисовать картинку, чтобы поднести своему отцу в день именин. Мальчик, по своей неопытности и неумению, не может нарисовать этой картины; и сам отец с любовью помогает ему. Водит рукой сына, делая правильно очертания. А когда картина готова, мальчик с восторгом подносит ее отцу, и последний принимает ее, хотя в сущности она нарисована отцом, который водил рукою сына. Это подобие того, как Отец Небесный помогает нам, молящимся Ему. Мы нравственно бессильны, немощны, но Господь Своею всемогущею силою не только помогает, но и дает силы стремиться к добру. Господь так же дает иногда, в известные моменты, переживать сердцем счастье богообщения и радость жизни. «Где Христос Бог, там и царство Божие, и блаженство Его» (св. Тихон Задонский). «О, Иисусе, радосте и сладосте ангелов и всех святых!» «Влеки меня за собою. – Чем?

Прекрасным и спасительным путем Твоим, которым Ты от рождения до смерти, мене ради бедного, шествовал. – Куда? В вечное Твое царство. Туда и мы побежим, да и здесь, и там сообразны Тебе будем» (св. Тихон Задонский).

Выбери, если пожелаешь, краткую молитву, состоящую из немногих, но сильных слов. Повторяя ее часто и долго, ты найдешь в ней величайшую силу. Не надо многословия, а краткой молитвой выбивай из сердца, как из кремня, благодатные искры. Это в личном опыте. Церковь имеет и длинные службы и молитвы. Там все по уставу. Но и длинные службы от сердечного внимания становятся короткими. Там царство Божие, там рай, а в раю нет времени и никаких измерений. Цель наша стоять пред Богом, сосредоточиться на Его присутствии; раскрыть все нужды и принять от Него крепость, силу, чтобы Его воля исполнилась в нас. Вот цель и предмет молитвы. Когда в центре Бог, все остальное теряет свое обаяние. Все, что вне Его, не имеет ни ценности, ни значения…

Священник служит в храме. Пред ним старинная икона. Внезапно он почувствовал, что Матерь Божия на иконе как бы влечет его к молитве, действует на его ум и сердце. Он переживает в себе реально исходящую силу от иконы. Эта сила наполнила храм молитвой. Собрала рассеянные мысли. Почти физическое присутствие Божией Матери. Она – живая Личность, со властью требующая ответа… Так несокрушимо растет и созревает невидимо дружба, близость, любовь к живому Богу и Царице Небесной. В этом и состоит наше строительство спасения. В нем же формируется и содержание предмета молитвы.

Вера учеников

«Отче! Слова те, что Ты дал Мне, Я им передал: и они пиняли и уразумели воистину, что Я от Тебя исшел, и уверовали, что Ты послал Меня» (Ин.17:8).

Этими словами Господь характеризует Своих смиренных учеников. В простоте душевной они приняли слова Спасителя и убедились в Божественном Его посланничестве. Отец открыл Сыну путь спасения человека. От Сына приняли благодатное слово и ученики Его. Бог, обещавший послать спасение людям, исполнил Свое Слово. Апостолы

приняли это Слово не как слово человеческое, но как Слово Божие – с величайшей верой. Так смиренное внимание словам Господа принудительно влечет к Божественным предметам, а самонадеянный ум и не считает нужным размышлять о небесном. Смиренный ум не берет на себя много, но с радостью старается уразуметь волю Божию. Смиренный ум внимательно ловит каждое слово и, если что непонятно, терпеливо ожидает объяснения. Слушая Христа, апостолы узнали, кто Он – их Учитель. Вера их еще не имела ни той полноты, ни той несокрушимой твердости, каких достигла она после под влиянием Духа Утешителя. Отселе они решительно узнали и поверили сердцем своим, что Иисус Христос – Божий Посланник. И Господь любовью и молчанием покрывает недостатки Своих апостолов. Он открывал им и объяснял тайны Царства Небесного. Исправлял их прежние заблуждения и неправильные движения сердца. Сообщил Он им и силу чудотворений, и дал совершить примерный опыт своего будущего служения.

В Своей молитве Он молился не за весь мир, а за апостолов, за тех, которые даны Ему Отцом. О мире Господь молится потом. За мир, распявший Его, молится Он и на кресте. Он – ходатай за все человечество. Если молится Он за учеников, то этим показывает, что ученики Его заслуживают преимущественной Его молитвы, как и преимущественного внимания к ним Отца Небесного. Ученики Его возлюблены Отцом. Они составляют избранное стадо Его. Христос напоминает о высоких нравственных качествах, какими они украшены. Люди этого мира в очах Божиих не то, что избранные Им ученики. Христос «есть Спаситель всех людей, особенно же верных» (1Тим.4:10). Они будут служить орудием спасения мира. Благовестники Христовы должны быть предметом особой заботы Учителя. Так и теперь, каковы бы ни были священники и епископы, они, как преемники апостольские, как пастыри Церкви, находятся под особенным покровом Христа. Ходатайство Господа Иисуса пред Отцом служит верным залогом готовой для них помощи в трудах и скорбях служения их…

Апостолы и после того, как даны Господу, остаются дорогою собственностью Бога-Отца. Сказать Отцу: «Все Твое принадлежит Мне,» может только Сын Божий. Здесь – равенство власти и силы

Бога-Отца и Бога-Сына. Такое же отношение Сына Божия к миру, в котором пребывает Отец. Величайшее утешение для учеников знать, что они, принадлежа Христу, принадлежат и Отцу. При таком положении, они – предмет любви Отца Небесного! Христос прославился в учениках Своих тем, что они признали в Нем Господа Своего. Учением и делами проповедали о Нем как о Божием Посланнике, как о Спасителе мира, как о Сыне Божием. Господь видит будущую действительность, которая раскроется из настоящей. Он видит в слабых рыбарях победителей язычества, насадителей церквей, неустрашимых учителей и синагоги, и кесарей. Он видит в лице их всех тех, которые, приняв учение их, славят имя Его на земле и на Небе (Ин.17:20). Имя Господа Иисуса так велико, так важно пред Отцом Небесным, что за любовь к этому имени Отец готов все сделать для верующих. Живая вера в Господа Иисуса Христа потому бывает услышана Отцом, что пред Ним ходатайствует великое имя Искупителя мира – Сына Божия. Имя Сына потому привлекает любовь Отца к верующим, что в них есть живая вера, исполненная любви к Господу Иисусу. Спаситель, оправдывая живую веру в Него, предлагает исповедание о Своем Лице. Когда Он говорит, «изыдох от Отца,» дает видеть не вечное отношение Свое ко Отцу, а исхождение Свое в мир как Спасителя мира, совершившееся по воле Отца. Это исповедание учеников, как искреннее, утвердил и Сам Господь, когда сказал о них, что истинно уразумели они, что Он послан Отцом (Ин.17:18). Он говорит еще и о том, что Отец Небесный всегда с Ним. Пусть восстает злоба земли и ада, Отец и Ним. Дело Его, для которого пришел Он в мир, от злобы врагов ничего не потеряет, но еще прославится победою над злобою мира. Эта истина да послужит опорою для учеников во время страданий Его. Бог так возлюбил человека, что отдал Своего Единородного Сына и предал на страдания Своих рабов – Апостолов.

Как христианину не быть тверду в скорбях, когда Тот, в Кого он верует, так близок к Отцу – Он Сын Его!

Тем же, чем начал Он прощальную беседу Свою с учениками, тем же и окончил ее: увещанием не возмущаться скорбями, а твердо веровать в Него. С какою бы злостию не восстал против них мир, пусть будут они спокойны. Он победил тот мир, который не имеет в

себе Божественного начала жизни (Ин.1:10), и потому злостно, но бессильно восстание его против всего святого. Победа Его над миром – не побуждение только к нашей борьбе с миром, но и сила наша. Победитель мира облечет всех последователей Своих силою, которую они примут, уверовав в Него. «О Боже, – восклицает Каллист Катафигиот, – Ты чудо, мир, любовь, сладость, душевное веселие, упование во всем, воистину свобода от забот и радость, единственная слава, царство, мудрость, сила». Любимы ученик Его говорит: «Победа, которой побежден мир, есть вера наша. Кто победитель мира, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий» (1Ин.5:4-5). Имя Христа – имя всесильное, все может оно доставить нам. Вот, что значит для нас любить Господа, так любить, как любили Его галилейские рыбаки…

А земля и все ее герои и знаменитости пройдут без следа, исчезнут как дым. Сыне Божий! Защитниче наш, укрой верных рабов Твоих от греха и от грядущих на мир страшных разрушений.

О воплощении

Светлый ум архиепископа Илариона, умученного большевиками, ниспровергает школьное и католическое учение о Церкви. В основе этой статьи и лежат мысли, находящиеся в его огромном труде на эту тему.

Не идея, не истина, но само воплощение Сына Божия есть тот камень, на котором создана Церковь. Церковь есть следствие воплощения. Духовные богословы Церкви основу спасения указывали в воплощении Сына Божия. Иисус Христос Сын Божий по превосходной любви к Своему созданию снизошел до рождения от Девы, чрез Себя Самого соединяя человека с Богом. Центральное место в церковном богословии четвертого века занимала идея обожения. Эта идея гармонично сочеталась со стройной Христологией. «Слово облеклось в тварное тело, чтобы мы могли в Нем обновиться и обожиться» (св. Афанасий Великий). Христос есть основание Церкви в том смысле, в каком Он исповедан. Не богословие Петра как сумма теоретических положений и предметов веры лежит в основании Церкви. Бесы тоже веруют в Божество Христа (Иак.2:19), но они вне Церкви. «Святая Церковь Божия есть

образ Бога, потому что она, подобно Богу, объединяет верующих» (преп. Максим). Святоотеческое богословие в воплощении Сына Божия видит основу нашего спасения и краеугольный камень Церкви. Под камнем (Мф.16:18) мы можем разуметь Сына Божия воплотившегося, то есть самое Воплощение, не учение о нем, не идею, но факт. Толкование католиков как слишком житейское является жалким в смысле идейно-богословском. Школьное богословие подпадает упреку святого Иринея Лионского, упреку в маловерии, потому что оно не ставит во главу угла истину воплощения Сына Божия и эту истину не соединяет с истиной Церкви, как это должно быть по слову Самого Господа.

Церковь живет идеалом обожения, которым жила и в древности, за который боролись до крови ее выдающиеся богословы и учители. Прислушайтесь к церковным песнопениям, вчитайтесь внимательно в молитвы ее – всюду и неизменно слышится гимн воплощению и учению о воплощении. Все богослужебные книги проникнуты этим святоотеческим духом, этой святоотеческой мыслью. Особенно догматически глубокий и прекрасный гимн воплощению воспевает Церковь в день Рождества Христова. В предпразднственный день на повечерии поется в каноне: «Не дивися ныне, о Мати, видящи яко Младенца, Егоже из чрева прежде денницы роди Бог: восставити бо и спрославити человеческое падшее естество приидох явственно». А в службе на самый праздник мы слышим: «Видев Зиждитель гиблема человека, руками егоже созда, преклонив небеса сходит: сего же от Девы воистину воплощся, всего осуществует (принимает все его существо». «Уподобившийся (нам) чрез соединение и бренным убожеством (нашим) и восприятием земной плоти соделавший (нас) причастниками Божественного естества». Христоименный народ, достигши желаемого и удостоившись пришествия Бога (во плоти), ожидает ныне животворного обновления». «Преславное таинство устрояется днесь – обновляется естество и Бог человек бывает».

В этой службе Церковь приносит Христу все «богатство православного богословия как Богу и Спасу душ наших…»

В дни плоти Своей Христос был Бог таящийся. Бисера Своих возвышенный истин Он не повергал пред свиньями. Сияло лицо Его светом Фаворским на горе Преображения, а народ под горой

наблюдал лишь бесноватого. Не без причины было это сокрытие Божества. Характером скрытости и таинственности отличается и та беседа Христа с учениками, в которой Он говорит о камне, лежащем в основании Церкви. Иудейская мысль не могла открыть истины Богоявления. От этой истины далеки и деизм Палестины, и пантеизм Эллады, и синкретизм Александрии. Такова была воля Божия, чтобы эта великая религиозная истина скрыта была от премудрых и разумных, но открыта младенцам (Мф.11:25-26; Лк.10:21). Камень для верующих – драгоценность, а для неверующих камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла (Пс.117:22), камень претыкания и соблазна (1Петр.2:4, 6-7).

Апостол Петр говорил пред иудейскими властями о Христе: «Он есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла и нет ни в ком ином спасения» (Деян.4:11)… И услышал Петр: на этом камене – незыблемой веры – созижду Церковь Мою. Чрез истину воплощения люди сделались причастниками Божеского естества, в чем и заключаются драгоценные обетования (2Петр.1:4). С воплощением Сына Божия человечество получило новые силы, началось восстановление падшего естества человеческого, вызван к бытию процесс созидания нового человека, новой твари, постепенно и неуклонно.

Спасение и спасающееся человечество сплочено в едином и нераздельном организме Церкви. В этом организме обитают все Божественные силы, которые и ведут новое человечество, Церковь, к совершенству. Только в Церкви жизнь. Отпадение от церковной жизни есть всегда и непременно прекращение роста нравственной личности и ее духовная смерть. А жизнь и совершенствование личности в Церкви несет счастье и блаженство. Не как внешняя награда подается это счастье и блаженство, а является как внутреннее и непременное следствие самого совершенства.

Здесь мы утверждаем тождество добродетели и блаженства. И только в Церкви возможна та новая жизнь, ради которой Божий Сын приходил на грешную землю. «Что совершилось на Господе, совершается также и на нас, так как Тело следует за своею Главою» (св. Ириней Лионский). Церковь определяется как распространение или продолжение воплощения. И начало спасения человеческого

естества, и основание Церкви, положено самим фактом воплощения и вочеловечивания Второй Ипостаси Пресвятой Троицы.

Путь нашей жизни

С необыкновенной силой и властью говорит Златоуст: «Малодушен тот, кто падает духом от неприятностей, несчастий, от притеснений, от гонений и лишений, скорбей и болезней, малодушен не переносящий обид, малодушен не переносящий искушений за Христа…»

Кто, встречая неприятности и оскорбления от других, подавляет в себе неприятные чувства гнева, тот терпит, а кто хранит ненарушимым мирное расположение к другому, несмотря на то, что тот продолжает действовать против него враждебно, тот долготерпит. Терпение и долготерпение преимущественно основываются на любви. Вера перерастает все неприятности, стоит как несокрушимый утес среди волн. Только на основании веры умножается взаимная любовь. Есть праведный Бог, Который видит правоту страдальца и тягость его скорби, и в свое время воздаст ему по Своей правде. Благодушное терпение среди гонений и скорбей ясно доказывает, что в душе терпящего есть крепкое убеждение, что будет праведный суд и воздаяние. Если кто страдает, то это не плача и слез достойно, а благодарности Богу. Надо радоваться, а не падать духом. Не смотреть на внешнее, а смотреть лучше на те сокровища, какие растут в сердце под внешним гнетом. Сильная вера непоколебима в истинах. Она готова принять и хранить всякую истину Христову и быть терпеливой и крепкой во всех путях жизни. Усвоенные Евангельские истины, по благодати Божией, имеют такую власть над сердцем, что ради них верующие готовы бывают на все лишения. Несмотря на бедствия, терпеливец стоит твердо в принятом им и усвоенном исповедании. Здесь скрыт для него величайший источник всевозможных утешений. Вот то, что дает благодать Божия людям, вот те блага, какие даны нам в Господе Иисусе Христе. Даны нам освящение, Богообщение, всыновление. Господь помогает сохранить и проявить свою веру во всей ее силе и полноте и в делах, и, особенно, в терпении. Бог не хочет отнимать у человека данную ему свободу, а только окружает ее всегда такими указаниями, внимая которым она может избрать доброе направление. Если же она

избирает зло – сама виновата.

До пришествия Христа, сатана уже применился, как сбивать с пути истины людей, а теперь, видя, что верующие силою Креста Христова не только противодействуют ему, но и самого прогоняют, он и сам начал действовать против них иначе. Тайна сатаны противоположна тайне благочестия христианского. Бог явился во плоти, принял человеческую природу. Вера в это разрушает сатанинское царство греха. Тайна же сатанинская направлена к подрыву веры во Христа как Бога. Зло это будет расти, и когда придет Сын Человеческий, то едва ли найдет и веру на земле, так тогда зайдет далеко нравственное развращение. Оно уже и сейчас есть, и принимает ужасающие формы и размеры. Зло сейчас разливается так бурно в этом мире, ибо нет ему преграды. Развращение находится в тесном внутреннем взаимоотношении с неверием. Порча нравственная приводит к неверию, неверие же оправдывает распущенность, таким образом расширяя и укрепляя ее…

Истина та, что Бог послал в мир Сына Своего, чтобы спасти мир Своею Кровию и учением. Кто предан Господу и Его учению, тот любит истину и – наоборот. Все же неверующие истине, сердцем не принявшие живой Евангельской проповеди и не устроившие согласно ей своих чувств и расположений, напротив, всем сердцем предавшиеся лжи и обману, осуждены будут на гибель. Источник же радостного утешения – быть стойким в вере. Мы возлюблены Богом, избраны и призваны ко спасению и вечной славе с Господом. Стойкость наша есть необходимое условие спасения, она есть главная движущая сила христиан. Благодать, которую дарует Бог верующим, наполняет радостью сердца их – утешением. Желает Господь утвердить верных в Своем учении и доброй христианской жизни, без которой нет и не может быть утешения в скорбях. Надо иметь в сознании постоянную мысль, что в процессе спасения все страдают: Господь, апостолы Его и все верующие. Таков закон явления на земле истины о Христе Иисусе – разделение людей и восстание одних на других. Гонимые терпят и твердо стоят на своем. Откуда это? – От Божественной силы слова, принятого с верою. Нет сил у нас достойно возблагодарить за это Бога. Радость наша безгранична и признательность вечна. И какое же чудное, теплое и успокоительное

утешение ожидает страждущих из-за веры в Господа! Трудно это сейчас представить нашему ограниченному разуму. Но тогда пред всеми воссияет на нас слава благодати Божией и сила Божия. Сам Бог даст нам эту благодать, чтобы прославиться в нас и чтобы мы прославились в Нем. Мы сознаем наше недостоинство в этом, и однако видим, как все совершает в нас благодать Божия, чтобы нам прославиться в Нем и получить от Него силу переносить все искушения. Дивен Бог во святых Своих, и дивен о Господе путь нашей жизни… Господи! Путь наш средь камней и терний, путь наш во мраке. Ты, Свет Невечерний, нас осияй!

Самоуничижение Сына Божия

Бог, любящий нас, более, чем ты себя любишь, готов все для нас сделать, все дать нам. Бог, готовящий блаженство на Небе и ведущий к нему неведомыми для нас путями в этой жизни сошел к нам в образе смиренного раба. Сошел Господь, чтобы исправить падение Адамово, вызванное его согласием с диаволом. Исправляя это, Господь разрушает эту связь с диаволом и предлагает Царство Свое… Еще на предвечном Совете Святой Троицы Христос изъявил готовность спасти человека, «Еже сотворити волю Твою, Боже» (Пс.39).

Начало самоуничижения Сына Божия явлено в воплощении. Сам Он пожелал скрыть славу Своего Божества под покровом человечества. Пребывая в нем, Оно могло быть славным. Но этого не хотел Господь. Он пожелал иметь самый невинный род жизни… Человек не может вынести явления Бога. Сама природа не в состоянии вынести присутствия Божества. Поэтому Бог по великому Своему человеколюбию простер небо как завесу Божества, чтобы мы не погибли. Если Бог скрывает Себя небом как завесой, то и Сын Божий, явившись на землю, скрыл Свое Божество под завесою плоти, чтобы, видя Его, мы могли оставаться в живых… Родился Господь в яслях, рос в бедности и трудах. Жил среди лишений, не зная, где приклонить голову. Так смирил Себя Господь. Добровольно избрал такой образ жизни со всеми ее случайностями. Ничему из бывшего не перечил, но подчинялся всему, как оно текло. Как Бог, Он всем правил; и течение Своей жизни мог направлять сам, но отрекся Он от Своей власти. Смиренно принимал все с Ним случавшееся и

подчинялся тому. Только однажды остановил словом: «Аз есмь», и еще два раза делался невидимым, когда хотели побить Его. Становился Он будто неприступным подступавшей злобе. Но это на одну минуту, и то для того, чтобы показать, что предается в руки злодеям добровольно. Так суждено в Тайне Пресвятыя Троицы. Сам Господь именовал это покорностию воле Отца Своего Небесного.

Не противился Спаситель, когда подошла смерть, и притом такая унизительная и страшная. Подчиниться такой смерти – предел самоуничижения. Смерть пришла как явное осуществление злых замыслов и злой воли врагов Его. Он это видел издали и во всех подробностях, но ничему не противился, и Он добровольно принял смерть, какую придумала зависть и неправда. Покорность Его была не злобе людской, а определениям Бога в Троице поклоняемого, выраженным волею Отца Небесного. Насколько высок был Сын, настолько же глубоко и смирил Он Себя. Так как Он больше всех, и никто Ему не равен, то и почтением к Отцу превзошел всех, и это не по принуждению, не по неволе. За то, что так Он смирил Себя, даже до крестной смерти, и Бог Отец так превознес Его, что выше того и вознести невозможно. Превознесен Он не как Бог, а как человек. Это означает, что и человечество Его введено в славу и силу Божества. Смирив Себя, Он не только не утратил того, что имел как Бог, но воспринял это как человек, показав нам непостижимое смирение и необъятную любовь. «Господь стал человеком с тою целью, чтобы получить возможность войти в общение с человеком. Тело послужило орудием этого общения. Беспредельный и недоступный Бог, по Своей благости, приняв тело, как бы умалился в неприступной славе, чтобы Ему можно было войти в единение с Своими видимыми тварями, и они тем могли бы сделаться причастниками жизни Божества» (преп. Макарий Египетский). Во Христе явлено самое совершенное самооткровение Бога человеку, доступное познанию и особенно близкое, родное, понятное человеческому сердцу. Он Сам есть истинный Бог и жизнь вечная (Ин.5:20). Христос – «образ Бога невидимаго» (Кол.1:15) настолько полный и совершенный, что видевший Его видел Отца (Ин.14:9). Полно и совершенно также и откровение во Христе истины Божественной, воли Отца о людях. Спаситель сказал людям «все, что Он слышал от Отца Своего» (Ин.15:15). Он «путь и истина и живот»; никто не приходит к Отцу,

как только чрез Него (Ин.14:6). Подражать Христу для нас является не каким-либо внешним долгом и выполнением принудительного требования, и состоит оно не во внешнем усвоении и повторении Его поступков и действий. Пред нами живое, свободное устроение религиозно-нравственной жизни во Христе силою любви к Нему как своему Идеалу, Искупителю и Спасителю. Помимо Христа, вне общения с Ним, мы не можем творить ничего истинно доброго (Ин.15:3). Чтобы полюбить Христа, мы призываемся пройти неизбежный путь самоотвержения. Через самоотвержение, само собою, приходим к примирению со всеми невзгодами, скорбями, болезнями и всякими неприятностями. И не только примиряемся, но и от всего сердца с благодарностью постоянно повторяем имя сладчайшее Господа нашего Иисуса Христа. С именем Сладчайшего Иисуса входит в душу нашу благоуханная духовная красота. Сердце веселится о имени Господнем, и объемлет его тишина. В этом – рай Божий.

Не забудем, что за руководством, поддержкой, помощью постоянно надо обращаться ко Спасителю. Он единственный Учитель жизни, Он Начальник жизни. Влияние Его простирается на нас не только через учение, но и чрез Его кроткую и смиренную Личность.

Ветвь, чтобы принести плод, должна быть на лозе. Человек, ищущий плода духовного, необходимо должен жить во Христе – в общении со Христом быть беспрестанном.

Из прошлого отрадного

Душа нуждается в покаянии. Душе нужно питание и упражнение. Ей полезны образы и чудесные воспоминания, от которых она учится…

Гроб Высокопреосвященного митрополита Рафаила (Заборовского) находился в южной части храма Киево-Софийского собора. Мощи его, как и другого, рядом с ним лежавшего митрополита Самуила (Мислáвского), были, по свидетельству соборян, нетленны. По молитвам митрополита Рафаила совершались в соборе у мощей его многие исцеления. К нему приходили богомольцы из других городов и селений и заказывали панихиды с прибавлением в конце ектении об исцелении болящих… Если бы камни здания храма Ипостасной Божией Премудрости могли говорить, они возопили бы о

бесчисленных чудесах, здесь совершавшихся молитвами и предстательством Божией Матери и святых…

Под Стефановским приделом в Лаврской церкви лежало тело Тобольского архиерея Павла, почивавшего во гробе поверх земли и назначенное к погребению в новом месте, оказалось нетленным. Митрополит Евгений говорил: «Мы не представляем себе, как близок к нам мир духовный. Тело Тобольского митрополита Павла, назначенное к погребению на новом месте, я просил оставить, пока не посмотрю сам, но того дня не успел сделать осмотра. В следующую же ночь, когда я заснул, представилась мне буря, колебавшая здание, от какой я проснулся и услышал, что по залам мерно и весьма твердо шествует некто в мою спальню. Двери растворились, и вошел неизвестный муж, светом озаренный, в архиерейском облачении, с гневом на лице. Приподнявшись на постели, я хотел встать и поклониться ему, но не мог, потому что ноги и особенно колени у меня сильно задрожали. Явившийся сказал мне: «Чи даси нам почивать, чи ни? Не даси нам почивати, не дам тебе и я николи почивати!» Затем он вышел мерными шагами из спальни. Наутро я пришел ко гробу архиерея, какого накануне положил осмотреть, и, по снятии крышки гроба, увидел того самого святителя Божия Павла, который явился мне ночью, и в том же облачении. Со слезами лобызал я руки его, отслужил панихиду и велел оставить гроб на прежнем месте…»

Приведем сохранившиеся в памяти людей из множества чудес только два случая об исцелении по молитвам митрополита Рафаила. Досточтимый отец протоиерей города Киева болел изнурительной лихорадкою очень долго и уже готовился к исходу. Он попросил свою матушку, чтобы она отслужила панихиду по митрополите Рафаиле. В следующую же ночь больному явился наяву святитель Рафаил; подошедши, благословил его и сказал: «Довольно хворать,» и скрылся. Мгновенно исцелел от болезни своей отец протоиерей и благодушно возрадовался о Господе…

Старец Григорий Иванов приготовился уже к смерти, находясь в тяжкой и мучительной болезни, от полного изнеможения сил. Тогда во сне явился ему монах и сказал: «Отслужи панихиду по Рафаиле, что в Софийском соборе». Наутро отнесли его, расслабленного, в

собор. Здесь была отслужена панихида по митрополите Рафаиле, помолившись в конце панихиды об исцелении старца. В этот же день после панихиды он стал совершенно здоров и как будто не хворал никогда. Примечательно, что этот благочестивый старец, когда приходил к своему батюшке, всегда говорил ему: «Посмотреть тебя, батюшка, пришел и получить Божие благословение…»

Вдова священника Параскева Антонович девять лет страдала болезнью внутреннею, так жестоко, что каждую ночь ожидала смерти, но не отходила от храма, несмотря на болезнь. Она еженедельно, по благословению и разрешению своего духовника, приступала к принятию святых Христовых Таин. Это сообщило ей в такой мере силы и здоровье, что та, которая прежде едва могла прийти в храм, теперь же легко приходила в него…

Отрадны для души эти чудесные примеры из жизни православных людей. История нашей Церкви переполнена таким бесчисленным сокровищем Божией милости и Божией благодати… Черпайте обильно из исторических фактов прошлого; берите горстями из нашего чудесного и славного жизненного опыта на Святой Руси. – И сердце ваше укрепится этим и возрадуется.

Христианство – жизнь

Спаситель не занимался тем, чем заняты философы и ученые, пытающиеся передать свое учение потомству. Спаситель не писал книг и не излагал Своего учения в отвлеченных понятиях и философских схемах, рассчитанных на восприятие его человеческим разумом. Христианство есть сама жизнь… Каким бы разумом ни обладал человек, его недостаточно для восприятия и понимания Христианства. При помощи свое познавательной способности он может схватить лишь одну сторону предмета. Нельзя назвать человеческий ум чистым светом, так как он испытывает на себе влияние воли и чувств. «Природа рассудочных доводов подобна лабиринту – нигде не имеет конца и не позволяет мысли утвердиться на каком-нибудь основании» (Златоуст, 9 т., 507 стр.). Беседующие никак не могут убедить друг друга не по различию сил разума, а просто потому, что сами они разные люди, чувствуют иначе, имеют неодинаковый опыт жизни и полный противоположный стремлений.

В таких случаях они похожи в своем опыте на слепых и глухих, которые не могут понять утверждения и мнения людей, способных воспринимать жизнь своими чувствами. Христианство как явление жизни может быть понято лишь тогда, когда человек непосредственно живет христианской жизнью, а не тогда, когда он будет стараться усвоить его только своим умом. Ум очевидно и не может быть рассматриваем как носитель Христианства. Христианство открыло миру идеал жизни. В нем сочетается действительность бытия с его ценностью. В Христианстве заключается и момент оценки нашего бытия, а все это затрагивает не один разум, а всю личность человека. Христианство затрагивает человеческую природу глубже, чем ту часть ее, которая обнаруживается в разуме. «Истина живая и животворящая, какую принесло Христианство, никогда не раскрывается перед простою любознательностью, но всегда дается в меру запроса совести, ищущей вразумления, и в этом случае акт умственного постижения требует подвига воли» (Ю. Самарин). «Религиозная мысль, не просто отражение анализирующего духа, в ней всецело проявляется нравственное существо. Она не итог умозаключений, а совокупность разных стремлений. Ей служит выражением не только заключение в мысли, но и созерцание и сердце сокрушенное и смиренное» (А. Хомяков). Понятно и предупреждение Златоуста: «Руководствуясь одними умствованиями нельзя познать существо Христово». Христианство по самой природе не могло быть вверено человеческому разуму, а тем более разуму отдельных лиц. Для наших душевных переживаний гибельно выражать их словами. Как только мы высказываем наши переживания, мы их обесцениваем. Самый факт и облик молчания часто характернее, чем слова. Наши внутренние состояния, чем они глубже и сложнее, тем менее передаваемы словами.

По мере расширения и углубления христианской жизни нам нередко приходится переживать то, что не может быть передано словами и выражаться в понятиях, сложившихся под воздействием обычной жизни…

Несмотря на все великое значение книг Священного Писания, оно все же не может быть признано основным хранилищем Христианства. Писание Нового Завета явилось уже после Христа. Передача

Христианства не может происходить через одни книги Священного Писания. Авторы их «всегда заняты были делами нужнейшими и главная забота их состояла не в том, чтобы писать книги, так как они многое сообщили и посредством предания» (Златоуст, 9 т., 7 стр.). Матфей и Иоанн решились писать по настоянию нужды. Павел категорически утверждает, что он учил не только посланиями, но и словом (2Сол.2:15). Ректор Московской Духовной академии протоиерей. А.В. Горский послания апостолов называет уже вторичными наставлениями, то есть написанными к людям уже обращенным в Христианство. Они содержат разъяснение только некоторых истин проповедуемого ими учения. В них о многом говорится только мимоходом; многое должно выводить по заключению (Лекц., 585 стр.). «Из догматов и правил, соблюдаемых в Церкви, иные имеем в учении, изложенном в Писании, а другие – дошедшие до нас от апостольского предания, приняли мы втайне. Но те и другие имеют одинаковую силу для благочестия. И никто не оспаривает последних, если хотя несколько сведущ он в церковных постановлениях…»

«Кто научил людей знаменовать себя крестным знамением? Кто из святых оставил нам на письме слова призывания при вознесении Хлеба благодарения и Чаши благословения?.. Мы не довольствуемся теми словами, о которых упомянули апостолы и Евангелие, но и прежде, и после них произносим другие как имеющие великую силу к совершению Таинства, приняв их из неизложенного в Писании учения. Вообще большая часть относящего к таинствам содержится в Церкви, хотя оно и не изложено в Писании преданий» (св. Василий Великий).

Предоставление каждому излагать Христианство перед сознанием людей на основании одного обычного изучения Писания, естественно будет подвергать его всем случайностям субъективизма и личного отношения к разъясняемым в нем важнейшим вопросам жизни. Спаситель говорит, что в деле понимания Христианства имеет большое значение внутреннее состояние человека и чистота жизни. Когда решаются произвольно обращаться с Писанием и ищут в нем то, что им нравится, то в этом люди способны не только извращать смысл Писания, но и доходить до порчи и подделок его текста. Это

обнаружилось еще в древнее время, и теперь снова повторяется. Поэтому самый выбор книг Писания, их текст, толкование и понимание не могут быть предоставлены на усмотрение каждого. Блаженный Августин прямо сказал: «Я не поверил бы Евангелию, если бы меня не убеждал авторитет Православной Церкви».

Одно Писание не может быть признано хранилищем в мире Христианства. Оно в этом отношении имеет лишь дополнительное значение. Жизнь всюду загорается от самой жизни. Подобно этому и Христианство как явление жизни могло возникнуть лишь путем непосредственного получения его от Самого живого Источника Христианства – Спасителя.

Церковь как опора духовного развития

Сознание одиночества, ненужности существования ищет опоры в жизни. Человек страдает невыносимо, когда он принужден жить с собой и думать только о себе. Кто даст руку помощи? Где найти то вечное, к чему мог бы прилепиться всем существом своим? Церковь освобождает от подобных тягостных переживаний. В Церкви мы вступаем в нравственно-духовную связь с лицами, в которых христианская жизнь в полноте и обнаруживает свое великое значение. Носителей ее Сам Спаситель называет светом мира. Широкий опыт одного, глубокая мудрость другого, высокая жизнь третьего служат в Церкви на пользу всех. В Церкви раздвигаются рамки духовной жизни, и мы вступаем в атмосферу сознательного христианского бытия. Слабый отдельно, в качестве живого члена Церкви становится богат глубоким опытом и пониманием, хранящимся в Церкви, накопленным рядами поколений. Ничто так не радует души, как взаимное способствование в достижении общей высшей цели при помощи небесной благодати. Жизнь наполняется высшим содержанием через хранящиеся в Церкви высшие ценности жизни. Связывать свою деятельность с Церковью – это значит ставить ее в тесную связь с работой как прежних, так и последующих поколений. Это способно поднимать дух, поддерживать энергию, двигать их на великие подвиги и жертвы и не допускать соблазняться злом и недостатками, свойственными нашей жизни. Жизнь в Церкви и деятельность на ее пользу освещается лучами вечности. Всех этих благотворных влияний лишается тот, кто удаляется от Церкви…

Признание Божества Спасителя началось не рациональным путем, а под влиянием непосредственного воздействия Его на людей. Все пережитое апостолами около Христа, все полученные от Него впечатления, охваченные умственным взором, собранные в одном фокусе, подняли их мысль над областью «плоти и крови», и в лице Петра заставили сознательно и твердо сказать: «Ты еси Христос, Сын Бога Живаго» (Мф.16:16). Произнесенное Петром исповедание было принято Спасителем как доказательство силы духа апостолов. После этого Спаситель высказал уже обетование и об основании Церкви. Апостольское исповедание Божества Спасителя есть фундамент Церкви. Оно проникает всю ее жизнь и тысячами путей стремится войти в души христиан и вызвать у них соответствующую деятельность в мире. Апостолы категорически утверждают, что они возвещают то, что знают непосредственно, путем личного общения со Христом… У порвавшего связи с Церковью религиозная мысль делается не только беспочвенной, но и беспредметной. Она у них расплывается в отвлеченностях, рассыпается на различные представления и понятия, теряет свою ясность и энергию, становится бедной религиозным содержанием и не способной влиять на человека. Им можно сказать словами Тертуллиана: «Вы, ищущие всегда и не находящие ничего, знайте, что ищете там, где нельзя найти». Такое отношение к религии дает повод к отрицанию высшего бытия и к обоготворению себя. Человек начинает отрицать Бога во имя своей ни от чего не зависящей свободы. Таковы крайности мятежных людей… Святые Отцы сравнивают Церковь с кораблем, плывущим по морю. Люди на корабле знают, куда плывут вместе с ним, и свободно переплывают море, несмотря на вздымающиеся кругом волны и бури. Но стоит покинуть корабль и, положившись на свои силы и средства, одному пуститься в бурное море, силы человека скоро ослабевают, волны начинают его заливать, и он быстро тонет. Таково великое значение церковного начала в Христианстве. Так необходима эта нравственно-духовная связь с ним, созидающая спасительное настроение. «Не христианин тот, кто не в Церкви Христовой» (св. Киприан Карфагенский). «Ничто так не оскорбляет Бога, как разделения в Церкви. Разрушать целость Церкви и побуждать людей к удалению от нее – дело не меньшее, чем если бы мы стали терзать Тело Христово и разрывать Его члены…» (Златоуст,

Бес. XI к Ефес.)

Дети антихриста ополчились на Церковь, пытаясь уничтожить ее. Направлено в Церковь ядовитое оружие диавола: ложь, клевета, обман и провокация. Но не страшны Церкви все эти козни диавола. Сказано апостолом, что «адовы врата» не одолеют нерушимую крепость ее. «Она столп и утверждение истины» (1Тим.3:15). По силе и высоте нравственной ценности она всегда будет стоять – до самой кончины мира. Без Церкви люди погибнут временно и вечно, на земле и на небе. Только в ней единственной общее спасение. Без Церкви не стоит и трудиться, и не к чему стремиться. Без Церкви бессмысленна человеческая жизнь. В Церкви быть и служить – служить Богу, свету, добру и счастью человека. Церковь помогает развитию, расцвету духовной жизни, осуществлению Царства Божия, Божественного плана миротворения. Отступники от Церкви служат не добру, а злу, не свету, а тьме, не Христу, а диаволу. Они враждуют с Богом, препятствуют осуществлению воли Божией, направленной на спасение людей… Благодать не дается насильно и внешне. Как лекарство не мертвому помогает, а живому, хотя и больному, так Божия сила идет навстречу живым стремлениям людей, пусть и бессильных и грешных. И всегда Церковь им явится благодетельною исцеляющею силой, опорою духовного богатства и внутреннего развития.

Преподобный Нил в творениях его

В конце IV века преподобный Нил был епархом Константинополя. «И бысть в словесех ритор изряден». По преданию, любящий ученик Златоуста. Испытав суету мира развращенного, он устремился к вечной жизни. По обоюдному соглашению, супруга его с дочерью поступили в женскую обитель в Египте, а сам он с сыном – в мужскую, у подножия горы Синайской. Там и написано им, как опытным подвижником, много мудрых и благодатных творений. Одних писем до тысячи, а всего три тома различных наставлений. Очень хорошо их издала Оптина Пустынь. В творениях его дышит дух библейский. Слова его, как крепкий гранит и очаровательны по форме. Чистота и ясность языка совершенны. Содержание разнообразно.

«Как я, если не сообщу другим дарованной мне благодати, в день суда подвергнусь ответственности, что духовный талант зарыл в молчании; так и у тебя потребуется отчет, если вверенный тебе небесный дар ведения не преподашь и другим способным приять его… Нечестивые, безбожные, лукавые и беззаконные сатанинские помыслы да не смущают и не изумляют тебя, да не приводят в уныние и расслабление добрую душу твою, украшенную верою и огражденную крестом Христовым. И если не возлюбишь блаженных и подлинно Божественных словес Писания, то уподобишься скотам несмысленным и бессловесным. К чтению Писаний должны мы прилепляться сердцем, не зная в этом и сытости… Так как в тебе вселились словеса Мои, то памятию воспомяну о тебе в Царствии Моем; и нимало не бойся, с тобою буду всегда, избавлю тебя от всякой скорби, исхищу из руки злоумышляющих. Познав себя самого и осудив свою негодность, ты будешь иметь возможность просветиться; потому что познание грехов есть утро души, а осуждение их – начало спасения. Исповедуй Богу немощь свою, чтобы воссияла для тебя благодать и совершилось чудо. Прекрасное покаяние имеет столько силы, что в мгновение освободит от тысячи грехопадений и на самом одре борющегося со смертью. Теснота обстоятельств не стесняет Божия человеколюбия. Бог мог бы делающих худое остановить и против их воли, но Он не останавливает насильно, чтобы не стеснялась человеческая свобода… Плакать и проливать слезы в грехах – великая польза, такая, что невозможно и изобразить ее словом. Ты только начнешь печалиться о грехопадениях – приговор отменен, и дано тебе прощение. Предоставь все Господу и тогда окажешься любомудрым и утишишь сердечную бурю… Когда мысль скорбящего, как голубица Ноева, не находится нигде, ни внутри, ни вне себя, места успокоения – естественно стремиться к Небу… Все, что бывает без благодати Духа, Бог ни во что не считает… Не малое время жил ты по воле диавола; начни же когда-нибудь жить и по воле Создавшего тебя; послужи когда-нибудь и законам Христа, Всевышнего Бога. Ничто не равноценно разумной душе, ничто не равновесно Небесному Царству. Долго ли будем тленное предпочитать нетленному? Долго ли будем держаться этой мысли, что видимые блага драгоценнее невидимых? Долго ли останемся при своей решимости служить неразумной

прелести и мечте? Долго ли будем любить врага и губителя душ наших, сатану? Долго ли будем верить его советам к погибели? Ни один советник не достоин такого доверия, как человеколюбец Бог; никто не благоразумнее Источника премудрости; никто так не близок и не полезен, как благий Владыка, создавший нас. А ты, пренебрегши Им, вошел в общение с отступником змием, самому злу внимаешь, как самому добру, обнимаешь убийцу, как друга, превосходящего всех буйством признаешь благоразумным, погруженного во тьму почитаешь светилом, страшный недуг представляешь себе величайшим здравием, нищету почитаешь великим богатством. Должно ли много говорить человеку, у которого омертвело ухо ума? Окажем ли какую пользу, если будем петь для того, кто по своей воле стал глух для всего прекрасного?..

И демоны влагают в нас страшливые и боязливые помыслы, и сам ум порождает нередко какие-то смятения, страхи и ужасы. Но то и другое врачует Спаситель, легко исцеляющий всякую болезнь и всякое страдание, если будет призван молитвами, благотворениями, чтением Божественных Писаний и призыванием имени Иисус…

Все, что не встретится тебе прискорбного и горестного, принимай без всякого ропота. Без Божия суда не постигнет нас никакая болезнь, и ничто обыкновенно нас изнуряющее и опечаливающее… Ни один советник не достоин такого доверия, как человеколюбец Бог. Знай, что чем больше болишь ты плотию, и чем более разнообразные скорби и наказания посылает тебе Господь, тем в большей мере оказывается Он простирающим к тебе искреннюю любовь… Если желаешь войти в Небесное Царствие, то желай себе скорбей. Кто не имеет скорбей, тот никак не войдет в него, потому что «врата узки» (Мф.7:14)… В изречениях Писания скрыто Царство Небесное. Открывается же оно постоянно пребывающим в молитве, в безмолвии, в псалмопении и в чтениях, которыми обыкновенно просвещается ум…

Как же ты желаешь и молишь Бога сподобить тебя какой-либо духовной благодати без труда и скорби? Всякому, кто желает принять какой-либо небесный дар, должно прежде претерпеть много скорбей, искушений, печалей и потом уже собирать плоды Святого Духа. Не ищи с жадностью простора в жизни, но пожелай лучше отыскать

тропу узкую и тесную. Для того даны нам два уха, а один язык, чтобы для спасения более мы слушали, нежели говорили. Угодно Богу, чтобы всегда надеялись мы на Него. Если не скоро бываешь слышан, укрепляйся добрым ожиданием, терпеливо и великодушно надейся. Да не впадем в малодушие, но будем и в скудости ожидать обилия, и в скорби – упокоения. Помни всегда о Боге, и ум твой сделается небом… Веровать во Христа есть оправдание, исповедать же Его устами – совершенное спасение (Рим.10:9-10)…

Богу угодно, чтобы мы подали Ему только малый предлог, и Сам уже делает все прочее для нашего спасения. *Выходя из дома, произнеси прежде эти слова: отрекаюсь от тебя, сатана, от гордыни твоей и от служения твоего и сочетаваюсь с Тобою, Христе. Без этих слов никогда не выходи. Это будет для тебя жезлом, оружием, столпом непреоборимым. Вместе же с этими словами изобрази на челе крест. Тогда не только человек, но и сам диавол не сможет причинить тебе какой-либо вред, видя, что всюду явишься ты с этим оружием*«.

Человеку, ищущему спасения, предлагается иметь такой образ мыслей, возводящих его к престолу Божию. Иначе ждет его величайшее несчастье – жить без Бога, погружаться во тьму, переживать богооставленность в своих собственных путях. И во мраке, потеряв последнее добро и разум, ожидать страшную гибель и вечную смерть.

Прозрения епископа Порфирия

Наблюдая жизнь народов в своих путешествиях, епископ Порфирий делает ценные выводы в своем дневнике «Книга бытия моего». Обладая ясным и четким стилем, он как художник рисует картины о людях Востока и Запада. Никого не щадит. Всегда любознательный, с пытливым умом и неутомимою энергиею, он являлся самым способным лицом, чтобы наблюдать и изучать жизнь православного Востока и Европы. «По особому устроению Божию, я рассматриваю разные народы и племена. Их жизнь мировая прикасается к моему удельному бытию и волнует мой ум. Не властен я ни остановить, ни утишить это волнение. Как только скажу сам себе: «Не вперяй ты пытливого взора в таинственные судьбы народов и лучше молись о

них,» воздыхания, стоны, замыслы и говор народов четырьмя ветрами доносятся до моей души, и я невольно перестаю молиться, отверзаю свои очи, созерцаю и вопрошаю: что такое делается в мире и что будет?.. Во всей Европе большой неурожай духовный: нет ни поэтов, ни философов, ни витий, ни законодателей, ни проповедников, ни богословов. Посредственность и тяжелое спанье духовных сил заменяют бодренность и полет дарований в область истины, добра, красоты и правды. Ни из старого, ни из нового Рима не течет ни одна струя животворная для утоления духовной жажды народов. В католической Испании, где никогда не была написана ни одна философская строчка, духовенство, недавно умевшее воодушевлять гверильясов на поле брани, не изрекает слова (к созиданию, упокоению), могущего облагополучить отечество во время мира. Слово Франции есть слово, разрушающее все опоры жизни. Знаменитые университеты Германии спорят, отрицают. В Мюнхене есть люди, ни о чем не думают, а духовная мертвенность считается приличием при дворе. В Берлине философский анализ убил вдохновение и какая-то дремота объемлет умы многих. Англия, торгуя, накопляет долги и довольствуется черствым пиэтизмом, то есть служит Богу не сердцем, а воображением. Россию морит нищета духовная. Где у нас пророки, которые верховным словом питали бы Русь, по природе склонную к вере, поэзии и чарам духовного мира?.. Где у нас пророки, которые во имя Бога и Евангелия проповедовали бы плененным свободу? Где апостолы, которые шли бы учить и крестить языки, сидящие во тьме и сени смертной и напитать их хоть бы крупицами слова Божия? Разные секты, как черви, подтачивают сенно-лиственное древо Русской Церкви… Каковы ныне власти в Европе? Власти в Европе, желая казаться людьми народными, унижают себя до звания ремесленников. Король прусский рисует карикатуры; король баварский пишет любовные стихи и занимается ремеслом любовных дел; принц ганноверский состязается с мещанами в удовольствии катанья на коньках по льду; король саксонский – ботанист и со студентами собирает на горах травки-муравки и козявки и т.д. Император Австрийский делает сургуч, прогуливается по крепостной стене Вены в мещанском суртучишке, держит поношенную шляпу под мышкою, дабы при непрестанных поклонах народа и народу не трудиться скидывать ее… Что это за

странность! Но ведет ли к добру унижение царственности до черни? Что за печальная эпоха, в которую мы живем и в которую князи людские делаются цеховыми мастерами, паяцами, стрельцами и прочее. Ждать беды! Не заметила бы чернь своего превосходства над ними и как бы не сказала: и я гожусь в цари!

«Люблю я царей, но таких, каков Николай I благодатный. Это орел, гроза Божия, высота небесная, красота увлекательная! Люблю в нем степенность семейную, вид геройский, жест и взгляд царский. Он приветствует народ, не скидывая шляпы. Так и быть должно. Кто обнажает голову перед другим, тот раб. Каковы правители в Европе? Горе им! Ибо где чудища, там и геркулесы. Их рвут вольтеры, дидероты, ламенне, кине.

Палаты, сенаты, государственные советы, министры, приказные бюрократы составляют правительство… Эти грехи правительства не останутся без наказания. Опасно, как бы ремесленники не увлеклись учением коммунистов и не обратили бы дворцы и боярские теремы в рабочие дома…» Мы добавим. И митрополит Филарет Московский предсказывал в свое время: «Вижу страшную тучу, идущую с запада на Церковь и Россию, но чем она разразится – не вижу…» Зато мы теперь видим, чем она разразилась… Страшная злоба богохульников не терпит христианства, и оскотинившееся человечество быстро созревает к огненному истреблению и к геенскому вечному огню…

«Каждый народ рождается на земле, а не на небе, и питается произведениями земли, а не воздухом, и Бог сотворил землю для него, а его для земли; следовательно, он есть самый законный владелец по земельной собственности и по праву труда. Что ж такое барщина, наемничество, рабство? Выдумка сатаны. Оброк есть самое естественное постановление древнего славянства!..

Все это странно, безобразно, печально. Когда какой народ сознает свои духовные пределы, тогда в нем нет беспредельного Бога… Для души моей мало вселенной… орлу нужно широкое поднебие… Кит может жить и плавать в океане. Но не высоко ли я мечтаю о себе? Не сокрушит ли Господь мое превозношение?..

Бог зовет меня на небо путем тернистым. Да будет воля Его… Земля – не отечество человека. Это – сад Божий, в который он на время

посылается делати и хранити его… Утила буря моих помышлений. Я проник небеса и бездны вечности, стал у престола Божия и тут молился пламенно… По молитве воцарились в душе веселие, спокойствие… Как хорошо, что между опасностию и любовью к жизни религия становилась как ангел-помощник и утешитель. Вера и молитвы христиан подобны разливу солнечного света…»

Богатство содержания открывается в «Книге бытия» епископа Порфирия. Там рассеяно много интересных заметок, приписок и планов. Глаза разбегаются от всего оригинального, исторического, археологического и музейного материала. Его подчас очень сильные и резкие выражения в «Книге бытия» вызваны всегда беззаветной и самоотверженной любовью к России и Православию. Он же и поэт религиозной настроенности.

Мы полагаем, что крупицы эти, поднятые нами из огромного сокровища, изданного в свое время Императорской Академией Наук, могут дать частичное представление о трудах неутомимого путешественника и ученого исследователя Востока и Европы.

Прошло 87 лет со дня его смерти. Мир душе его.

О воскресении

Апостол Павел поет победную песнь о торжестве жизни над смертью (1Кор.15:54-57). Он указывает на явления Господа: апостолу Петру, двенадцати апостолам, пятистам братьям, собранным вместе, Иакову, апостолам всем и, наконец, Дамасское явление. О явлении Господа по воскресении Кифе прямо говорится в Евангелии Луки: «воистину воста Господь и явмся Симону» (Лк.24:34). «Кто первый исповедал Его Христом, тот справедливо первый удостоился видеть и воскресение Его. И не поэтому только Христос явился прежде всех одному Петру, но и потому, что Петр отрекся Его; дабы совершенно утешить его и показать, что он не отвергнут, Христос удостоил его Своего явления прежде других» (Златоуст). На Галилею, где Господь явился ученикам, указывает Он с целью утешения учеников в их скорби. Он, Воскресший, явится в Галилее – их отечестве, месте их постоянного жительства и обыкновенном месте Его проповеди. Если они оставят Иерусалим из боязни преследования со стороны иудеев, Он, Воскресший, торжествующий над врагами, их не оставит: Он

даже предварит их в Галилее. Усумнились «одиннадцать», но их сомнение касалось не действительности воскресения Христа, а тождества с Воскресшим Того Лица, Которое они теперь видели. Одни поклонились, другие выразили сомнение, Воскресший ли это Господь – факт аналогичный бывшему при явлении на Тивериадском озере (Ин.21:4). Христос, как видно, находился в некотором отдалении от учеников и в Своем прославленном Теле мог быть не узнан сразу всеми учениками. О явлении более, нежели пятистам братий, собранным вместе, говорит только святой апостол Павел. В Евангелии нельзя указать соответствующего явления. О Иакове Златоуст говорит: «Мне кажется явился брату Своему; его Он Сам рукоположил и поставил первым епископом в Иерусалиме…»

Признавая воскресение Христа, нельзя отрицать и воскресения мертвых, и наоборот: кто отвергает воскресение мертвых, тот не признает и воскресения Христа, как отвергающий действие отрицает в то же время и его причину… Воскреснут не члены только Тела Христова, или члены Церкви, а воскреснут соестественные Его Телу, то есть воскреснут все. По причине, что Воскресший есть Богочеловек, Он есть источник силы, основание воскресения, сила же эта простирается на всех, поскольку воскрес Богочеловек Христос Иисус и все соестественны Его Телу. Если Христос воста, то воскреснут и верующие в Него. Воскресение Христа служит основанием, или залогом воскресения принадлежащих Ему… Все, оставшиеся в живых до пришествия Христова, мгновенно облекутся в нетление – все, а не только верующие. Все вместе встретят Господа (1Фес.4:17). Последний враг упразднится – смерть (1Кор.15:26). Будет общее воскресение всех – верующих и неверующих, праведных и неправедных. Смерть будет упразднена «после всех, после диавола, после всего прочего; ибо и вначале смерть вошла после всего: прежде совет диавола, потом преслушание, а затем и смерть. Сила ее и теперь упразднена, но действие прекратится тогда» (Златоуст). «Подобает Ему царствовать» (1Кор.15:25), «упразднив всякое начальство и всякую власть и силу» (1Кор.15:24) и всякое богоборческое начало, которое при воскресении и суде уже не будет иметь места. После общего воскресения мертвых и суда следует кончина… Христос Богочеловек, Искупитель, Примиритель предаст Отцу основанное Им царство благодати, предаст не в том смысле, что

Сам откажется от царствования, перестанет быть Царем, а предаст Царство устроенным. «Из Писания известны два Царства Божии: одно по усвоению, другое – по сотворению. По сотворению Христос царствует над всем: над язычниками, иудеями, бесами, врагами; а по усвоению царствует над верующими, добровольно подчиняющимися, послушными. Спаситель сказал ученикам: «Дана Мне всякая власть на небеси и на земли» (Мф.28:18) от Отца Моего, где приписывает все Отцу не потому, чтобы Сам Он не имел чего-нибудь, но чтобы показать, что Он есть воистину Сын. Это-то Царство Он предаст, то есть устроит и покорится, «как прилично Сыну и Богу – не по человеческим представлениям покорится, но свободно и имея полную власть» (Златоуст). Сын покорится, имея совершенное согласие и единение с Отцем…

Если нет воскресения мертвых и соединенного с ним воздаяния за труды, то самоотверженная деятельность благовестников Евангелия – апостолов и их сотрудников – является совершенно непонятною. Никто не подвергается напрасно постоянным бедам и скорбям, а один мотив человеческого тщеславия здесь далеко не достаточен. «Из тщеславия, может быть, кто-нибудь решился бы на это один или два раза, но не всю жизнь, подобно нам; а мы посвятили на это всю жизнь свою» (Златоуст). Жизнь Апостола полна скорбей и страданий: «По вся дни умираю» (1Кор.15:31), то есть каждый день и каждый час угрожает мне опасностью смерти со стороны всякого рода врагов. О бедствиях и страданиях Апостола знают. Коринфская Церковь служит живым, наглядным свидетельством его трудов и подвигов. Из различных родов смерти, угрожавших Апостолу, упоминается об одной опасности: «Со зверем боролся в Ефесе» (1Кор.15:32). Это означает борьбу Апостола со злейшими его врагами – иудеями, не один раз поднимавшими против него народную чернь. В борьбе Апостол одушевлялся высочайшими упованиями жизни и бессмертия; иначе «какая мне польза, если мертвые не воскреснут» (1Кор.15:32). «Если же мы в этой только жизни не надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (1Кор.15:19). «Подлинно, велика награда уже в том, чтобы во всем угождать Христу, и без награды великое воздаяние уже в том, чтобы за Него подвергаться опасностям» (Златоуст). Если нет воскресения мертвых, то единственным началом жизни нужно поставить то, что, по словам

Пророка, говорили в его время люди беспечные, предавшиеся отчаянию: «станем есть и пить – завтра умирать нам» (Ис.22:13). Если со смертью оканчивается все и впереди – одна тьма и мрак, то нужно взять от жизни все, что она может дать, исчерпать все чувственные наслаждения. Предостерегая Коринфян от такого нелепого образа мыслей, Апостол дает увещание не поддаваться соблазну людей злых, развращенных, дурные беседы с которыми портят добрые навыки. Нужно пробудиться от духовного сна, бодрствовать духовно, как и подобает христианину, следствием чего явится постоянное стремление уклоняться от греха. Отрицание воскресения мертвых опирается, по слову Апостола, на незнании Бога, незнании «силы Божией» (Мф.22:29), сотворившей сущее из несущего и тем более, следовательно, могущей привести тленное в нетление… Как и Христос, «воскреснут мертвии и восстанут сущие во гробех и вси земнороднии возрадуются» (канон Вел. Суб.). Воскрес Христос – воскреснем и мы. В Нем залог всеобщего воскресения. В Нем торжество жизни над смертью… Воцарится бессмертная жизнь и все преисполнено будет неизреченною радостию жизни, «играя и веселясь непостижымым веселием» (Симеон Новый Богослов, 3 т., 46 г.).

Идите!

Со страниц Евангелия Господь взывает: идите, идите… Мало делателей. Проповедуйте Слово Мое…

Есть картина. Христос на вершине горы. Его исстрадавшийся лик озарен чудесным светом. Большие и прекрасные глаза смотрят вдаль с любовью; своим взором обнимают и близких, и дальних. Простертая рука Его, с гвоздиной язвой, указывает вдаль. Христос говорит: идите! Весь Его образ, Его движения, раны, глаза, простертая рука, все выражает одно: идите!.. И кажется, что к нам отовсюду, не издалека только, а и вблизи простираются руки. Со всех окраин. Из трущоб. С улиц. Везде есть потерявшие Христа и ищущие Его. Они томятся. Они задыхаются без свежего воздуха. Как нельзя жить без воды, без пищи, так нельзя жить без Христа… Мы слышали такую притчу: более тридцати лет странствовал Христос по земле. И на небе стосковались по Нем и дождаться не могли Его возвращения… И вот настал час, все толпятся вокруг неба и насмотреться не могут на

желанный Лик. И Отец! Как Он приветствует Своего возлюбленного Сына, как целует эти раны, понесенные за людей, раны на челе, на руках, на ногах! Обступают Божественного Крестоносца все сонмы небесные, преклоняются пред Ним ангелы и архангелы.

Вдруг слышен голос. Отверзает уста архангел Гавриил и спрашивает: Господи, Ты умер на земле за целый мир? – Да, за целый мир, – отвечает Христос. – Ты много страдал? – вопрошает далее Архангел, всматриваясь в Лицо, носящее следы страдания. – Много страдал, – слышится ответ. – И они все про это знают? – О, нет, лишь немногие в Палестине и окрестностях. – Что же будет дальше, Господи? Как узнает мир, что Ты умер за него? Как сообщишь Ты людям?

- Я поручил это Петру, Иакову, Иоанну, Андрею и некоторым другим, – отвечает Учитель. Я завещал им жизнь положить на то, чтобы сказать другим, все дальше и дальше, пока всякий человек на самом дальнем крае земли не услышит вести благой и не испытает ее на силы.

А Гавриил знал, каковы люди. Не доверяет им, не надеется на успех и снова с вопросом: – А если Петр не исполнит поручения? Если Иоанн поколеблется, не скажет другим? Если их потомки так увлекутся разными посторонними делами, что не скажут никому про это дело, тогда что? Твердый Божественный голос Христа отвечает: – Не могут ученики Мои не продолжать дела Моего. Не будут они таить сокровища Моего для себя, они передадут его всем…

Да, апостолы не скрыли сокровища Христова – разнесли его по всему свету. В муках, страданиях пред лицом смерти, они благовествовали о Истине, о Жизни, о Свете, о Источнике спасения и единственном Пути в Царство Божие. Не боясь смерти, смелые, дерзновенные, они всюду сеяли Божественное семя. Чудесами подкрепляли силу и могущество его. Каким пожаром горела их вера! Как велика, как безгранична была любовь к Спасителю! Воистину они все оставили; больше отца и матери, больше сына или дочери возлюбили Христа и славу Божию. Потому и получили нетленный венец. Царство Божие нудится. Без нас Господь не спасет нас. Оружие не поможет воину, если он не возьмется за него и не будет уметь пользоваться им; так и жертва Сына Божия, так и Дух Святый, ниспосланный на нас – без нас и наших усилий не спасут нас.

Мы подобны человеку, который, видя рассыпанный жемчуг, поленился поднять, нагнуться и сделаться обладателем несметного сокровища. Мы похожи на того безумного гостя, который, будучи приглашен на роскошный званый пир, считал для себя за великий труд протягивать руку к яствам и ушел голодным.

Какая косность и глубокое непонимание своего величайшего призвания?! Есть язык неба и есть язык земли. Единственная наша задача в этом мире – твердое и благонадежное хождение в воле Божией. Она непременно приведет нас к желанной последней блаженной цели… Знали апостолы, что кто не исповедует сам и не проповедует Господа своими делами и словом, тот предает Его. И Сын Человеческий не признает его на суде Своем…

Пламенные души проходят на земле без шума, но, подобно прекрасным цветам, всюду оставляют после себя благоухание. О, Боже! Если и цветы, увядая, оставляют после себя плодовое зерно, то эти стремительные души не произведут ли себе подражателей, которые пожелают продолжить их благодатный труд радования. Умножи, Господи, делателей в винограднике Твоем. Сорная трава и бурьян вредят Твоему Божественному Винограднику, насажденному Твоею любящей рукой. Сохрани Его, Господи, и введи еще заботливых делателей, безропотно и искренно желающих процветания Его. Крепка рука Господня, охраняющая и направляющая путь нашей жизни к Царству Своему. Помози нам! К Тебе идем, Сыне Божий, Спасителю наш. Для этого Ты и Церковь основал непобедимую. И счастливы мы, что к ней принадлежим и любим ее всем сердцем.

Послесловие

Необыкновенная радость бывает от законченного дела. Я чувствую эту радость сейчас, что книга скоро будет предлагаться всем любителям, всем желающим постигнуть чужой опыт по вопросам религиозной жизни. Вкусы бывают разные, но когда вслушаешься в чужие слова, то тут же является оценка их.

Один человек говорил: после покупки книги в пятьсот страниц «О понимании,» что он с большим усилием просмотрел и все же остался со своим непониманием. Другой купил дорогую книгу и по прочтении ее жалел и время, и деньги, напрасно потраченные. Лучше бы это

время провести на ногах среди живых людей и, слушая их, он больше бы получил, чем он имеет от этой книги.

Вообще значение книги огромно, но пока доберешься до хорошей книги, проходят десятки лет.

Очень большая радость, когда книга остается по наследству и переходит из поколения в поколения как драгоценная золотая книга, хранящая в своем содержании Божественный свет. И такая книга имеется у меня: «Акафисты и каноны,» изд. Киево-Печерской Лавры 1799 года. Бывший владелец написал в ней: «Книга эта принадлежит гражданину Михаилу Ивановичу Вашковскому и составляет все мое наследство, оставленное мне отцом, дедом и прадедом». Какое это прекрасное духовное наследство, драгоценнее всех других наследств. Я счастлив. Оно находится в моей библиотеке, и я им пользуюсь. Как к искателю жемчужин подобного рода, они легко переселялись на мой письменный стол, притягивая взоры и внимание к себе. От этого духовного сокровища, которое предлагалось в свое время, у меня никогда не было отказа. Редчайшие книги всегда находили во мне оценку…

Минея служебная за декабрь месяц, издание 1620 года, Москва, когда шрифт вырезали на дощечках и каждая книга печаталась два года. Эта работа могла быть только у людей пламенной веры и у самоотверженной любви к Божественной книге… Минея служебная: «Сентябрь, октябрь и ноябрь» в древнеславянском переводе академика И.В. Ягича, изд. Императорской Академии Наук, памятники древнерусского языка 1095–1097 гг. Это же шедевр неповторимой древней красоты. Только понимающая радостная любовь может их в полноте оценить и петь им сладостные гимны.

Осанна Церкви Христовой! Она сберегла нам бездну премудрости и Божественную красоту в Богослужебных книгах. Она предлагает усладиться и веселиться всем искателям истинно Божественных жемчужин и душою вознестись к горним, голубым высотам беспредельного неба.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch